

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

Материалы V международной научной конференции

Минск, 21–23 октября 2022 г.

Минск МГЛУ
2022

УДК 81
ББК 81я4
У59

Рекомендовано Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 4(65) от 14.10.2022

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *Е. А. Пригодич* (БГУ); кандидат филологических наук, доцент *А. М. Дудина* (МГЛУ)

Редакционная коллегия: Л. Н. Неборская (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич, Е. В. Зуевская, А. В. Сытько, В. А. Шевцова

Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V международной научной конференции: сб. науч. ст., Минск, 21–23 октября 2022 г. / редкол. : Л. Н. Неборская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – 256 с.

ISBN 978-985-28-0165-2

В материалах сборника освещаются проблемы соотношения универсального и культурно обусловленного в языковых картинах мира, рассматривается роль сходств и различий между ними в процессах межкультурной коммуникации, обучении иностранным языкам, а также в переводческой деятельности и литературоведении.

Предназначается для специалистов в области лингвистики, переводо- и литературоведения, преподавателей иностранных языков, а также аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81я4

ISBN 978-985-28-0165-2

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2022

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК (811.112.3+811.161.1)'374

Г. А. Баева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ПЕРВЫХ БИЛИНГВАЛЬНЫХ РАЗГОВОРНИКАХ

Рассматриваются особенности языковой репрезентации деловых и бытовых коммуникативных ситуаций, передающих как универсальные, так и национальные особенности языковой картины мира в «Нижненемецко-русском разговорнике» 1607 г. ганзейского купца Т. Фенне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: разговорник; коммуникативная практика; диалог; обращение; пословица; языковая картина мира.

Первые рукописные русско-немецкие и немецко-русские разговорники датируются к. XVI н. XVII вв. [1; 2; 3]. Их создание имело исключительно прагматическое значение, было связано с необходимостью осуществления коммуникации в бытовой и коммерческих сферах и отражало специфику коммуникативных практик общения между российскими (новгородскими и псковскими) и ганзейскими купцами. В период отсутствия языковой нормы как в русском, так и в немецком языках для отражения таких практик авторы-составители использовали близкую их родному диалекту языковую систему и свой языковой опыт и предоставляли в распоряжение говорящих сложившиеся и бытующие в их социуме устные (реже письменные) готовые и общепринятые фразы-формулы речи, отражающие в записи местное произношение, значения слов и синтаксические модели, которые отличались известной репродукцией и устойчивостью в повторяющихся, обыденных речевых действиях [4, с.111; 5, с.132]. В разнообразных коммуникативных практиках, представленных в нижненемецко-русском разговорнике 1607 г. Т.Фенне [6], проявляются как национальные особенности вербального поведения немецких купцов (стремление к порядку, доминирование в бытовых ситуациях, выраженное в многочисленных императивах-приказах по отношению к нижестоящим, подчеркивание своей значимости и привычек и др.), так и следование «общекультурным нормам» (приветствие, прощание, знакомство, привлечение внимания, извинение и т.п.), отражающие историческое универсальное и национальное в коммуникативном поведении.

Примером универсальных, межкультурных представлений о мире служат приветствия гостя типа *du bist my willkamen* 'добро пожаловать', и многочисленные фразы с лексемой *Gott* 'Бог', в которых одновременно соединяются приветствие, пожелание, как общего характера, так и конкрет-но, здоровья, успешной торговой сделки, а также благодарность, заверение в божьей

помощи и т.п., которые могут использоваться во многих коммуникативных ситуациях, описанных в разговорнике: *Datt geue gott Boch dai tztobi tomu tak stalosa; Godt gebe das deme so wesen magh; Gott helpe iw / Gott fordere iw / Londtt gott / Vorgelde idtt got/Groten dangk / Gahe mytt gade / Godtt bewahre dý / Gott gesegne dý / Gott gesegene iw* [6, S.266].

Автор-составитель разговорника описывает коммуникативные ситуации от первого лица, в основном те, в которых он сам принимает участие, и относительно редко приводит примеры с обращениями, в которых в зависимости от стратегии высказывания и его эмоционального фона используются фамильярно-доверительное *frundtt* (соответствует в русском *друг / мой сердечный друг* или *дружке*), *(min) broder* (в русском *(родной) брат*), а также *vader*, что соответствует русскому *батя* или *moi todimetz*. Перечисленные лексемы зафиксированы в основном в обращениях с равноправными участниками диалогов. Единичны примеры обращения *herr (gospodin)* и *frundtlicher her*. При обращении к слуге используется лексема *junge* и русские соответствия *малец, мацке*.

Основная часть деловых диалогов связана с торговлей и ведением переговоров. Здесь доминируют универсальные высказывания с призывами к выполнению коммерческих обязательств в соответствии с существующими в торговом сообществе правилами, при этом используются упоминания о предыдущих отношениях и договоренностях, о добрососедстве, дружбе и обычаях: *Gewohnheit, Freundschaft und Nachbarschaft*. Значительная часть диалогов передает вежливые формулировки просьбы, начинающие с *Ich bidde* (будущее *bitte*), в русском - *пожалуй* (будущее *пожалуйста*).

Удачная коммерческая сделка завершалась характерным для того времени выражением *ударить по рукам, обручить* и надеждой на божью помощь при получении прибыли (*winst*), после чего полагалось отметить покупку-продажу приглашением в гости с выпивкой и угощением: *литки нить - den vinkop trinken*. Соблюдение правил торговли воспринималось коммерсантами как само собой разумеющееся, поэтому благодарности типа *Groten danck / danken geven* встречается редко.

При всей доминантности ситуаций в пользу честной торговли неотъемлемой чертой торговых отношений является письменное подтверждение в виде *долговой расписки - поручительства (kabala - handtschrift)* на случай опасности (*wegen allerley gefahr*) с обязательной подписью.

Как универсальное и одновременно национальное в языковой картине мира следует отметить паремические высказывания в виде пословиц, поговорок и отдельных предложений, которые касаются и повседневной жизни, и коммерческих интересов. Изобилие и разнообразие паремий и близость их семантического содержания в немецком и русском языках служат доказательством национально-культурного и межкультурного взаимодействия между двумя народами и ориентированы на человеческие отношения и общие ценности, например: *Tolko ludi tolko vmoff. Souehle lude, so vehle sinne* [6, S. 476] - *Сколько людей, столько и мнений (умов); Dirsi svoi sloua kak*

stena Holtt dynn ordtt alse eyne mure [6, S. 257] - *Держи свои слова как стена; Vtati glasi sauistliui, ruki grabuszi Ein deff hefft affgunstige ogen. Vnd grep haffige hande* [6, S. 240] - *У страха глаза завидущи и руки загребущи* и т.п.

К особенностям национально-немецкого восприятия описанных в разговорнике коммуникативных ситуаций относятся частое противопоставление «свое – чужое». Фенне настоятельно рекомендует немецким купцам и путешественникам сохранять в России свой среднеевропейский образ жизни, ни в коем случае не перенимать русский образ жизни и не вступать в личные, близкие отношения с русскими [7, S. 82], иметь дело исключительно с людьми высокого происхождения, отказываться от низкокачественной русской еды и, при необходимости, предпринимать другие действия [8, S. 505]. В разговорнике Фенне приводит достаточно большое число фраз, связанных с негативными ассоциациями в стране пребывания и демонстрирует неодобрение и даже пренебрежение, которое немцы испытывают к русским и их обычаям [6, S. 218].

Реконструкция бытового и делового контекстов, моделирование образов собеседников, анализ использованных речевых формул в разговорнике Фенне демонстрирует особенности формирования языковой картина мира и черты национально маркированного вербального коммуникативного поведения русских и немцев в деловом и бытовом общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, М. П.* «Книга русского языка» Т. Шрове 1546 и ее автор / М. П. Алексеев // Памяти Л. В. Щербы. – Л., 1951. – С. 103–112.
2. *Ларин, Б. А.* О записях иностранцев как источнике по истории русского языка / Б. А. Ларин // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. – Л., 1946. – С. 7–16.
3. *Ларин, Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси 16–17 веков / Б. А. Ларин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 683 с.
4. *Баева, Г. А.* Коммуникативные практики и их реализация в первых двуязычных разговорниках / Г. А. Баева // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете IX. Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов. – СПб., 2020. – С. 110–130.
5. *Баева, Г. А.* Национально-культурное своеобразие коммуникативного взаимодействия в отдаленные эпохи (на материале первых двуязычных разговорников) / Г. А. Баева // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете XI. Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов. – СПб., 2021. – С. 130–152.
6. *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 : in 2 Bdn / ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Bd. 2 : Transliteration and Translation. – Copenhagen : Munksgaard, 1970. – 566 p.*

7. *Harder-Gersdorff, E.* Dar klingedtt geldtt: Kaufmannssprache auf russischen Märkten in der niederdeutschen Phraseologie des Tönnies Fonne (Pleskau 1607) / E. Harder-Gersdorff // Beiträge zur hansischen Kultur-, Verfassungs- und Schiffahrtsgeschichte (sic!) / H. Wernicke, N. Jörn (Hrsg.). – Weimar : Verlag Hermann Böhlaus Nachfolger, 1998. – (Hansische Studien, Bd. 10 ; Abhandlungen zur Handels- und Sozialgeschichte, Bd. 31). – S. 81–91.

8. *Pickhan, G.* „Wan ich frolich sy so hebbe ich dy gerne“. Grundmuster der interkulturellen Alltagskommunikation zwischen Deutschen und Russen im Gesprächsbuch des Tönnies Fonne (1607) / G. Pickhan // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas / E. Hösch (Hrsg.). – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2001. – Bd. 49, Heft 1. – S. 500–509.

УДК 811.112.2'42'322.4

А. И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Рассматривается проблема применения точных методов для интерпретации и перевода текстов художественных произведений. Приводится пример статистического анализа романа Ф. Кафки «Замок».

Ключевые слова: интерпретация художественного текста; художественный перевод; обработка естественного языка; русский язык; немецкий язык; роман Ф. Кафки «Замок».

Цель настоящей работы – осветить проблему работы над текстом художественных произведений, опираясь на точные методы, которые помогают реализовать инструментарий программных библиотек для обработки естественного языка (англ. Natural Language Processing).

На первый взгляд, интерпретацию произведений художественной литературы как особый вид когнитивной деятельности со стороны читателя очень сложно представить связанной с каким-либо узким формальным подходом, поскольку «интерпретация есть способ жизни искусства в пространстве и времени, а интерпретационная деятельность читателя есть адекватная диалогической природе искусства форма общения» [1, с. 77]. Более того, некоторые исследователи фактически заключают, что однозначная интерпретация художественного текста невозможна, так как она происходит «через призму личного опыта и переживаний каждого читателя индивидуально, что практически стирает границы вариантов интерпретации» [2, с. 233].

Тем не менее, мы считаем, что применение точных методов анализа содержания является оправданным и может помочь выявить некоторые интерпретационные константы для того или иного художественного произведения (или серии художественных произведений в рамках творчества отдельного писателя или целого литературного направления), которые правомерно считать результатом опосредованного диалога автора и некоего «эталонного» читателя.

Потребность в таком «эталонном» чтении (другими словами – интерпретации) не кажется критической в рамках одной лингвокультуры, т. е. когда пишут и читают на одном и том же языке. Но когда посредником между автором и читателем выступает переводчик, то закономерно встает вопрос, насколько результат работы последнего может считаться равным оригиналу. Здесь справедливо будет заметить, что высказанная нами идея не нова. Так, в предметно-специальной литературе мы встречаем термин «нейтральный», или «среднестатистический» перевод, который рассматривается как результат коллективного выбора многих переводчиков [3, с. 55].

На наш взгляд, получение максимального количества формальных данных об оригинальном тексте с целью его более точной интерпретации позволит выбрать лучшие решения при его переводе на другой язык. И мы говорим не об использовании систем машинного перевода и систем «памяти переводов», но о некотором программном анализе, с помощью которого переводчик сможет более точно составить или оценить уже составленный текст.

Приведем конкретный пример. В главе 9 романа Ф. Кафки «Замок» мы встречаем персонажа, который характеризуется один раз как *der junge Herr* ‘молодой господин’ и 12 раз как *der Herr* ‘господин’. В переводе на русский язык употреблены 11 раз «молодой человек» и два раза «молодой господин», что создает неверное положительное впечатление о персонаже, в характеристике «господин» которого кроется важная для романа оппозиция «замок (господа) – деревня (простолюдины)» [4, с. 82–83].

Указанное несоответствие было обнаружено с помощью частотного анализа формально «положительных» и «отрицательных» характеристик в тексте романа по главам при использовании библиотеки обработки естественного языка *sraSu*, интегрированной в авторское программное обеспечение.

Экстраполируя данный метод анализ на весь текст романа и его перевод, мы получаем интересные результаты о коэффициенте соотношения «положительных» и «отрицательных» характеристик. Для оригинального текста он составляет 2,386, а для перевода – только 1,93. И это в значительной степени объясняет, почему немецкий текст, в целом, воспринимается как позитивный и местами даже комичный в своей абсурдности, тогда как интерпретации на основе русскоязычного перевода получаются глубоко пессимистичными. (В то же время мы согласимся с тем, что в этом месте наши суждения преломляются через собственные субъективные впечатления).

К перспективным и важным формальным признакам, которые могут быть получены с помощью программных инструментов обработки естественного языка и будут способствовать улучшению качества интерпретации немецкоязычных произведений художественной литературы и их перевода на русский язык, мы отнесем концентрацию и характер средств категории модальности (и в первую очередь – модальных глаголов), категории времени, частотные характеристики синтаксиса, а также частотные характеристики состава существительных/прилагательных и семантических групп существительных/прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядровская, Е. Р. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством и путь творческого развития личности / Е. Р. Ядровская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 113. – С. 76–82.

2. Кудряшов, И. А. Художественный стиль и интерпретация текста: образность, экспрессивность, детализация / И. А. Кудряшов // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы : материалы Международной научной конференции, Майкоп, 01–02 ноября 2019 года. – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2019. – С. 232–235.

3. Разлогова, Е. Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода / Е. Э. Разлогова // Вопросы языкознания. – 2017. – № 4. – С. 52–73. – DOI 10.31857/s0373658x0001021-2.

4. Горожанов, А. И. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2022. – № 45. – С. 62–89. – DOI 10.25076/vpl.45.03.

УДК 811.112.2'367.633(043.2)

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

КОМПОНЕНТ *РЕТРО* В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ДЕТЕКТИВАХ

Рассматриваются лингвистические особенности современного российского ретродетektива и немецкого криминального романа. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие сходства и различия в ходе объективации компонента ретро в российской и немецкой детективной литературе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *ретро*; *ретродетектив*; *жанр*; *беллетризация*; *новелизация*; *поэтическое слово*.

Актуальность проводимого нами исследования обусловлена постоянно растущим интересом к тривиальной литературе, а также к ее одному из самых популярных жанров – детективному. Современный детективный жанр представляет собой постоянно развивающуюся систему. Ее динамика позволяет автору искать новые формы, прибегать к потенциалу других жанровых систем и создавать уникальные гибридные жанровые образования, многие из которых в дальнейшем приобретают самостоятельный лингвистический статус, а массовому реципиенту дает возможность самостоятельно выбрать себе тот формат детектива, который наиболее полно отвечает его вкусовым предпочтениям, духовно-нравственным, эстетическим и социальным запросам. Проводимый нами на протяжении последних десяти лет анализ детективного жанра демонстрирует его разнообразие и одновременно свидетельствует о наличии устойчивых видов, к которым следует отнести исторический, иронический, политический, экономический, социальный и другие разновидности детектива. При анализе массовой литературы мы наблюдаем регулярное появление новых авторов российских ретродетективов и немецких криминальных романов. Тем не менее, компонент ретро стимулировал появление в российской тривиальной литературе появление ретродетектива в качестве самостоятельного жанра, в то время как в немецкой литературной практике данный вид детектива является скорее исключением. По этой причине мы полагаем целесообразным исследовать указанные разновидности детективного жанра.

В своих научно-популярных очерках М. А. Кронгауз справедливо отмечает две важные тенденции, характерные для массовой культуры, в нашем случае для тривиальной литературы – 1) новелизация и 2) беллетризация. Первая тенденция характеризуется тем, что детективный роман нередко появляется на основе телесериала или пьесы, что, безусловно, снижает его качество и формирует негативное отношение интеллектуального читателя к данной литературе. Вторая тенденция демонстрирует культурно значимый процесс «от романа через пьесу к спектаклю, от романа через сценарий к фильму» [1; с. 132]. Для исследуемых нами ретродетективов и криминальных романов характерна именно беллетризация, основанная на изучении фактологического материала, архивных документов, определенного культурно-исторического периода, геополитического контекста, геоэстетических описаний и т.п.

Материалом нашего исследования служат произведения наиболее востребованных российских и немецких авторов, однако, для иллюстрации нами выбран ограниченный круг детективов. В наших уже опубликованных научных работах детально описаны языковые особенности современного российского ретродетектива и способы объективации компонента ретро [2]. Нами установлено, что немецкий криминальный роман и российский ретродетектив обладают следующими общими лингвистическими характеристиками: 1) сосредоточенность расследующей инстанции (сыщика, инспектора криминальной полиции) на раскрытии преступления; 2) ретро- и проспективное описание событий (преступления, происшествия); 3) представленность мер по предотвращению дальнейших преступных событий.

Исследование компонента ретро осуществляется нами при помощи комплексной методики, включающей элементы дискурс-анализа, методы сопоставления, наблюдения, контекстуальный анализ. Комплексная методика позволяет выделить ключевые средства вербализации компонента ретро в русско- и немецкоязычном детективном жанре, а также выявить а) тенденции употребления языковых средств при интегрировании ретрокомпонента в сюжетные линии и б) способы погружения ретрокомпонента в современный социокультурный контекст.

В подтверждение вышесказанного приведем иллюстративный пример, в котором особый интерес представляют способы описания и представления традиции, которая соблюдается во многих коллективистских культурах, в том числе в немецкой, существующей преимущественно в сельской местности и в южных федеральных землях Германии. Так, сидя за столом за трапезой представители молодого поколения не могут продолжать есть после завершения трапезы представителем более старшего поколения, в данном случае отца. При этом представитель младшего поколения должен проявить интерес к порождаемому представителем старшего поколения тексту. *Der ältere der beiden Schwaben – mit beachtlichem Bierbauch unter dem Hugo-Boss-Anzug – legte den Löffel beiseite und schwäbelte: „D'r Lambert von Bellingen isch untragbar worda“ (Übersetzung für Nicht-Schwaben: Dieser Lambert von Bellingen ist untragbar geworden [3, S. 26].* В данном отрывке используются элементы швабского диалекта (ср. *isch untragbar worda*), которые носитель немецкого языка или специалист в области немецкого языка и культуры сможет расшифровать, тем не менее, автор с известной долей юмора в адрес швабского диалекта, которым вовсе не все обязаны владеть, дает «переводческий» комментарий в скобках (ср. *Перевод для не-швабов: ist untragbar geworden // <...> стал невыносимым*)¹. Подобные примеры наблюдаются и в российском современном ретродетективе: «*Бар – это что за зверь? / Эх, ваше сухонутство... Бар – это поперечная песчаная подводная отмель. Ее намывает река при впадении в море.*» [4, с. 156]. Несмотря на различный дискурс, языковой и пространственно-временной разрыв, мы наблюдаем применение практически одинаковых языковых средств в объективации ретрокомпонента в обоих случаях: наличие комментария с оттенком юмора: *Übersetzung für Nicht-Schwaben / Перевод для не-швабов // Эх, ваше сухонутство...; isch untragbar worda / ist untragbar geworden / стал невыносимым // Бар – это поперечная песчаная подводная отмель*; использование диалектизмов (*ist untragbar geworden // <...> стал невыносимым // бар – это поперечная песчаная подводная отмель*). Для погружения в современный контекст в немецком детективном жанре нередко вводятся имена известных брендов (см. *Hugo-Boss-Anzug – костюм марки Х. Босс*). Одновременно в анализируемом нами отрывке на немецком языке существенной представляется следующая деталь: оба собеседника – молодой и пожилой носят костюмы марки *Hugo Boss*, существующей с 1923 года (г. Метцинген, Баден-Вюртенберг) по настоящее время

---

¹ Здесь и далее пер. – наш.

[5, с. 381 – 382]. В российском ретродетективе подобные маркеры также встречаются, однако, введение лексики, содержащей компонент ретро осуществляется преимущественно на фоне современной общеупотребительной лексики.

Основные результаты и выводы исследования. Особое значение в анализируемых нами жанрах приобретает так называемое «поэтическое слово» [6]. Лексемы, погруженные в глобальный контекст, приобретая дополнительные смыслы, приобретают также способность к одновременному выполнению многих функций. К поэтическим словам в жанрах ретродетектива и криминального романа следует отнести ключевые слова, воссоздающие в разной степени культурно-исторический колорит – геополитический контекст, геопэтический рисунок. В жанрах ретродетектива и криминального романа в качестве поэтических слов нередко выступают лексемы, касающиеся краеведения и этнографии; факты известные узкому кругу читателей, но несущие в себе конкретное историко-культурное знание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кронгауз, М. А.* Новелизируй это / М. А. Кронгауз // Русский язык на грани нервного срыва. – М.: АСТ: CORPUS, 2018. – С. 130 – 134.
2. *Гусейнова, И. А., Косиченко, Е. Ф.* Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив / И. А. Гусейнова, Е. Ф. Косиченко. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 162 с.
3. *Kruse, T. Nadel, Faden, Hackebeil.* Ein neuer Fall für Komissar Seifferheld / T. Kruse. – München: Knaur Tschenbuch, 2011. – 348 S.
4. *Свечин, Н.* Мертвый остров / Н. Свечин. – М.: Издательство «Э», 2017. – 352 с. – (Детектив Российской империи).
5. Германия: лингвострановедческий словарь / Н. В. Муравлева, Е. Н. Муравлева, Т. Ю. Назарова и др. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 991 с.
6. *Киклевич, А. К.* Динамическая лингвистика: Между кодом и дискурсом / А. К. Киклевич. – Харьков: Гуманитарный центр, 2014. – 444 с.

УДК 81'373

М. С. Гутовская

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Рассматриваются теоретико-методологические установки исследования языковой картины мира. Демонстрируются различия русской и английской языковых картин мира на примере метаязыкового фрагмента, обсуждаются причины различий.

Ключевые слова: языковая картина мира; метаязыковые номинативные единицы; этноспецифичность.

Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием когнитивной лингвистики, стремлением объяснить языковые явления с точки зрения познавательной и мыслительной деятельности человека. Ярким проявлением этой тенденции является обращение к языковой картине мира (ЯКМ).

В исследованиях ЯКМ сформулирован ряд важных положений.

ЯКМ как форма общественного сознания отграничивается от других его страт: мифологической, обыденной, литературно-художественной, научной, религиозной и др. картин мира. Манифестантами содержания ЯКМ являются слова, фразеологизмы, словообразовательные средства, грамматические формы, синтаксические конструкции, правила лексико-семантической сочетаемости, просодии и т.п. ЯКМ находится в границах языка и не выходит в область текстов. Реконструкция ЯКМ осуществляется на базе узуальных значений манифестирующих ее единиц – значений, фиксируемых в толковых словарях, грамматиках, справочниках данного языка, – но не смыслов, возникающих в устной и письменной речи – в текстах на языке [1, с. 37; 2, с. 34; 3; 4, с. 456].

В ЯКМ встроен человек. Наряду с непосредственно наблюдаемыми объектами и событиями в ЯКМ представлены сущности, порожденные человеческим сознанием и в объективной реальности референтов не имеющие, – абстрактно-логические понятия, ценностно-оценочные категории, придуманные человеком мифологические, фольклорные и литературные образы. В ЯКМ отображена мыслительная деятельность и эмоциональные переживания человека [5].

Картина мира любого национального языка содержит универсальные и национально-специфические черты. Присутствие универсального объясняется единством окружающего мира и человеческой психики, биологическим и функциональным сходством мозга носителей разных языков [6, с. 213]. Наличие национально-специфического связывается с особенностями мировосприятия. Широко обсуждается вопрос о причинах различий картин мира, закрепленных в национальных языках [7; 8; 9; 10].

Изучение русских и английских метаязыковых (связанных с языком, речью, общением) обозначений в лингвокогнитивном аспекте позволило сделать ряд заключений.

Освоение действительности и отображение его результатов в языке осуществляется избирательно. Картины разных национальных языков отличаются по составу закрепленных в них концептов. Особенности концептуализации мира обусловлены наличием потребности у одного этнолингвокультурного сообщества различать и фиксировать в языке то, что отсутствует в языке другого, и проявляются в наличии номинативных единиц, не имеющих семантических соответствий в языке сопоставления (когнитивно обусловленная безэквивалентность): понятие времени, посвященного общению с близкими людьми, семьей или проведенного за любимым занятием, знакомо и русскому, и английскому языковому сообществу, но закреплено оно только в английской ЯКМ номинативной единицей *quality time*, в русской ЯКМ не представлено.

В национальных ЯКМ запечатлена специфика процессов концептуализации. Одни и те же феномены могут быть осмыслены по-разному, и это отражается во внутренней форме их языковых обозначений: ср. русские и английские обозначения того, кто сопровождает комментариями концерт, телеили радиопередачу – *ведущий* и *anchor* (букв. ‘якорь’), того, кто выражает и распространяет чьи-либо идеи, настроения – *рупор* и *mouth* (букв. ‘рот’).

Национальные ЯКМ отличаются по аксиологическому потенциалу. Ценностная составляющая в целом носит общечеловеческий характер: понятия в парах «правда – ложь», «жизнь – смерть», «достаток – бедность» имеют универсальную оценочную маркированность, первые компоненты в них называют то, к чему люди стремятся, вторые – то, чего стараются избежать. Однако отдельные ее черты бывают этноспецифичными. Этноспецифичность высвечивается в различиях оценочных окрасок русско-английских соответствий: английская лексема *compilation* со значением ‘сбор, составление, объединение данных’ [12] нейтральна в плане оценки, русская лексема *компиляция* имеет оттенок неодобрительности, означает ‘несамостоятельную научную работу, основанную на механическом использовании сведений, заимствованных из чужих исследований’ [11].

Ассоциативно-образные базы разных языков совпадают не полностью. В ассоциативном осмыслении одной сущности через другую могут сочетаться универсальные принципы абстрагирования и аналогового мышления – отвлечения свойства от объекта и его переноса на другой, в этом отношении аналогичный ему объект – и этноспецифичность выбора в сформированной когнитивной базе аналогичных объектов. Специфика проявляется в номинативных единицах, построенных по моделям переосмысления, не имеющим когнитивных аналогов в других языках. Носителям языков, которым не известны соответствующие модели семантической трансформации, бывает сложно понять возводимые к ним переносные обозначения, правильно соотносить буквальный и переносный план. Английский фразеологизм *wipe sb's nose* (букв. ‘вытереть кому-л. нос’) со значением ‘обманывать кого-л.’ [12] может быть не понятен носителям русского языка, так как его буквальный план в русскоязычном сознании ассоциируется не с обманом, а с идеей превосходства: *утереть нос* ‘превзойти кого-л. в чем-л.’ [11]. Не вполне понятна и логика семантической трансформации английской лексемы *blow* ‘свистеть’ → ‘хвастаться’ – у носителей русского языка свист ассоциируется не с хвастовством, а с пустыми разговорами: *свистеть* ‘вести пустые разговоры; рассказывать небылицы’ [11].

Несхожими могут быть и способы языкового представления общих моделей переосмысления. Особенности языковой реализации проявляются в основном в выборе фреймов (типовых ситуаций области источника) и составляющих фреймы слотов (типовых компонентов конкретной ситуации) – для метафорического обозначения явлений могут использоваться образы, принадлежащие к одной понятийной области источнику, но объективирующие разные типовые ситуации или разные типовые компоненты одной ситу-

ации. Фразеологизмы *предать анафеме* ‘подвергнуть осуждению’ [11] и *curse by bell, book and candle* (букв. ‘предать проклятию колоколом, книгой и свечой’) ‘осудить, решительно отвергнуть’ [12] объективируют разные слоты фрейма отлучения от церкви в религиозно-церковной метафоре: русская фраза резюмирует суть религиозного обряда, английская – отсылает к его заключительным словам «Do to the book, quench the candle, ring the bell», означающим, что богослужбная книга закрыта, свеча погашена и дан похоронный звон в знак духовной смерти отлученного [12].

Освоение мира представляет собой не прямой, а опосредованный процесс, результат взаимодействия между стимулом и воспринимающим его человеком. Человек воспринимает мир в избирательном (упрощенном), оценочном и ассоциативном виде. Представители разных языковых сообществ упрощают, оценивают и ассоциативно соотносят феномены мира несколько по-своему. Это отражается в национальных языках и предопределяет этноспецифичность языковых картин мира. Национальное в картине мира родного языка не вполне осознается его носителями (в том числе исследователями) и может быть раскрыто не иначе как в сравнении родной ЯКМ с иноязычной. Сопоставительные исследования углубляют познания об универсальном (всеобщем), интернациональном (общем для ряда генеалогически или ареально близких языков) и национальном (присущем конкретному языку) в языковых картинах мира и способствуют повышению эффективности межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. *Апресян, Ю. Д.* Предисловие. Ч. 1 : Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2006. – С. 23–160.
3. *Толстая, С. М.* Стереотип в этнолингвистике / С. М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. – М., 1995. – С. 124–127.
4. *Мечковская, Н. Б.* Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2008. – С. 456–470.
5. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
6. *Залевская, А. А.* Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : РГГУ, 2007. – 560 с.

7. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Рус. словари, 1996. – 412 с.

8. *Телия, В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

9. *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : КДУ, 2011. – 350 с.

10. *Болдырев, Н. Н.* Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 42–48.

11. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts>. – Дата доступа: 09.09.2022.

12. The Free Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.thefreedictionary.com>. – Date of access: 09.09.2022.

УДК 81'42

Е. Г. Задворная

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Определяются предпосылки использования метафоры в научном дискурсе. Рассматривается ряд метафор, способных реализовать эвристическую функцию в исследованиях национально-культурной специфики речевого поведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *метафора; научный дискурс; речевое поведение; национально-культурная специфика; прайминг; резистентность.*

Выявление универсальных и культурно специфичных характеристик речевого поведения относится к числу сложнейших задач, решаемых межкультурной прагматикой и теорией межкультурной коммуникации. Одной из причин сложности этой задачи является выраженный дисбаланс между богатством и многообразием фактического материала и дефицитом используемых при его анализе объяснительно-интерпретационных матриц. Существенную роль в преодолении такого дисбаланса может сыграть вовлечение в исследовательский аппарат соответствующих лингвистических направлений ряда объяснительных конструкторов метафорического характера.

Как известно, традиционное отношение к метафоре как явлению нежелательному / факультативному / нетипичному для рационального и объективного по своей природе научного дискурса в течение последних десятилетий претерпело очевидные трансформации.

Во-первых, заметно изменились позиции классической структурной, инвентарной функциональной стилистики. Если традиционно функциональная стилистика предпочитала анализировать научный текст как реализующий первые члены оппозиций типа «логичность – экспрессивность», «рациональность – эмоциональность», «объективность – субъективность», «безобразность – образность» и т.п., то при более глубоком исследовании этих оппозиций оказалось, что они носят не привативный, а градуальный характер. В частности, было показано, что научный дискурс в определенных жанровых разновидностях весьма субъективен, ярко оценочен и совершенно не чужд использованию изобразительно-выразительных языковых средств.

Во-вторых, серьезное воздействие на понимание закономерности метафоры в научном дискурсе оказала теория концептуальной метафоры, показавшая, что метафора играет ключевую роль в формировании концептуальной системы человека и его ценностной ориентации, после чего дискуссии на тему, допустима ли метафора в научном дискурсе, явно утратили былую остроту и переформатировались в обсуждение основных эвристических метафор, реализуемых в различных областях научного знания и различных жанрах научного дискурса.

В-третьих, заметную роль в осмыслении метафоры в научном дискурсе сыграла постмодернистская эпистема: постмодернизм с присущими ему установками на игровое употребление слова и его образное восприятие, на актуализацию коннотативных и контекстуально обусловленных компонентов семантики слова отличается лавинообразным порождением терминологических метафор и метафорическими дефинициями отнюдь не метафорических сущностей.

Сказанное побуждает рассматривать метафору не столько с деонтической («разрешено – запрещено») или аксиологической («хорошо» – «плохо»), сколько телеологической точки зрения, т. е. с позиций того, какие метафоры способны наиболее эффективно реализовать эвристическую функцию и в силу этого могут быть использованы при разработке методик анализа речевого поведения, в том числе и в межкультурном аспекте.

Так, весьма полезным для обсуждаемой исследовательской области может оказаться обращение к таким взаимосвязанным и взаимообусловленным концептам, как *прайминг* (интерпретируемый как механизм, обеспечивающий неосознаваемое влияние некоторого стимула на обработку последующих стимулов) и *резистентность* (понимаемая как склонность / умение / способность / потребность адресата противостоять определенным типам коммуникативного воздействия, оказываемого на него адресантом). Прайминг является интересным конструктом, объясняющим априорное и неосознаваемое навязывание иной лингвокультуре свойств речевого поведения, характерных для собственной лингвокультуры; резистентность, напротив, конструктом, релевантным для интерпретации устойчивого непонимания и отторжения непривычных, «чужих» моделей речевого поведения.

И. В. Зыкова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

ЯЗЫКОВАЯ VS. ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА:
О КРЕАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВЕРБАЛЬНОГО И
НЕВЕРБАЛЬНОГО²

В статье затрагивается история формирования понятия «языковая картина мира» и поднимается вопрос о роли языка в построении полимодальной картины мира, отображаемой в современных полимодальных дискурсах. Особое внимание уделяется раскрытию способов креативного взаимодействия вербальных и невербальных средств в кинодискурсе, установленных посредством метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности.

Ключевые слова: языковая картина мира, полимодальная картина мира, лингвокреативность, дискурсивно-параметрический анализ, полимодальный троп, полимодальная новация.

Понятие «языковая картина мира» является одним из центральных в современном языкознании и целом ряде лингвоориентированных междисциплинарных наук и направлений, таких, как лингвокультурология, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика и проч. Оно образовано от более общего понятия «картина мира», которое укореняется в филологическом дискурсе к концу XX века и в своем наиболее обобщенном понимании трактуется как ментальный способ или форма отражения (отображения, выражения) человеком мира. Возникновение производного понятия «языковая картина мира» во многом обусловлено произошедшим антропологическим поворотом в науке и связанным с ним стремительно возрастающим интересом исследователей к проблемам того, как представлено знание о мире, об окружающей человека действительности в языке, как протекают процессы концептуализации и категоризации посредством разнородных единиц языковой системы. В течение относительно продолжительного периода изучения данных проблем предпринимались многочисленные попытки формализации рассматриваемого понятия, в результате которых были выработаны его различные дефиниции. К примеру, академик Шведова дает следующее развернутое определение: «языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представля-

---

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00040) в Институте языкознания РАН. The research is funded by grant № 19–18–00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [1, с. 15]. В центре внимания современных исследований продолжают оставаться вопросы о типологии языковых картин мир; о специфике внутреннего устройства языковой картины мира и этапах ее эволюции; о метафорических «механизмах» создания языковой картины мира; о специфике отражения в языковой картине мира ценностей народа/этноса; о роли личности в процессах формирования и экспликации языковой картины мира того или иного лингвокультурного сообщества, о принципах лексикографической репрезентации языковой картины мира.

Наблюдаемые сегодня изменения в форматах коммуникативного общения и стремительное развитие новых форм дискурсивных практик (напр., сетевой дискурс), вызванные мощными социокультурными трансформациями, научно-техническими достижениями, эпохальными экономическими и политическими событиями, определяют новые векторы осмысления процессов языковой концептуализации и категоризации, которые проходят в тесной кооперации со средствами различных семиотических (или кодовых) и полимодальных систем. В связи с этим особо актуальным становится вопрос о роли языка в построении не столько языковой, сколько полимодальной картины мира, находящей отражение в современных полимодальных дискурсах и поликодовой коммуникации. Одним из перспективных направлений представляется изучение данного вопроса на материале кинопроизведений. Обращение к кинодискурсу позволяет по-новому подойти к решению исконно лингвистических проблем, касающихся сущностных свойств языка и его креативных возможностей, реализующихся в особой полимодальной или поликодовой среде, а также определения роли языка в современной, визуальной или, точнее, «софт» культуре.

Наше исследование проводится на базе корпуса художественных фильмов, в который были отобраны отечественные и англоязычные (британские и американские) кинокартины известных кинорежиссеров (Э. Климова, Э. Рязанова, А. Тарковского, В. Аллена, С. Долдри, Ч. Кауфмана и др.). Анализируемые кинопроизведения относятся к разным периодам, жанрам (кинокомедии vs. кинодрамы vs. кинофантастика) и направлениям (киномейнстрим vs. авторское кино). В работе применяется ряд теоретических положений и понятий поэтики кино – научной дисциплины, в рамках которой разрабатываются принципы (способы, стратегии) взаимодействия разного рода кодовых и модальных систем в конструировании аудиовизуальных (кинематографических) образов в разных медиа средах (кино, рекламе, профессиональной коммуникации и др.) и оценивается их роль в широком социокультурном контексте [2; 3]. В качестве основного используется метод дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности, основанного на выделении трехуровневой си-

стемы параметров лингвокреативности и сопровождающегося методом корпусной разметки текста (см. подробнее в [4]). Уровень 1 представляют макродискурсивные параметры (напр., «период/время создания», «автор», «адресат», «тематика» и др.), которые эксплицируют влияние внешних факторов на реализацию креативного потенциала языковой системы в кинодискурсе. Уровень 2 включает микродискурсивные параметры, свидетельствующие о креативном использовании языковых средств и о создании разного рода как языковых (морфологических, лексических, синтаксических др.), так и полимодальных новаций (напр., кинометонимия) в фильме. Уровень 3 составляют интердискурсивные параметры, которые раскрывают влияние разных (напр., рекламного, поэтического, философского и т.д.) дискурсов на кинодискурс.

Полученные сведения позволяют говорить о полимодальной картине мира, находящей отражение в художественных кинопроизведениях, как о производной от языковой картины мира, как о вторичном образовании, исходно модулируемом в художественном пространстве фильма посредством синтеза разнообразных вербальных средств (напр., параллельные конструкции, метафоры, фразеологизмы и проч.) с невербальными единицами и приемами киноязыка (напр., смена кадров, план съёмки, монтаж, световые эффекты), в результате которого формируются многомерные аудиовизуальные образы. Привлечение методов когнитивной лингвистики и лингвокультурологии позволило декодировать заложенную в них культурно значимую информацию и определить специфику ее репрезентации в исследуемых фильмах. В целом, мы приходим к выводу о том, что полимодальная картина мира представляет собой систему аксиологически обусловленных представлений (идей, концептов), которая получает полимодальную репрезентацию в кинопроизведении в ходе креативного процесса перевода текста-источника и формирующих его языковых средств в более сложные, полимодальные формы с целью художественного воплощения в фильме мировоззренческих и эстетическо-прагматических установок на изображаемую автором действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – Вып. 1. – С. 3–16.
2. Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х. – М.: Акад. проект: Альма Матер, 2016. – 497 с.
3. Müller, C. Cinematic metaphor : Experience – affectivity – temporality / C. Müller, H. Kappelhoff (eds.). – Berlin : DeGruyter, 2018. – 280 p.
4. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности : коллективная монография / отв. ред. И. В. Зыкова. – М.: Р. Валент, 2021. – 564 с.

О.А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Концепт КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ рассматривается преимущественно в немецкой языковой картине мира на материале его репрезентации сложноподчиненными предложениями условия в разных видах дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: универсальность; специфичность; когнитивная деятельность; семантика; виды дискурса; когнитивно-прагматическая ситуация.

Языковая картина мира формируется концептами – ментальными образованиями, облакаемыми в языковую форму и известными большинству носителей определенной культуры. Заявленная В. Гумбольдтом проблематика не теряет актуальности и в наши дни; её исследование позволяет познать ментальную специфику разных национальностей, что чрезвычайно важно для межкультурной коммуникации, перевода, лингводидактики и методики обучения иностранным языкам, а в общем плане – для понимания происходящего в мире. Кроме того, языковая картина мира дает ключ к пониманию мировосприятия разными социокультурными группами одной нации, что важно для межкультурного общения между ними.

Национальная специфика изучается, как правило, на материале типичных для определенной культуры концептов, зафиксированных в пословицах и поговорках, фольклоре, специфических метафорах, представленных в художественной литературе. Сводным трудом по концептологии русской культуры можно считать [1]. Исследования концептов, востребованных в разных видах дискурса, не столь известны.

Логические концепты, к которым относится и кондициональность, до сих пор не были исследованы в аспекте выявления их роли в языковой картине мира. Логические связи имеют универсальный характер, однако их выражение в разных языках варьируется, формируя соответствующую картину мира. Это можно показать на материале пословиц с условным компонентом в немецком и русском языках. Условие, оформленное придаточным предложением, представлено в пословицах немецкого и русского языков, что можно рассматривать как универсальное свойство этой языковой формы. Более того, универсальны и когнитивно-прагматические группы этих пословиц, в которых выражаются закономерности, альтернативные нереальные условия и обусловленные чем-либо поучения. Выражение адресанта в таких пословицах имеет обобщенный характер в обоих языках, однако в немецком языке оно осуществляется, как правило, местоимением *man*, тогда как в русском языке с той же самой целью употребляются инфинитивные, обобщенно-

личные или именные формы сказуемого [2, с. 101–104]. Таким образом, в немецкой языковой картине мира адресант, выражающий обусловленность, репрезентирован эксплицитно, а в русском языковом сознании он имплицитруется в формах сказуемого. Возникают вопросы, всегда ли специфика языковой картины мира определяется особенностями определенной лингвокультуры? Варьируется ли востребованность концепта в рамках одной культуры? Ответ на эти вопросы составляет *цель* настоящего исследования – изучение специфики функционирования концепта КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ в разных дискурсивных практиках немецкой лингвокультуры.

Исследование проводилось *методами* количественного и качественного анализа. На первом этапе сопоставлялась частотность употребления репрезентантов концепта – сложноподчиненных предложений (СПП) с союзами *wenn* и *falls* – в беллетристическом, научном и газетном дискурсах по данным корпуса DWDS [3]. На втором этапе проводилась качественная интерпретация функционирования СПП методом когнитивно-прагматического ситуирования, с помощью которого выявлялась специфика ментального объединения двух референтов отношением обусловленности, а именно, включением одного из них в качестве следствия в гипотетическое условие, представленное другим референтом (ср. [4, S. 118]).

Количественное сопоставление показывает численное преобладание доминантных репрезентантов концепта КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ (СПП с союзом *wenn*) в газетном дискурсе (19042 единицы против 8778 единиц в беллетристике и 1409 единиц в научном дискурсе). Похожая картина и с периферийным репрезентантом концепта (СПП с союзом *falls*) (840 единиц в газетном дискурсе против 222 единиц в беллетристике и 17 единиц в научном дискурсе) (DWDS). Эти данные позволяют судить о степени востребованности концепта в указанных дискурсивных практиках. Качественный анализ вскрывает причины количественных различий.

В беллетристике реализуется художественная картина мира, которая отражает, с одной стороны, видение автора, а с другой стороны, стилизованно моделирует видение персонажа. В соответствии с этим в тексте выделяются объективированные (сугубо авторские) и делегированные автором фрагменты (прямая и косвенная речь). Когнитивно-прагматические ситуации обусловленности репрезентированы в персонально-окрашенных фрагментах: прямой, косвенной и интегрированной несобственно-прямой речи. Здесь актуально выражение межличностных отношений, что ведет к ментальному объединению референтов, которое позволило бы не допустить или смягчить «угрозу лицу» (*keine Face-Bedrohung*). Репрезентанты таких ситуаций выполняют функцию смягчения высказывания (ср. [5, S. 22]), что передается претеритальным конъюнктивом и некоторыми клише. Ср.:

Wenn nur einer käme, der dir die Schuld endlich nahm [3].

Wenn du willst, kannst du mitkommen! [3].

В научной картине мира востребованы ситуации аргументирования. Они реализуются при выражении эпистемической модальности, когда из факта, воспринимаемого как условие, имплицитующее аргумент, делается определенный вывод. Кроме того, востребованы близкие к ним ситуации экземплификации. Ср.:

Wenn Walt Whitman den amerikanischen Dichter einen Seher nannte, war dies ein Kampf für die Republik [3].

Wie schwer Thomas Mann sich diese Abrechnung machte, wird deutlich, wenn man sie beispielsweise mit Ernst Cassirers Versicherung vergleicht, Hitler sei ein Irrtum gewesen und habe mit der wahren deutschen Geschichte nichts zu tun [3].

В газетном дискурсе, реализующем общественно-политическую картину мира, выражаются, как правило, не личные, а общественные отношения. Здесь востребованы прогностические, фокусирующие и оценивающие ситуации:

Wenn die Deutschen die Forschung an embryonalen Stammzellen ignorieren, werden sie ins Hintertreffen geraten [3].

Wenn man genau hinschaut, ist dieser Haushalt eher Magerkost [3].

Wir lügen uns in die Tasche, wenn wir verschweigen, dass unsere Gesellschaft die Tötung heranwachsenden Lebens längst toleriert [3].

Таким образом, репрезентация концепта КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ позволяет судить, что его востребованность и качественная специфика в картине мира немецкой лингвокультуры зависит от дискурсивного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.

2. Кострова, О. А. Модальное пространство пословиц с условным компонентом в немецкой и русской лингвокультурах [Электронный ресурс] / О. А. Кострова // Функциональная лингвистика: проблемы и перспективы : материалы круглого стола, посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Т. С. Глушак, Минск, 12 окт. 2018 г. – Минск : МГЛУ, 2020. – С. 101–104. – URL: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/5119>.

3. DWDS. – URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/korpus21> (дата обращения: 11.07.2020).

4. Fritz, T. A. Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren / T. A. Fritz // Worte und Wörter: Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold / K. Kazzazi, K. Luttermann, S. Wahl, T. A. Fritz (Hrsg.). – Tübingen : Stauffenburg, 2018. – S. 115–130.

5. Langner, M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: Pragmatische und soziolinguistische Untersuchungen / M. Langner. – München : Nodas Publikationen, 1994. – 253 S.

УДК 81'27'42

С. Т. Нефедов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

КРИТИКОВАТЬ ИЛИ ХВАЛИТЬ: СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ ГЕРМАНИИ И РОССИИ³

Представлен анализ языка оценок в научных статьях немецких и российских социологов. Через специфику употребления оценочных средств выявлены культурно-специфические стратегии научной коммуникации и соответствующие им формы профессиональной вежливости.

К л ю ч е в ы е с л о в а: язык оценок; научный социологический дискурс; культуроведческая лингвистика; профессиональная вежливость; социокультурная специфика.

В исследовании ставится цель осветить культурно-специфические особенности научной коммуникации на немецком и русском языках в сфере социологии. Доступ к этим особенностям получен через комплексный междисциплинарный анализ языка оценок. Под языком оценок понимается совокупность лексико-грамматических средств [1], актуализирующих оценочную позицию познающего субъекта как представителя национально-культурного социологического сообщества. Исследовательский фокус на языковой оценке не случаен; он обусловлен ведущей ролью оценочных процедур и манифестирующих их средств в получении нового знания на фоне сравнения с научными результатами, уже имеющимися в соответствующей области науки. При этом в ходе научной характеристики изучаемых объектов и познавательных действий с ними (кваликативная оценка); при выражении степени уверенности/сомнения в научной достоверности чужих и собственных утверждений, за которую субъект дискурса готов нести эпистемическую ответственность (эпистемическая познавательная оценка); при маркировании наиболее важных с точки зрения субъекта элементов передаваемой научной информации (оценка важности/значимости) и в рамках дру-

---

³ Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта №22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России» в СПбГУ. The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project 22-28-01024 «Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia») at the St. Petersburg State University.

гих типов оценивания автор-исследователь руководствуется сложившимися в том или ином этнокультурном научном сообществе дискурсивными конвенциями, регламентирующими основные правила и рестрикции ведения научно-исследовательской деятельности. Тем самым лингвистическая интерпретация языка оценок в этнокультурной проекции применительно к институциональному профессиональному дискурсу дает возможность выявить типичные коммуникативные стратегии оценивания своего и чужого научного результата, предпочитаемые немецкими и российскими социологами.

В методологическом плане проведенное исследование исходит из того, что культурная специфика языка и его отдельных функциональных подсистем, таких как язык оценок, связана не только с концептуализацией и фиксацией особого национально-специфического видения мира («языковой картины мира») в семантике языковых единиц, но и с коммуникацией. И, более того: только внутри социальных практик и манифестирующих их дискурсов через предпочтительный выбор тех или иных языковых средств можно объяснить национально-специфические особенности коммуникативно-речевого поведения субъектов, пользующихся словом как орудием социального действия и инструментом воздействия на других участников дискурса. Поэтому, вслед за Х. Куссе и В.Е. Чернявской [2], в настоящем исследовании используется дискурсивно-ориентированный подход в культурологической лингвистике. Он позволяет выйти за границы одного национального языка и одной национальной культуры, которые обычно становятся предметом рассмотрения в отечественной лингвокультурологии, а оперировать на уровне транстекстовых структур общих для разных языков сфер коммуникации.

Проведенный на материале 30 немецко- и 30 русскоязычных научных статей дискурсивный лингвокультурологический анализ позволил выявить через особенности применения языка оценок немецкими и отечественными социологами две основные стратегии ведения научной дискуссии: (1) субъективистскую, лично-ориентированную стратегию, нацеленную на выражение собственной критической точки зрения на фоне других теоретических позиций и представленную в рестриктивно-оспаривающем модусе: *Es ist zwar richtig, dass X, aber + Gegenargument* / 'Хотя это и верно, но тем не менее + встречный аргумент'; (2) коллективистскую стратегию апелляции к коллективному мнению и сложившимся в процессе прежней коллективной дискуссии структурам знания, которые а priori полагаются как известные всем участникам дискурса: *как известно / как мы все это знаем*. Установлено, что первая стратегия типична для немецкоязычного социологического дискурса, вторая – для русскоязычного.

Указанные коммуникативные стратегии коррелируют с разными дискурсивными нормами вежливости, укоренившимися в рассматриваемых этнокультурных научных сообществах. Немецкие социологи в большей мере

склонны открыто выражать негативную критику и негативные оценки, чем отечественные социологи. При этом свое несогласие с теоретической позицией оппонентов они формулируют в некатегоричном модусе, поэтому в немецкоязычных социологических статьях чаще употребляются средства смягчения научных формулировок. В русскоязычном социологическом дискурсе нормой вежливости, напротив, является отказ от прямой негативной критики, тенденция к использованию имплицитных форм выражения несогласия и более частное применение позитивных и нейтральных оценок.

Отмеченные этнокультурные особенности профессиональной вежливости в сфере теоретической социологии выявлены в опоре на контекстуальный, прагмасемантический, социолингвистический и дискурсивно-текстовый анализ оценочных лексем, модально-эпистемических слов уверенности/сомнения, средств авторизации, акцентирующе-выделительных структур и средств смягчения категоричности научных утверждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нефедов, С. Т.* Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса / С. Т. Нефедов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 760–778.

2. *Куссе, Х.* Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике / Х. Куссе, В. Е. Чернявская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 444–462.

УДК 81:1

В. А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ «КАРТИНА МИРА» И ПРИЕМЫ ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Автор исследует способы моделирования картины мира, обосновывается возможность применения терминов «модель мира», «концептуальная система» для анализа лингвистических объектов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: картина мира; модель мира; концептуальная система; моделирование.

В современной науке для обозначения ментального содержания, отражающего содержание действительности, созданы различные научные понятия: картина мира, концептуальная система, модель мира, концептуальная

картина мира, образ мира. При всех различиях дефиниций перечисленных понятий их объединяет философская ориентация на представление моделей действительности как ментальных «образов мира». При этом в дефинициях выделяются в качестве обязательных два компонента: 1) мировидение как совокупность представлений и знаний о мире и как отражающая способность мышления и 2) деятельностная природа картины мира, которая возникает только в результате активной познающей деятельности человека, его духовной активности, опыта и под. Понятие «мировидение» заявлено лингвофилософскими концепциями В. фон Гумбольдта, Й. Л. Вайсгербера, Л. Витгенштейна, Э. Сепира – Б. Уорфа и др. В. фон Гумбольдт рассматривает язык как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью и противопоставляет понятия «промежуточный мир» и «картина мира», которая образуется «из языковых вмешательств в действительность».

Основная идея Й. Л. Вайсгербера заключается в том, что между человеком и действительностью находится «посредствующий мир мышления» и язык, фиксирующий определенное представление о мире. В середине 30-х гг. важнейшим способом моделирования картины мира ученый признает полевое исследование, при этом он опирается на принцип взаимного ограничения элементов поля, сформулированный Й. Триром. Структура смыслового поля определяется семантической структурой конкретного языка, специфически фиксирующего действительность. Автор доклада показывает логику изменения научных представлений о моделировании картины мира на основе идеи поля, в том числе на базе данных ассоциативного эксперимента, проверяемых различными видами шкалирования и другими психолингвистическими методами. Одновременно демонстрируется, как взаимная верификация экспериментальных данных помогает изучать исследовать трансформации значения слова, а, следовательно, прогнозировать те или иные изменения в организации элементов картины мира и ее содержании.

По Л. Витгенштейну, языковая единица представляет не некое стабильное лингвистическое значение, а понятие, поэтому он не разграничивает понятия «языковая картина мира» и «картина мира». Именно Л. Витгенштейну принадлежит особая роль во введении в научный философско-лингвистический обиход термина «картина мира» как модели действительности. Л. Витгенштейн вполне осознавал метафоричность этого термина и подчеркивал его практическую синонимичность психологическому понятию «образ мира» (А.Н. Леонтьев).

В исследовании представлено понятие «концептуальная система индивида» (Р. И. Павиленис) как логико-философская модель мира и демонстрируется развитие представлений о полевом моделировании картины мира в ассоциативном эксперименте, определены лингвистические принципы ее моделирования и показаны верифицирующие друг друга методы исследования динамики значения слова, позволяющие обнаруживать и даже прогнозировать изменения в структуре картины мира.

З. А. Харитончик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

В работе на основании сравнения определений значений наименований времен года, предложенных носителями русского и английского языков, делается вывод о существовании универсальной когнитивной матрицы, детерминированной концептуальными структурами знаний у носителей языка, и ее социально-культурной специфике, вытекающей из природных и социальных отличий называемых периодов времени. Из всех темпоральных лексических циклов наиболее изменчивы событийные циклы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *темпоральные лексические циклы; времена года; событийный цикл; когнитивная матрица; концептуальная структура.*

Осознание времени как важнейшей и неотъемлемой характеристики бытия, без которой немислимо существование человека, находит в языке многочисленные способы выражения (в виде подсистем (видо)временных форм, лексических полей, терминологических систем измерения и т.д.). Среди них значимое место занимают темпоральные циклы – такие объединения лексических единиц, назначение которых заключается в репрезентации постоянно повторяющейся последовательности в наступлении и смене событий в течение определенного промежутка времени, образующей заверченный кругооборот (Лебедев 2008).

Связанные вытекающими из их онтологических характеристик отношениями последовательности и повторяемости, временные циклы неоднородны. Среди них можно выделить, согласно Т.В.Корбачевой (Корбачева 2021), природные (смена времен года, сутки), конвенциональные (годовой и недельный циклы), событийные (религиозный цикл, праздничный цикл). В соответствии с данной типологией в языках существуют лексические подсистемы, включающие наименования конститuentов того или иного цикла.

В нашем докладе внимание фокусируется на лексическом сезонном темпоральном цикле – наименованиях времен года и их семантике в сознании носителей русского и английского языков. В основу исследования положены результаты проведенного нами совместно с Т. В. Корбачевой психолингвистического направленного ассоциативного эксперимента (Корбачева 2022) и данные, извлеченные из краудсорсингового словаря английского языка Urban Dictionary.

Главным выводом проведенного анализа является следующее заключение. В противоположность лексикографическим дефинициям в толковых словарях русского и английского языков, ограничивающих, как правило, свои описания семантики наименований времен года сведениями о предшествующих и/или последующих временных периодах (например: *Весна* 'Время года между зимой и летом' (Малый академический словарь русского язы-

ка), 'Время года, следующее за зимой' (Словарь русского языка С.И.Ожегова) и др.), носители языка, как русского, так и английского, связывают данные лексические единицы с гораздо более богатой и разветвленной информацией. В структурированном виде ей соответствует когнитивная матрица сезонного темпорального цикла, которая включает, наряду с указанием временного периода и его места в сезонном цикле, сведения о природных, погодных и температурных характеристиках, типах деятельности человека в этот период, важнейших событиях, оценке и личностных факторах. Данная матрица представляется нам универсальной концептуальной структурой, вариативность которой обуславливается природным своеобразием и отражающими ее социально-культурными различиями в числе сезонов (шесть сезонов в странах Южной Азии, два времени года в тропических странах и др.).

Отражая общую закономерность связи природных циклов с другими типами циклических структур, лексический природный сезонный цикл теснейшим образом сопряжен с конвенциональным годовым и событийным циклами. Отмечая это, носители языка подчеркивают диффузность границ между временными отрезками сезонного цикла, изменчивость характеристик и другие отличия, что приводит к выводу о динамичности концептуальных структур, лежащих в основе языковых темпоральных циклов, из которых наиболее изменчивыми оказываются событийные темпоральные циклы. Так, праздничный цикл в русском языке до 90-ых гг. включал целый ряд праздников, не отмечаемых в России в настоящее время. Претерпел существенные изменения религиозный цикл, представленный в сознании значительного числа носителей русского языка лишь словами типа *пасха*, *рождество*, *пост* и некоторыми другими.

КАРТИНА МИРА В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

УДК 811.112.2'37'28

А. В. Анищенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

НОМИНАЦИИ ЭМОЦИЙ В АВСТРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

На материале лексикографических источников выделяются синонимические ряды номинантов базовых эмоций в австрийском варианте немецкого языка. На основе этимологического и семантического анализа делается вывод об их культурной маркированности.

Ключевые слова: австрийский национальный вариант; номинанты эмоций; лингвокультурная специфика; лингвокультурные маркеры.

Вопрос о том, что в эмоциональной сфере индивида определяется физиологическими и биологическими факторами, а что является отражением социокультурных процессов, до сих пор не получил однозначного ответа и обуславливает актуальность исследований в области лингвистики эмоций, этнопсихологии, психолингвистики и других смежных науках. Очевидно, что выделяемые психологами базовые эмоции (страх, радость, гнев, отвращение, удивление, печаль, презрение, стыд) присущи представителям всех наций и культур и, таким образом, универсальны; с другой стороны, социокультурные конвенции конкретной культуры регулируют формы выражения той или иной эмоции и ее экспликацию в языке. То, как человек манифестирует свое эмоциональное состояние, предопределяется социумом и навязывается ему «когнитивными сценариями, с которыми связано рассматриваемое слово, а сами когнитивные сценарии созданы не универсальной человеческой биологией, а культурой, которая в свою очередь сформирована историей, религией и образом жизни» [1, с. 607].

Целью предлагаемого исследования является выявление универсальных, т. е. типичных для всего немецкоязычного пространства, и национально-специфических смыслов в семантике языковых единиц, обозначающих эмоции в австрийском варианте немецкого языка. В ходе изучения словарей австрийского варианта немецкого языка [2; 3], а также словарей австрийских диалектов [4; 5] были выявлены единицы, используемые в австрийской лингвокультуре для наименования или описания таких эмоций, как страх, гнев, радость, удивление и выступающие в качестве синонимов для общенемецких номинантов эмоций *Angst / Furcht, Zorn, Freude, Verwunderung*.

Этимологический и семантический анализ данных единиц показал, что они являются результатом метафорического переноса и обнаруживают ассоциативные связи с конкретными объектами или физиологическими процессами. Рассмотрим несколько примеров. В качестве синонима к номинанту эмоции *Angst* выявлено существительное *Federn* 'перья', являющееся едини-

цей вторичной номинации. П. Веле приводит два варианта объяснения использования данной единицы в контекстах, связанных с манифестацией эмоции страха. В качестве основания для метафорического переноса может выступать физическое проявление эмоции страха – от страха волосы у человека встают дыбом, а кожа становится гусиной, возникает ассоциация с гусиными перьями *'Gänsefedern'*. Другое объяснение имеет в своей основе культурно-исторический компонент и связано с объектом, внушающим страх – жандармом, каска которого украшалась птичьим пером. Другая лексема, связанная с описанием страха, – *Kniaschnackerln* – имеет в основе элементы, обозначающие физиологические проявления эмоции страха: дрожащие колени *'Knie'*, *икота 'Schnackerl'* (österr.): *Schluckauf*, вызванные испугом [5].

Широко представлены в австрийском варианте немецкого языка этно-маркированные синонимы единицы *Zorn* 'гнев'. Интересно отметить, что среди них преобладают единицы, в основе которых лежат заимствования из других языков, например: *Gizzi* (ит.: *guizzare* 'дрожать, дергаться'); *Pik* (фр.: *pique* 'острие'); *Rasch* (фр.: *rage* 'ярость'); *Rochus* (др.-евр.: *Rochus* 'злость').

Эмоция радости как позитивное состояние ассоциируется австрийцами с весельем, развлечениями, приятным времяпрепровождением. Об этом свидетельствуют следующие единицы австрийского варианта немецкого языка: *Lätizerl* (лат.: *laetitia* 'радость'); *Gaudi / Gaudee* (лат.: *Gaudium* 'радость'); *Remasuri* (итал.: *rammassare* 'häufen'): одно из значений – *ausgelassenes Vergnügen* (рус.: 'бурное удовольствие'), являющиеся заимствованиями из других языков. Кроме того, с манифестацией эмоции радости связаны единицы *Hetz u Karl*: первоначально. *Hetzjagd auf Tiere* (рус.: 'охота на животных'); *Karl* (имя собственное), обозначающее *Spaß, Jux, Belustigung* 'шутки, развлечения' связанное этимологически со словом-реалией *Carltheater*: театр, где ставились, как правило, комедии).

Таким образом, в австрийском варианте немецкого языка для обозначения эмоций и эмоциональных реакций используются как универсальные общенемецкие лексические единицы, так и единицы, функционирующие исключительно в австрийском лингвокультурном пространстве и обнаруживающие этнокультурное своеобразие. Лингвокультурная специфика единиц, номинирующих и описывающих эмоциональные состояния, реализуется эксплицитно и имплицитно. Эксплицитным параметром является, прежде всего, заимствованное происхождение, свидетельствующее о том, что развитие языка происходило в многонациональном культурном пространстве в тесном и постоянном контакте с другими национальностями и языковыми группами. К эксплицитным маркерам можно также отнести маркеры фонетико-фонологического (*Gspaß, Gsturi*), морфологического уровня (редукцию префикса, наличие типичных для австрийского варианта немецкого языка словообразовательных элементов – суффиксов *-erl* и *-i* (*Lätizerl, Gsturi*)).

Имплицитно лингвокультурная специфика отражается в семантике лексических единиц, появившихся в австрийском варианте немецкого языка в результате метафорического переноса. Именно эти первичные значения свидетельствуют об эмоциональной значимости того или иного фрагмента

действительности для носителей языка. Большинство таких единиц следует рассматривать как результат переноса какой-либо эмоциогенной ситуации на психическое состояние человека [6]. Образность обозначений эмоций в австрийском варианте немецкого языка является отражением богатой истории и культуры страны. Наличие в лексическом фонде австрийского варианта немецкого языка большого количества синонимов, содержащих лингвокультурный маркер, обусловлено особенностями развития языка, на которое оказывали влияние следующие лингвистические и экстралингвистические факторы: взаимовлияние культурных традиций национальностей Австрии, взаимовлияние диалектов на территории страны, сближение литературной нормы с повседневной устной речью в столице Австрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с.
2. *Ebner, J.* Wie sagt man in Österreich? / J. Ebner. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1998. – 382 S.
3. *Malygin, V. T.* Österreichische Redewendungen und Redensarten / V. T. Malygin. – Wien : ÖBV Pädagogischer Verlag GmbH, 1996. – 176 S.
4. *Teuschl, W.* Wiener Dialektlexikon: Purkersdorf / W. Teuschl. – Wien : Verlag Karl Schwarzer, 1994. – 268 S.
5. *Wehle, P.* Sprechen Sie Wienerisch? : Von Adaxl – Zwitscherl / P. Wehle. – Wien ; Heidelberg : Ueberreuter, 1980. – 298 S.
6. *Анищенко, А. В.* Функциональный аспект междометных единиц (на материале современной австрийской художественной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Анищенко ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2006. – 25 с.

УДК 811.111'37

Ю. В. Бекреева

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Цель статьи – выявить в значении английских донативных глаголов семантические признаки, отражающие характеристики человека. Обнаруженные признаки «сила», «воля», «намерение», «социальный статус», «моральные ценности» подтверждают антропоцентрический характер семантических ролей Дающего и Получателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *донативный глагол, концептуальная модель ситуации, характеристика человека, структура значения, семантический признак.*

Антропоцентрический подход, принятый в современной лингвистике, определяет человека как «центральную фигуру языка», «главное лицо мира, о котором он говорит» [1, с. 5], поэтому актуальность приобретают исследо-

вания, направленные на выявление знаний о человеке, встроенных в семантику языковых единиц. Предметом рассмотрения в данной статье являются донативные глаголы английского языка. Цель исследования – выделить семантические компоненты глагольного значения, в которых отражен человек как участник донативного действия.

Донативные глаголы объективируют фундаментальный опыт взаимодействия между людьми [2, с. vii]. Анализируя семантику и функционирование донативных глаголов в разных языках, исследователи отмечают, что данные глаголы называют культурно и социально значимые действия: награждение, поощрение, почитание, благотворительность, распределение пищи и под. Доминанта лексико-семантической группы донативных глаголов (например, *give* ‘давать’ в английском языке) входит в базовый вокабуляр, который включает наиболее употребительные лексемы и который осваивается детьми на ранних этапах овладения языком [2].

Донативность определяется как изменение отношений обладания, при котором один субъект передает, т.е. исключает из своей сферы обладания, что-то, что становится предметом обладания другого субъекта [3, с. 227]. Концептуальная модель ситуации донативного действия включает ряд пропозиций, которые связывают три субстанции, выступающие в роли участников ситуации (условно назовем их «Дающий», «Предмет передачи» и «Получатель»). Релятивная пропозиция «Владение, принадлежность» объединяет Дающего и Предмет передачи, Получателя и Предмет передачи. Предмет передачи может концептуализироваться как часть целого (например, духовная или телесная часть Дающего) или как объект власти, контроля. Концепты «контроль», «сила, энергия» входят в состав каузативной пропозиции «Воздействие»: Дающий воздействует на Предмет передачи, инициируя смену позиции в пространстве. Каузация предполагает наличие причинно-следственных связей: передача Предмета может быть вызвана внутренними причинами, интенцией Дающего, или внешними обстоятельствами. Динамическая пропозиция «Передвижение» включает в свой состав Предмет передачи как концептуальный компонент «Движущийся объект», Дающего как концептуальный компонент «Начальная точка» и Получателя как компонент «Конечная точка». Совмещение нескольких пропозициональных структур обуславливает усложненность семантики донативного глагола.

Два участника ситуации, Дающий и Получатель, прототипически связаны с категорией «человек». Прототипическая связь проявляется в том, что в качестве указанных участников ситуации донативного действия носители языка видят, прежде всего, человека. В английском языке участники донативного действия номинированы именными актантами при глаголе-предикате, например: *Mark gave Kate a book* ‘Марк дал Кейт книгу’, где *Mark* – Дающий, *Kate* – Получатель, *book* – Предмет передачи. В структуре значения глагола задается актантная рамка, включающая обобщенные семантические роли и семантические признаки, ограничивающие или конкретизирующие тип участников. Так, можно изменить последовательность существи-

тельных следующим образом: *Kate gave Mark a book*, где первая позиция актанта сохраняет роль Дарителя, а второй актант выступает в роли Получателя. Перенос предметного существительного *book* в позицию Дарителя нарушает смысл высказывания, поскольку значение существительного не включает признаки, характеризующие представителей категории «человек».

Человек – существо, обладающее сознанием, разумом, чувствами, волей и энергией, способной преобразовывать окружающее пространство. В структуре значения донативных глаголов обнаруживаются семантические признаки, отражающие данные атрибуты человека. А. Гольдберг указывает на то, что семантическая структура глагола *give* включает характеризующий признак агенса – волитивность, или «оттенок воли» (*volition*), и реципиента – стремление, готовность к действию (*willingness*) [4].

Атрибут воли выражен в структуре значения глаголов *gift* ‘дарить’, *surrender* ‘сдаваться’, *donate* ‘жертвовать, отдавать’ семой *voluntarily* ‘добровольно’. Концептуализация силы как инструмента воздействия со стороны Дающего не представлена в семантике глаголов с первичным значением донативного действия. Атрибут «сила» присутствует в значении некоторых глаголов как характеристика Получателя. Например, в дефиниции глагола *yield* ‘сдаваться’ содержится конкретизатор «*to superior power or authority = превосходящей силе или авторитету*», который выражает характеристику участников ситуации через соотношение их атрибутов «силы»: Дающий – слабее, Получатель – сильнее. Атрибут «сила» в глаголах *empower*, *authorize*, *vest* ‘уполномочивать, предоставлять право’ выступает в роли Предмета передачи, как часть «владения» Дающего. В указанных глаголах Даритель характеризуется с позиции социального статуса как «обладающий авторитетом, властью». Глагол *grant* ‘даровать, жаловать’ также имплицитно Дающему статус вышестоящего по отношению к другому участнику ситуации.

Человек – социальное существо, его характеристика осуществляется в системе принятых общественных ценностей и норм поведения. В значениях целого ряда глаголов конкретизированы атрибуты морали, характеристики, определяющие отношение человека к другим людям или его оценку другими людьми. Например, корневая морфема глагола *sacrifice* ‘жертвовать’ ассоциативно связывает обозначаемое действие с характеристикой *sacred* ‘святой’; в значении глагола включена оценочная сема «*value = ценность*», отражающая Предмет добровольной передачи Дающего. В значении глагола *donate* ‘жертвовать, отдавать’ имплицитно присутствуют признаки «щедрость», «милосердие», «сострадание» как вероятные характеристики Дающего. Признаки «верность», «совесть» представлены в значении глагола *devote* ‘посвящать’. Донативные действия становятся проявлением отношения: *award* ‘присуждать’, *bestow* ‘жаловать, одаривать’, *grant* имплицитно подразумевают почет, уважение к Получателю со стороны Дающего.

Проведенный анализ показал, что характерологический потенциал донативных глаголов обеспечивается наличием в семантической структуре значения встроенной актантажной рамки с выделенными ролями «Дающий», «Полу-

читель», а также признаков, которые отражают присущие человеку атрибуты (воля, сила, стремление), социальное положение (вышестоящий) и моральные ценности (верность, щедрость, милосердие, уважение).

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
2. The linguistics of giving / ed. by J. Newman [et al.]. – Amsterdam : J. Benjamins, 1998. – 465 p.
3. Черепанова, Е. А. Семантический потенциал глагольных лексем донативного действия / Е. А. Черепанова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 226–230.
4. Goldberg, A. The inherent semantics of argument structure : The case of the English ditransitive construction / A. Goldberg // Cognitive linguistics. – 1992. – № 3. – P. 37–74.

УДК 811.112.2'42:39

Р. В. Белютин

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «WEIHNACHTEN» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКИХ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

В данной статье анализируются языковые репрезентации концепта «Weihnachten» в дискурсе немецких футбольных фанатов. Отмечаются классические и нестандартные (лингвокреативные) варианты интегрирования концепта в коммуникативные пространства данной субкультуры.

Ключевые слова: спортивный дискурс; дискурс футбольных фанатов; этноспецифический концепт; языковая картина мира; Рождество.

Изучение специфики функционирования тех или иных этнокультурных концептов остается одним из магистральных исследовательских направлений в современной лингвистике. Как справедливо отмечает В. И. Карасик, «языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие способа освоения мира» [1]. Исходя из этого утверждения, ученый определил в качестве перспективной задачи социолингвистики «измерение индивидуальных, микрогрупповых, классовых (и других макрогрупповых) и общенациональных концептов» [Там же]. Не менее привлекательной, на наш взгляд, является другая проекция, когда национальные «ментефакты» (в терминологии В. В. Красных [3]), которые входят в коллективную когнитивную базу и составляют ядро культурного пространства, осваиваются в концептосферах (дискурсах) отдельных социальных групп, субкультур и т. п.

В данной работе выбирается как раз такой вектор: языковые репрезентации этноспецифического концепта «*Weihnachten*» (Рождество) и его фреймовых участков исследуются на примере дискурса футбольных фанатов, которые во многих странах, в том числе Германии, представляют мощный социальный пласт, а их субкультура характеризуется как «определенная формализованная структура с набором четко закрепленных правил поведения и условных границ ... [2]. Определенные правила, конвенции, образцы, схемы, паттерны встроены и в коммуникативное (речевое, языковое, дискурсивное) поведение футбольных фанатов, в связи с чем остаётся актуальным «призыв» известного немецкого лингвиста А. Буркхардта: «*Eine gründliche empirische Untersuchung der Sprache innerhalb der Fanszene wäre eine sehr lohnende Aufgabe*» [4, S. 177].

Эмпирический материал отбирался из разнообразных источников, которые в той или иной степени отражают языковую картину мира немецких футбольных фанатов. Среди них – тексты песен, речевок, кричалок, баннеров, дневниковые записи, чат-коммуникация, публикации в фанзинах, художественные произведения и др. Данные дополняются и подтверждаются полевыми исследованиями, проведенными автором во время посещения футбольных матчей, интервью с представителями данной субкультуры и др.

Как показывает анализ примеров, рассмотрение концепта «*Weihnachten*» в дискурсе немецких футбольных фанатов возможно в двух плоскостях.

Во многих контекстах фанаты описывают свои радостные чувства и эмоции, связанные с «болением» за любимую команду, ориентируясь на рождественский «опыт»:

(1) «*Ein ganzes Jahr lang **Weihnachten**. Ok, statt unter dem Baum wurde **Weihnachten** auf dem Platz entschieden, aber Geschenke und festliche Stimmung gab es in rauhen Mengen. Was für ein Jahr für uns Borussen, das sich dem Ende zuneigt*» [5].

Другая перспектива, безусловно, более оригинальная, значит, более многообещающая для лингвистических изысканий. Здесь фанаты задействуют рождественскую тематику в самых разных форматах и вариациях для решения «внутриведомственных» задач: поддержки любимой команды, диффамации команд-соперников и их болельщиков, обозначения своей позиции по какому-либо вопросу и др. Основными приемами реализации коммуникативных интенций фанатов становятся бриколаж, языковая игра, интертекстуальность и т.д.:

(2) «*Oh du Fröhliche / Oh du Selige / Tore schießende Arminia / Arminia ist gekommen die Punkte zu holen / freue dich, freue dich*» [6]. – аллюзия на немецкий рождественский гимн «О, радостное и благословенное Рождество», эйфористический текст с соответствующей мелодией регулярно звучит на матчах с участием «Арминии» из Билефельда).

(3) «*Lieber, guter Nikolaus, jetzt hol' schon mal die Rute raus. Denn die lieben Knappen, spielen Fußball wie die Lappen. Drum hole Ruprecht – zickezack-die Reisigrute aus dem Sack*» [7]. – письмо фанатов дортмундской «Боруссии» святому Николаусу и его помощнику – слуге Рупрехту, в котором содержится просьба «наказать» заклятых врагов из Гельзенкирхена – команду «Шальке 04» и ее поклонников.

Узкие рамки статьи не позволяют представить все проанализированные примеры по заявленной проблематике, но уже проиллюстрированных образцов вполне достаточно, чтобы говорить о высокой коммуникативной плотности и рекуррентности концепта «Рождество» в дискурсе немецких футбольных фанатов. Доказательством является денотативное разнообразие исследуемой концептосферы (Weihnachten, Tannenbaum, Nikolaus, Ruprecht и др.), широкий спектр «профильных» семиотических знаков (рождественские песни, рождественские атрибуты и символы, рождественские сценарии и др.), а также множественность прагматических модусов, «провоцирующих» фанатов на актуализацию рассматриваемого концепта (идентификация с любимым клубом, восхваление любимых игроков и тренеров, насмешливо-издевательский тон в отношении «чужих», выражение своей позиции по актуальным темам, затрагивающим интересы болельщиков и др.).

Перспективным может стать дальнейшее изучение этноспецифических концептов в спортивном дискурсе – на базе одного языка, или в контексте диалога культур, с привлечением данных других языковых картин мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В. И. Карасик. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 15.06.2022).

2. Колегова, И. Е. Движение футбольных фанатов: структура и коллективные идентичности / И. Е. Колегова, В. А. Кондратенко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-futbolnyh-fanатов-struktura-i-kollektivnye-identichnosti> (дата обращения: 15.06.2022).

3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

4. Burkhardt, A. Der zwölfte Mann. Fankommunikation im Fußballstadion / A. Burkhardt // Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache / A. Burkhardt, P. Schlobinski (Hrsg.). – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2009. – Bd. 10. – S. 175–193.

5. Frohe Weihnachten. – URL:https://www.schwatzgelb.de/artikel/2011/unsasenf/2011-12-22_unsa-senf_frohe-weihnachten.

6. <https://www.wallstreet-online.de/diskussion/500-beitraege/618734-1-500/arminia-ist-wieder-da>.

7. Derby-Nikolaus: Zum heutigen Tage eine Bitte an den Nikolaus. – URL: <https://www.schwatzgelb.de/artikel/2018/fehlfarben/derby-nikolaus>.

Ю. А. Белютина

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на примере романа Э. Гилберт «Есть, молиться, любить»)**

Рассматривается один из ключевых концептов языковой культуры «любовь» в англоязычной картине мира. В результате исследования были выделены фреймы «любовь – счастье», «любовь – несчастье», «любовь к Богу».

К л ю ч е в ы е с л о в а: картина мира; языковая картина мира; авторская картина мира; концепт; фреймы.

Еще в середине 19 века в лингвистике наметился поворот, в результате которого ученые стали рассматривать язык как основание для исследования мышления и деятельности. Это послужило толчком к описанию взаимоотношений языка и этноса, языка и менталитета конкретного этноса, произошла переориентация современной парадигмы гуманитарного знания, в т. ч. лингвистики, на установление отношений и соответствий между универсальными и специфическими категориями и их конкретная реализация в разных языках [1, с. 5].

Концепт как единица коллективного сознания имеет языковое выражение и маркирован этнокультурными особенностями. Концепты появляются в процессе восприятия мира, в процессе накопления знаний об окружающих явлениях и отражают человеческий опыт. Мышление в данном контексте может рассматриваться как оперирование концептами посредством их анализа сравнения и соединения.

Сложное и многослойное явление концепта в художественной речи расширяет свои границы и приобретает новые черты: его универсальное и национально специфическое наполнение окрашивается человеческим фактором, воплощая в языке авторское сознание, окрашиваясь эмоциями. Концепт в художественном тексте приобретает особое значение и представляет картину мира, которую видит автор данного текста, и одновременно отражает национальную, языковую и художественную картины мира.

Концепт «любовь» можно отнести к наиболее значимым концептам любой культуры, любовь является эмоциональной универсалией в том смысле, что каждый человек может любить и признавать любовь другого человека [3, с. 225]. Любовь относится к вечным ценностям, независимо от конкретного отношения, присеваемого ей различными народами и индивидуумами.

Концепт «любовь» имеет глубокий, двойственный характер: с одной стороны, любовь традиционно признается универсальным феноменом, с другой – любовь каждый человек определяет, проявляет и понимает по-своему. Противоречивость данного понятия заключается и в его возможности выра-

жаться как позитивными, так и негативными эмоциями, в его способности отражать, как низменные пороки человека, так и высокие чувства. Любовь выражает как эмоции и состояния субъекта, так и отношения между людьми в социуме.

Любовь как ключевой концепт языковой культуры привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. В последние десятилетия концепт «любовь» исследовался в следующих направлениях: как культурная доминанта, обладающая особой культурологической и лингвистической ценностью; как ментально обусловленное диахронически и синхронически единое образование в разных национальных культурах; как элемент индивидуально-стиля автора; в сопоставительном аспекте репрезентации концепта «любовь» с другими ключевыми эмоциональными концептами внутри одной культуры и как кросскультурный конструкт и т.д.

В данном исследовании ставилась цель определить, как концепт “любовь” объективируется в художественном тексте англоязычного автора Э.Гилберт в романе «Есть, молиться, любить» путем изучения лексических средств, его описывающих и отражающих эмоциональное состояние и отношение героини к данной универсалии. Основанием для оценки будет являться контекстуальный анализ репрезентации концепта, т.е. позиция, из которой исходит главная героиня, ее убеждения, представления об идеале, стандарте данного явления.

Всего в тексте романа было обнаружено 199 предьявлений лексемы *love*, что свидетельствует об актуальности анализируемого концепта для главной героини. Концепт «любовь» в романе Э. Гилберт «Есть, молиться, любить» представлен фреймами «любовь – несчастье», который демонстрирует негативную эмоциональную окраску, и противоположным данному фреймом «любовь – счастье», отражающим позитивную сторону явления.

Так как любовь носит сложный и противоречивый характер, для героини романа она является воплощением и положительных эмоциональных переживаний, и отрицательных чувств. Данный факт находит свое отображение в языковой объективации концепта. В результате анализа примеров было выделено 6 слотов в структуре фрейма «любовь – несчастье»: «любовь – страдание»; «любовь – отчаяние»; «любовь – страх»; «любовь – усталость»; «любовь – боль».

(1) После разрыва с возлюбленным главная героиня тяжело переживает конец их любовных отношений. “*He was still my light house and my albatross*”. С помощью антитезы автор демонстрирует всю противоречивость чувств в душе героини, для которой любовь хоть и светлое чувство, спасение, но обернулось камнем на ее шее, который доставлял одни лишь страдания.

В ходе романа отношение главной героини к любви начинает постепенно меняться. Изменения в сюжетной линии приводят к преломлению языковой объективации концепта. Любовь проходит несколько этапов становления, она развивается и меняется с ходом событий и впоследствии получает

«положительный заряд». В связи с этим были выделены следующие слоты фрейма «любовь – счастье»: «любовь – преданность», «любовь – благодарность», «любовь – забота», «любовь – притяжение», «любовь – близость», «любовь – страсть», «любовь – наслаждение».

(2) Главная героиня сравнивает любовь с чувством, в котором можно полностью раствориться, оно для нее сродни чувству величайшей преданности. *“I disappear into the person I love... If I love you, you can have everything. You can have my time, my devotion, my body, my money, my family... – everything”*. Автор использует параллельные конструкции и стилистический повтор *“you can have my ...”, “my time”, “my devotion”, “my body”, “my money”, “my family”*, чтобы передать экспрессивность высказывания и показать всеобъемлющий характер любви главной героини, которая отдается чувствам полностью, без остатка. Преданность для нее – самоотдача в отношениях между людьми.

Отдельная глава книги посвящена отношениям человека с Богом. Героиня пытается найти связь с Всевышним, показать ему свою преданность. Героиня пытается познать любовь через Бога и веру, поэтому в концепте «любовь», отраженном в данном художественном тексте, мы считаем необходимым выделить фрейм «любовь к Богу», который, в свою очередь, структурирован на несколько слотов: «любовь – спасение», «любовь – восхищение», «любовь – всеобъемлющее чувство».

(3) Чувство любви к Богу все сильнее проявляется у Элизабет после каждого обращения. *“I adore the cause of universe...I adore the one whose eyes are the sun, the moon and the fire... you are everything to me, God of gods”*. С помощью метафор *“eyes are the sun, the moon and the fire”* Элизабет подчеркивает, что Бог охватывает взглядом весь мир, он и составляет все, что есть во вселенной.

Таким образом, проведенный концептуальный анализ показал, что национальный и индивидуальный концепты соотносятся как целое и частное. Универсальный концепт «любовь», рассмотренный в романе Э. Гилберт, дополняет и обогащает англоязычную лингвокультуру и одновременно отражает национальное представление о любви. Лингвокультурный анализ концептов, особенно в их индивидуальной репрезентации, позволяет глубже понять ценностную составляющую менталитета нации, ее культурные ориентиры и тем самым сформировать толерантное отношение к традициям иноязычной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.
2. *Gilbert, E. Eat, pray, love* / E. Gilbert. – L. : Penguin Books, 2009. – 441 p.

3. Wierzbicka, A. The biblical roots of English 'love'. The concept of 'love' in a historical and cross-linguistic perspective / A. Wierzbicka // International Journal of Language and Culture. – 2019. – Vol. 6. – P. 225–254.

УДК(811.112.2+811.133.1) '362'373

М. П. Булгакова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕРИВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РАЗМЕРА

Рассматривается словообразовательный потенциал прилагательных размера немецкого и французского языков в сопоставительном аспекте.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическая деривация; словообразование; фразеология; метафора; прилагательные размера.

Метафорическое переосмысление первичных значений прилагательных как номинативный прием давно находится в центре внимания исследователей. Весьма результативным представляется сопоставительное изучение данного явления на материале двух и более языков. Это побуждает подробнее рассмотреть номинативный аспект семантической деривации прилагательных размера в плане анализа их функционирования в сфере описания социальной, экономической, морально-этической и прочих сторон жизни человека.

Наиболее полно «роль метафоры выступает в тех случаях, когда она используется для обозначения непредметных сущностей» [1, с. 66, см. также 2, с. 52]. Особенно это касается сферы социальных характеристик, где многие сочетания возникли для восполнения недостатка видовых наименований, например, во французском языке:

la grande bourgeoisie – la petite bourgeoisie ‘крупная буржуазия – мелкая буржуазия’;

un grand bourgeois – un petit-bourgeois ‘богатый буржуа – мелкий буржуа’;

hauts fonctionnaires ‘высшее чиновничество’ – *petits fonctionnaires* ‘мелкие чиновники’;

la haute société ‘высший свет’ – *le bas peuple* ‘простолюдики’;

le haut clergé ‘высшее духовенство’ – *le bas clergé* ‘низшее духовенство’;

Chambre haute ‘верхняя палата’ – *Chambre basse* ‘нижняя палата’.

Таким же образом благодаря ПП различаются и многие материальные понятия социально-экономической сферы:

petite, moyenne, grande industrie ‘мелкая, средняя, крупная промышленность’;

grande entreprise ‘крупное предприятие’ – *les petites et moyennes entreprises* ‘малый бизнес’.

Эпидигматической внутренней формой дериватов прилагательных в таких именных группах служат количественный (*grande industrie*) или пространственный (*la haute société*) компоненты первичного значения. Подобные примеры следует отнести к области «фразеологической номинации» (термин М.М. Копыленко [3, с. 15]), поскольку они соответствуют основным ограничительным критериям, вводимым для этого понятия: «устойчивость, клишированность, высокая – большая, чем случайно – повторяемость в тексте <...> или возможность стяжения путем семантической конденсации, аббревиации, создания сложносокращенного слова» [4, с. 89]. Подобные именные группы функционируют преимущественно в обиходно-бытовой, общественно-политической и научной сферах, где необходимо обозначить объекты нематериального мира с отображением их объективных свойств.

Иная картина наблюдается в немецком языке. Для номинации понятий общественной, экономической, морально-этической сфер жизни человека прилагательные размера в составе фразеологических единиц не отличаются высокой продуктивностью:

die große Welt ‘большой свет, высшее общество’,
großes Geld ‘большие деньги’,
ein großer Politiker ‘крупный политический деятель’,
ein großer Künstler ‘великий [большой] художник’.

В данной сфере номинации прилагательные размера чаще выступают в качестве словообразовательных элементов:

die Großbourgeoisie ‘крупная буржуазия’,
der Großaufkäufer ‘крупный скупщик’,
der Großaktionär ‘крупный акционер’,
die Großaufnahme ‘съёмка крупным планом’,
das Kleinbürgertum ‘мелкая буржуазия’,
die Kleinindustrie ‘мелкая промышленность’,
die Kleinhandel ‘мелкая розничная торговля’,
der Kleinverbraucher ‘мелкий потребитель’,
der Kleinmut ‘малодушие’,
der Kleinsparer ‘мелкий вкладчик’,
der Kleinlandwirt ‘мелкий землевладелец’,
der Hochbedarf ‘высокий спрос’,
hochgeachtet ‘высокоуважаемый’.

Подобные сопоставительные наблюдения за процессами номинации, выявление сходств и различий в изучаемых языках оказываются весьма продуктивны в аспекте преподавания иностранного языка и, в частности, при подготовке будущих лингвистов в языковых вузах. Они служат лингвистической основой изучения иностранных языков, формируя базу для типологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Опарина, Е. О.* Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // *Метафора в языке и тексте.* – М., 1988. – С. 65–78.
2. *Телия, В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // *Метафора в языке и в тексте.* – М., 1988. – С. 26–52.
3. *Копыленко, М. М.* Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 191 с.
4. *Мигирина, Н. И.* Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке / Н. И. Мигирина. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 90 с.

УДК 81'37

Т. А. Козлова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ И ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье отмечается, что значение нравственной характеристики человека, фиксируемое в языке наименованием морального качества, может быть результатом развития вторичного значения у обозначения природного объекта. Характеристики природы могут также выступать признаком мотивации наименований моральных качеств. При функционировании в художественном тексте наименований моральных качеств может происходить семантический сдвиг: рассматриваемые единицы используются для обозначения свойств живых и неживых природных объектов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *наименования моральных качеств; семантика; лексическое значение; этимология; вторичная семантика.*

Язык представляет собой знаковую систему, закрепляющую результаты познавательной деятельности человека [1, с. 9]. Мобильность такой фиксации обеспечивается прежде всего единицами лексического уровня. Слова, называя обработанные сознанием определённые «отрезки действительности», вступают в отношения, обусловленные реальной связью предметов [2, с. 255]. Вербальная фиксация объективных закономерностей мира свидетельствует о системности языка [3, с. 49]. Другими словами, исследование отношений взаимосвязи и взаимообусловленности языковых единиц способствует изучению представлений о реальных связях предметов у носителей языка. В соответствии с антропоцентрической парадигмой в любом знании о бытии, природе, обществе, в самом познании присутствует человеческое

измерение. В настоящей статье рассматривается семантическое взаимодействие обозначений моральных качеств, то есть характеристик человека, и единиц, называющих природные объекты.

На основании данных толковых словарей установлено, что значение морального качества может быть результатом развития вторичного значения у наименований природных объектов. Прямое номинативное значение данных лексем содержит признаки, которые указывают на характеристики животных (*cold-bloodedness* ‘хладнокровие’, *venomousness* ‘ядовитость’; *драпежнасць*, *кыважэрнасць*, *рахманасць*; *кровожадность*, *непробовательность*, *хищность*), рельеф (*ruggedness* ‘суровость’; *крутость*, *низменность*), природные условия (*inhospitableness* ‘негостеприимность’, *shadiness* ‘сомнительность’).

Наименования моральных качеств этимологически связаны с признаками мотивации, которые обозначают природные объекты. Английский язык характеризуется наличием слов, признаки мотивации которых указывают на связь с землёй (*humbleness* ‘скромность’, *humility* ‘покорность’, *courteousness* ‘учтивость’ и др.), дорогой (*deviousness* ‘неискренность’, *waywardness* ‘непокорность’), освещённостью (*candidness* ‘откровенность’, *candour* ‘чистосердечность’, *shadiness* ‘сомнительность’), состоянием дикости (*ferocity* ‘свирепость’, *fierceness* ‘лютость’, *savageness* ‘дикость’). В белорусском и русском языках рассматриваемая группа лексем представлена заимствованиями (*культурнасць*, *скрупулёзнасць* и др.; *кристальность*, *наивность* и др.), при этом в белорусский язык лексемы пришли через русский. Совпадение в рассматриваемых языках отмечается по наличию признака мотивации ‘острый камень или галька’, представленного в соотносительных единицах *scrupulousness* ‘скрупулёзность’ – *скрупулёзнасць* – *скрупулёзность*. Значимо количество лексем, отсылающих к наименованиям погодных условий, преимущественно температурных характеристик (*warmth* ‘теплота’, *coolness* ‘прохладность’, *coldness* ‘холодность’ и др.; *цеплыня*, *суровасць*, *халоднасць* и др.; *теплота*, *бесстыдство*, *прохладность* и др.).

Анализ данных этимологических словарей позволяет установить, что признаком мотивации наименований моральных качеств может служить обозначение животного. В белорусском языке наименования моральных качеств восходят к заимствованным основам, обозначающим таких животных, как *собака*, *змея* (*цынічнасць*, *яхіднасць*, *яхідства*), а также *пёс* (*сапсаванасць*), *лиса* (*ліслівасць*), родовому слову *зверь* (*разбэжчанасць*) и характеристике «хищный» (*драпежнасць*). В русском языке наряду с теми же заимствованными основами, называющими змею и собаку (*ехидность*, *ехидство*, *ехидца*, *циничность*), представлена лексема *гнуслость*, восходящая к значению «мошकारа, мелкие насекомые». Обращение к наименованиям животных и их частей тела в английском языке более разнообразно. Так, кроме лексемы, отсылающей к основе *kuōn* ‘собака’ (*cynicalness* ‘циничность’), установлено, что слово *snootiness* ‘высокомерность’ произошло от ‘snout’ ‘рыло, морда животного’, *cowardice* ‘трусливость’ – от ‘coe’ ‘хвост’, *chivalry* ‘рыцарство’ – от ‘caballus’ ‘лошадь’, *cocksureness* ‘самоуверенность’ – от ‘coss’ ‘птица-самец’.

Экономность языка проявляется в наличии у одного слова нескольких значений, которые являются результатом закрепления в языке семантического переноса. Регулярность переноса наименований с одного объекта на другой превратила такой перенос в закон развития языка [4, с. 99]. На основе анализа данных художественной прозы установлено, что наименования моральных качеств используются не только для обозначения нравственных характеристик человека, но и количественных и качественных свойств других живых и неживых объектов (например, *интенсивность*, *внешний вид* и др.) при взаимодействии с наименованиями природных объектов, среди которых:

1) явления природы: *ferocity of the storm* ‘свирепость бури’ (D. Clifford. The Affair of the Forest); *руплівасць капежа* (В. Казько. Хроніка дзет-домаўскага сада); *небрежність ветра* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки) и др.;

2) животный мир: *dignity of goats* ‘достоинство козлов’ (J. Vow. Jane’s Journey); *працавітасць пчол* (З. Прыгодзіч. Журба мая светлая); *доброе совестность коня* (С. Залыгин. Комиссия) и др.;

3) растительный мир: *virtue of dried flowers* ‘букв. достоинство высушенных цветов’ (J. Vow. Jane’s Journey); *колькі ганарлівасці ў белым грыбе* (В. Супрунчук. Белы грыб); *леность капусты* (В. Астафьев. Царь-рыба) и др.;

4) рельеф: *the waywardness of game tracks* ‘букв. своеобразие троп дичи’ (D. Clifford. The Affair of the Forest); *шчодрасць і шчырасць ракі* (Я. Пархута. Што за сінімі лясамі?); *щедрость равнины / леса* (Б. Можяев. Живой) и др.;

5) территория: *austerity of the world* ‘суровость мира’ (I. Murdoch. The Good Apprentice); *гасціннасць чужога краю* (В. Казько. Неруш); *благородство Земли* (А. Азольский. Лопушок) и др.;

б) период времени: *malevolence of the past day* ‘недоброжелательность прошедшего дня’ (M. Keane. Loving and Giving); *предвзятость последнего года* (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове) и др.

Таким образом, единицы лексического уровня формируют сложную сеть взаимосвязанных и взаимозависимых значений. Семантическое взаимодействие наименований моральных качеств и обозначений природных объектов наблюдается при развитии значения нравственной характеристики человека у единиц, которые первичными значениями указывают на свойства животных, рельеф, природные условия. Более того, в качестве признаков мотивации наименований моральных качеств как на диахронном срезе, так и на синхронном уровне выступают признаки, отсылающие к обозначениям земли, дороги, освещённости, животных, состояния природы. При функционировании в художественном тексте наименования моральных качеств утрачивают значение нравственной характеристики человека и развивают значение количественного или качественного свойства природных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Шрейдер. – М. : Наука, 1991. – 168 с.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – 5-е изд. – М. : URSS : Либроком, 2013. – 120 с.
4. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.

УДК 811.134.2'37

Т. В. Корбачёва

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ОБЩЕЕ И ЛИНГВОСПЕЦИФИЧЕСКОЕ В СЕМАНТИКЕ КОНСТИТУЕНТОВ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Проводится сопоставительный анализ содержательных характеристик значений слов, реализующих семантику темпоральных циклов, в русском и испанском языках. Выявляется общее и лингвоспецифичное в наборах семантических признаков, актуализируемых в лексикографических дефинициях и в коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: темпоральные лексические циклы, лексическое значение, концептуальная структура, семантические признаки.

Взгляд на слово как на точку доступа к широкому объему знаний, соотносимых с определенным концептом, стал основополагающим теоретическим постулатом современной лексической семантики. Данный тезис влечет за собой постановку ряда исследовательских задач, среди которых одними из первоочередных выступают вопросы организации компонентов когнитивных структур, репрезентируемых словом, выявление общего и лингвоспецифичного в наборах признаков в представлении значений слов в разных языках.

Цель работы – сопоставить содержание русских и испанских лексических единиц, объективируемое в их лексикографических описаниях и в коммуникации. Для исследования мы выбрали лексические циклы – объединения слов, организованные по принципу упорядоченности и детерминированности каждого последующего компонента цикла предыдущим. Были проанализированы конститuentы темпоральных лексических циклов в русском и испанском языках: суточный (рус. *утро, день, вечер, ночь*, исп. *mañana, tarde, noche, madrugada*), недельный (рус. *понедельник, вторник* и т.д., исп. *lunes, martes* и т.д.), сезонный (рус. *весна, лето, зима, осень*, исп. *primavera, verano, otoño, invierno*), годовой (рус. *январь, февраль* и т.д., исп. *enero, febrero* и т.д.).

Анализ лексикографических описаний значений циклических имен, представленных в авторитетных словарях русского и испанского языков, позволил выявить не только ряд совпадений, но и некоторые различия в содержании дефиниций анализируемых слов. Отметим общий для обоих языков релевантный характер этих лексических единиц, который актуализируется указанием порядкового номера каждого элемента в цикле (*январь* «первый месяц календарного года») и/или указанием соседних элементов цикла (*понедельник* «первый (после воскресенья) день недели», *весна* «время года, наступающее за зимой и сменяющееся летом»). Общим является также способ представления последовательности компонентов в цикле путем указания рубежных точек, отграничивающих один период от другого (*ночь* «часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра», *noche* «parte del día comprendida entre la puesta del sol y el amanecer» ‘часть суток от захода солнца до рассвета’).

В способах членения временного континуума проявляются и различия в языковых картинах мира русско и испаноговорящих. Так, в суточном цикле в русском языке рубежными точками указываются природные явления рассвет, восход и заход солнца, в то время как в испанском языке к уже названным добавляются полдень и полночь. Лингвоспецифичным является также деление суточного периода с опорой на деятельность человека. Конечным рубежом утреннего периода для носителей испанского языка может выступать обед (*mañana* «parte del día comprendida entre el amanecer y el mediodía, o la hora de comer o almorzar» ‘часть суток от рассвета до полудня или времени обеда’). Различия в фрагментировании временной прямой отмечены также в сезонном цикле. Если в русской лингвокультуре деление на сезоны происходит с опорой на температурные показатели (*лето* «самое тёплое время года, наступающее вслед за весной и сменяющееся осенью», *зима* «самое холодное время года, наступающее за осенью и сменяющееся весной»), то в испанской языковой картине мира пограничными точками выступают иные природные явления, а именно летнее и зимнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие.

Вторая общая черта в содержании русских и испанских циклических имен, объективируемом в их лексикографических описаниях – связь называемых периодов времени с некоторыми видами деятельности. Так, элементы недельного цикла связаны с отдыхом (*воскресенье, domingo*) и с некоторыми религиозными практиками. Различия же заключаются в самих называемых религиозных практиках. Так, русские лексикографы указывают только на связь субботы с религиозным праздником в иудаизме («суббота – день покоя, религиозный праздник в иудаизме и в некоторых христианских сектах»). В то же время их испанские коллеги в словарных описаниях дней недели указывают на связь с праздничными днями, днями отдыха пятницы (*viernes*) – в исламе, субботы (*sábado*) – в иудаизме, воскресенья (*domingo*) – в христианстве.

Анализ контекстных употреблений циклических имен и включающих их устойчивых выражений позволил нам определить типы семантических признаков, актуализируемых в коммуникации, которые оказались одинаковыми для русского и испанского языков. Так, в обоих сопоставляемых языках семантические компоненты отражают многогранность знания о природных явлениях, характерных для называемых временных периодов (*Декабрь оковал воды, в снега зарыл, Июль задыхал и зацвел расплавленным липовым цветом, En diciembre, hielos y nieve* ‘В декабре снег и лед’), о разнообразных видах деятельности, осуществляемой в те или иные периоды времени (*День пришел, так и есть принес; день прошел, заботу унес, La noche se ha hecho para descansar, o dormir, y el día para trabajar* ‘Ночь создана для отдыха или сна, а день – для работы’), а также субъективно-оценочные характеристики называемых временных периодов (*В моей душе цветет веселый май, В самый скучный месяц, в тусклом ноябре, Febrero loco y marzo otro poco* ‘Февраль сумасшедший, и март тоже немного’).

Выявлены также некоторые лингвоспецифичные семантические характеристики циклических имен в русском и испанском языках. Особо отметим, что различия не носят глобального характера и не нарушают указанные выше общие линии концептуализации периодов времени, представленных в языке циклическими именами. Отраженная в каждом языке специфика заключается в конкретных проявлениях указанных выше общих тенденций, с их природным и событийным наполнением, что связано с культурными особенностями носителей того или иного языка, а также природными особенностями территории их проживания. Например, в Испании порой цветения, и в связи с этим самыми красивыми месяцами называют апрель и май (*Los campos florecientes, que matizan abril y mayo con pinceles diestros...* ‘Цветущие поля умело раскрасили кистью апрель и май’, *El mes de abril es el más hermoso del año* ‘Апрель – самый красивый месяц в году’), в свою очередь июль и август – самые жаркие, все испепеляющие месяцы (*Julio caliente, quema al más valiente*. ‘Жаркий июль самого смелого сжигает’, *el agosto abrasado* ‘опаленный август’, *el ardiente agosto* ‘горящий август’, *agosto inflamado* ‘воспламененный август’, *encendido agosto* ‘горящий август’). В русской языковой картине мира, в отличие от испанской, с цветением, обильной зеленью связывают не только апрель и май, но также июнь, июль и август (*Тих апрель в цветы одетый, а январь – суров и зол, Май – пора цветения, Июль – краса лета, середка цвета, Июль задыхал и зацвел расплавленным липовым цветом*).

Таким образом, проведенный анализ показал, что картина семантических характеристик конститuentов темпоральных лексических циклов в русском и испанском языках имеет ряд принципиальных черт, которые отражают общие принципы концептуализации называемых отрезков времени. Отличия носят поверхностный характер, отражая культурные, социальные и др. особенности носителей сопоставляемых языков, природные особенности называемых периодов времени.

К. А. Котов

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ГЛАЗА В ОПИСАНИИ ЧЕЛОВЕКА

(на примере русского, английского и испанского языков)

На примере неблизкородственных языков рассматриваются эмпирические признаки глаз человека, актуализируемые говорящим за счет обращения к феноменам окружающего мира. Выявляются общие и национально-специфические особенности, а также факторы, обуславливающие национально-культурную специфику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *глаза человека; эмпирические признаки; семантика; денотативные области; национально-культурная специфика.*

Языковая дескрипция человека в сопоставительном аспекте представляет большой интерес, поскольку «Человек... центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное лицо мира, о котором он говорит» [1, с. 5]. Глаза, при этом, как один из наиболее салиентных элементов внешности, чаще других становятся объектом описания. Данная работа посвящена выявлению общего и национально-специфического в описании глаз человека на материале неблизкородственных языков.

Объектом исследования являются свободные атрибутивные словосочетания и сравнительные обороты, описывающие глаза человека через апелляцию к феноменам окружающего мира, полученные из контекстов художественной литературы XIX-XXI вв. Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), Британского национального корпуса (далее BNC), корпуса исторического американского английского (далее COHA), корпуса испанского языка (далее CdE), а также параллельных корпусов в рамках Национального корпуса русского языка.

Предложенное исследование ограничивается рассмотрением дескрипций **эмпирических признаков:** цвет, размер, форма и др., то есть признаков, воспринимаемых органами чувств и осознаваемых человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном» [2, с. 21]. Данные признаки могут актуализироваться через отсылку к широкому спектру денотативных областей, которые служат источником их конкретизации: «Лица»; «Животные»; «Растения и другие растительные организмы»; «Космос. Земля. Природные образования»; «Материальные продукты труда» и др. (Названия денотативных областей позаимствованы из Русского семантического словаря под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [3]).

Полученные результаты позволяют сделать ряд важных выводов:

Исследуемые языки характеризуются идентичным набором **эмпирических признаков**, получивших актуализацию через обращение к окружающему миру: *цвет, размер, форма, степень прозрачности, характер поверхности (текстура), положение на лице, характер движения.* Наиболее частотным из них является признак цвета, на который приходится 73,68 % языково-

го материала в русском языке, 73,66 % в английском и 60,43 % в испанском соответственно, что свидетельствует о широких номинативных возможностях языка, обеспечивающих точность выражения мысли, несмотря на небольшой выбор конвенциональных средств дескрипции, которых явно недостаточно для описания разнообразия цветового спектра.

Наиболее частотной денотативной областью к которой апеллирует говорящий при описании глаз в исследуемых языках является область «**Космос. Земля. Природные образования**», которая включает в себя такие подобласти, как:

«**Металлы и металлические сплавы**»: *Лицо его оставалось серым, зато латунные глаза явились из-под век во всем своем тусклом цепящем блеске* (НКРЯ); *He'd looked into those bright copper eyes and seen the love she felt for him* 'Он смотрел в эти ярко-медные глаза и видел любовь, которую она испытывала к нему' (СОНА) (здесь и далее перевод наш – К. А.); *La muchacha de los ojos de oro* 'Девушка с золотыми глазами' (CdE).

«**Разные виды простых веществ, соединения с ними**»: *Наталья близко видела всё те же пронзающие глаза цвета пережжённого йода* (НКРЯ); *the distant, gleaming, verdigris eyes* 'далекие, блестящие глаза цвета патины' (СОНА); *Me voy, dijo el hombre con los ojos de agua. Y se marchó* 'Я ухожу, сказал человек с водянистыми глазами. И ушел' (CdE).

«**Земля, ее рельеф, природные явления**»: *Огромные глаза болотного цвета, темные узкие брови, четко обрисованные скулы...* (НКРЯ); *<...> calm, clothed like the princesses of old, with eyes as coldly blue as the reflection of sunlight on a glacier* '<...> спокойная, одетая, как принцессы древности, с холодными голубыми глазами, как отражение солнечного света на леднике' (СОНА); *Sus ojos eran grandes como charcos negros* 'Его глаза были большими, как черные лужи' (CdE).

«**Горные породы, ископаемые, камни**»: *Гартман повернулся спиной к окну, скрестил руки на груди, тускло светились его антрацитовые глаза, и по лицу ходили тени* (НКРЯ); *<...> his rhinestone eyes sparkled as though filled with tears* '<...> его горно-хрустальные глаза блестели, как будто наполняясь слезами' (СОНА); *Solimán El Magnífico, poseía una explosiva combinación de cabellos rojo-fuego con ojos verdes como jade* 'Сулейман Великолепный обладал взрывным сочетанием огненно-рыжих волос с нефритово-зелеными глазами' (CdE).

«**Огонь; продукты горения**»: *В тишине, в голубоватом сумраке библиотеки, глядели на Лося пепельные глаза* (НКРЯ); *Evan glanced down at Peter, who was staring up at him with charcoal eyes* 'Эван взглянул на Питера, который смотрел на него угольными глазами' (СОНА); *Las inventé porque te vi los ojos de ceniza* 'Я их придумал, потому что увидел твои пепельные глаза' (CdE).

Превалирование данной денотативной области объясняется тем, что, во-первых, человек прежде всего обращается к наиболее знакомым фрагментам действительности, а, во-вторых, среди этих фрагментов он выбирает те, которые обладают определенным салиентным признаком, хорошо известным широкому кругу носителей языка.

Также высокой степенью частотности в рамках выбранных языков характеризуются такие денотативные области, как: «**Растения и другие растительные организмы**» (25,87 % в русском, 21 % в английском, 13,18 % в испанском), «**Материальные продукты труда**» (22,8 %, 20,41 %, 28,57 % соответственно). Другие денотативные области, выявленные в работе, уступают по своей частотности или не представлены в одном из языков: «**Животные**» (14,47 % в русском, 10,35 % в английском, 1,09 % в испанском), «**Лица**» (3,94 %, 1,18 %, 2,19 % соответственно), «**Формы и сущностные характеристики явлений действительности**» (0,43 %, 2,66 %, 2,19 % соответственно), «**Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства**» (0 %, 0,29 %, 3,29 % соответственно).

Несмотря на общие тенденции в наборе и частотности эмпирических признаков и денотативных областей, языковой материал демонстрирует значительную национально-культурную специфику, которая выявляется на уровне отдельных словосочетаний и сравнительных оборотов. Обобщая языковые данные, мы можем установить следующие факторы, повлиявшие на формирование национально-культурной специфики:

1) географический:

географическое положение: *los ojos grises como el mar de los cántabros, у aquella voz sedosa que le invitaba a retozar ofreciéndole placeres sin fin* ‘серые глаза, как Кантабрийское море (Бискайский залив), и тот шелковистый голос, который приглашал его резвиться, предлагая ему бесконечные удовольствия’ (CdE),

климат: *Лидия смотрела в его ясные глаза, голубые, как снег в лесной тени, и понимала, что ему в голову не пришло и не придет поверить ни в какую клевету на Лиду Рождественскую* (НКРЯ),

ландшафт: *У Дегтярева голубой глаз, цвета дальних сопок* (НКРЯ),

наличие определенной флоры и фауны: *His reddish terrapin eyes are merry tonight, for something pleases him* ‘Его красноватые глаза черепахи (североамериканской водной черепахи) веселы сегодня вечером, поскольку нечто его радует’ (СОНА); <...> *ojos de frijolillos negros, dientes de carne de coco con incrustaciones de esmeraldas* ‘<...> глаза цвета чёрной фасоли, зубы цвета кокосовой мякоти, инкрустированные изумрудами.’ (CdE),

наличие или важность тех или иных полезных ископаемых: *It showed most in his eyes – bright, blue, New England granite eyes, glittering with the hunter's excitement* ‘Больше всего это было заметно в его глазах – светлых, голубых, гранитных глазах (гранита из Новой Англии), сверкающих охотничьим азартом’ (СОНА);

2) культурно-исторический:

специфика материальной и духовной культуры: *Kevin turned Keegan's head toward the deer and the boy's eyes got as big as silver dollars* ‘Кевин повернул голову Кигана в сторону оленю, и глаза мальчика стали большими, как серебряные доллары’ (СОНА),

кулинарные традиции и предпочтения: *всё, что видели ее просто-народные глаза цвета зеленых щей с томной капелькой желтого жира, она принимала с невозмутимостью зеркала (НКРЯ); “He did?” said the bold-visaged housekeeper, opening her large, buttermilk-colored eyes with astonishment ‘– Да? – сказала дерзкая экономка, с удивлением открывая большие глаза цвета пахты’ (СОНА).*

Таким образом, при описании внешности, в частности глаз, человек не ограничивается использованием типичных, стереотипных дескриптивных средств, а активно привлекает для этой цели свое знание окружающего мира. Апелляция к феноменам окружающего мира, с одной стороны, позволяет индивидуализировать объект дескрипции, выделить его среди подобных, а, с другой стороны, обеспечивает нюансированный, предельно точный характер его описания. Культурная специфика дескриптивных средств обусловливается различиями эталонных носителей признака, к которым прибегает носитель языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : УРСС, 2010. – 368 с.
2. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных : на материале современного русского языка / А. Н. Шрамм. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2002.

УДК 811.581'35'37

Н. В. Михалькова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТЕРМИНАТИВОВ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Путем анализа сложных многокомпонентных знаков китайской письменности рассматривается семантический потенциал составляющих их детерминативов. На примере смыслового указателя 羽 'перья' выявляется ряд дифференциальных признаков, которые могут быть включены в семантику детерминатива иероглифического знака китайского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантика; детерминатив; иероглифический знак; китайский язык.

Детерминативы иероглифических знаков китайского языка, выступая одновременно в качестве первичных номинативных единиц, а также знакопроизводящих основ, являются важнейшими элементами письма [1-3], поз-

воляющими обозначить в графике не только прямой референт и представления носителей языка об объектах, свойствах и процессах окружающей действительности, но и косвенно указать на них. Это приводит к расширению семантического потенциала детерминативов, который начинает включать, наряду с основным значением, ряд иных семантических свойств. Данные свойства могут быть связаны с репрезентацией иных или дополнительных дифференциальных признаков. Так, например, детерминатив 羽 ‘перья’ согласно толковому словарю китайского языка означает «鸟的毛 (досл. шерсть птиц)» [4]. Древние словари, в частности, 说文解字 [5], также указывают это значение «【說文】鳥長毛也». При этом анализ сложносоставных иероглифов китайского языка, куда входит данный детерминатив, показывает, что его семантика оказывается значительно шире и может включать следующие компоненты значения.

1. Способ передвижения. Детерминатив 羽 ‘перья’ входит в иероглифические знаки, обозначающие различные виды полета: взлетать, взмывать, высоко летать, парить, махать крыльями в полете, быстро лететь, порхать, перелетать с места на место и др.). Например, 翀, 翞, 翟, 翠, 翡, 翢, 翣, 翤, 翥, 翷, 翸, 翹, 翺, 翻, 翼, 翽, 翾, 翿 [4].

2. Виды оперенья, например, оперение на шее, длинные/жесткие/твердые/белые и блестящие перья, оперение птенцов, большие маховые перья крыла и др. Например, 翕, 翓, 翔, 翕, 翖, 翗, 翘, 翙, 翚, 翛, 翜, 翝, 翞, 翟, 翠, 翡, 翢, 翣, 翤, 翥, 翷, 翸, 翹, 翺, 翻, 翼, 翽, 翾, 翿 [4].

3. Инструмент, с помощью которого воспроизводится звук полета. Например, 翹, 翺, 翻, 翼, 翽, 翾, 翿 [4].

4. Материал для производства приспособлений различного типа, в т.ч. стрел, в частности, стрела с металлическим наконечником; стрела для арбалета (翳, 翶, 翷, 翸, 翹, 翺, 翻, 翼, 翽, 翾, 翿 [4]).

5. Характеристика (свободный, стремительный, быстрый, лёгкий). Например, 翹, 翺, 翻, 翼, 翽, 翾, 翿 [4].

Кроме указанных компонентов значения детерминатива 羽 ‘перья’ семантический потенциал данного знака может быть также расширен за счет указания номинаций различных птиц, для которых данная внешняя характеристика оказывается прототипическим свойством. Так, например, детерминатив 羽 ‘перья’ входит в состав таких зоонимов, как зимородок, в т.ч. самец и самка, длиннохвостый фазан, сорока, пёстрый фазан и др. (翠, 翡, 翟, 翠, 隼, 翽, 翾, 翿 [4]).

Семантический потенциал детерминатива 羽 ‘перья’ может также включать свойства, метафорически описывающие явления окружающей человека действительности. Так, иероглиф 習 означает ‘учиться; практиковаться’. Включение в состав данного знака детерминатива 羽 ‘перья’ обусловлено тем, что процесс, при котором практикуются, схож с процессом, когда маленькие птички учатся летать [6]. Поскольку наличие перьев является прототипическим признаком птиц как отдельно вида животных, данный дифференциальный признак вошел в состав сложного иероглифического знака в качестве детерминатива.

Таким образом, детерминативы иероглифических знаков китайского языка представляют собой специфический компонент элементов письменности, семантический потенциал которого не ограничивается первичным номинативным значением, выходит за рамки указываемого значения и включает множество иных релевантных характеристик и свойств, благодаря которым становится возможным его функционирование в качестве смыслового указателя во множестве иных иероглифических знаков, где он является смыслоопределяющим компонентом. Следовательно, семантика детерминатива китайского языка может рассматриваться как своеобразная матрица знания о данном референте, что позволяет использовать его в том числе для графического отображения метафорических обозначений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резаненко, В. Ф.* Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
2. *Карасева, К. В.* Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / К. В. Карасева ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. – 26 с.
3. *Шаравьева, И. В.* Лингвосемиотика знаков идеографического письма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / И. В. Шаравьева ; Иркут. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2017. – 24 с.
4. *Иероглифический словарь китайского языка* [Электронный ресурс] 汉字字典. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/>. – Дата доступа: 02.02.2021.
5. *Сюй, Шэнь.* Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь Сюй. – Юйлу : Изд-во в Юйлу, 2006. – 540 с. = 许, 慎。说文解字 / 慎许。 – 岳麓 : 岳麓书社, 2006. – 540页。
6. *Karlgren, B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese / B. Karlgren. – New York : Dover Pubns, 1980. – 441 p.

УДК 811.111'373

А. А. Мяховский

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ «НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются основные типы перцептивных характеристик. Приводятся сведения о распределении выявленных типов характеристик по уровням гиперо-гипонимической иерархии «названия животных».

К л ю ч е в ы е с л о в а: *перцепция, поведение, признак, гиперо-гипонимическая иерархия, распределение информации.*

В основе разных лексико-семантических групп (ЛСГ) могут лежать разные компоненты значения. Так, ядерными компонентами значения для ЛСГ названий животных являются такие характеристики, как среда обитания, размер, внешние особенности, поведение и отношение к человеку [1, р. 56]. В семантическом плане названия животных вызывают большой интерес, потому что зачастую они представляют собой целостные и потому трудно разложимые на составляющие перцептивные и поведенческие гештальты [2, р. 201], также ЛСГ «названия животных» крайне «густонаселенная», поскольку многие животные похожи внешне и имеют схожие функции [3, р.3116].

Актуальность данной работы состоит в том, что изучение ЛСГ «названия животных» редко учитывает внутреннее устройство самой ЛСГ, как правило, ограничиваясь выделением наиболее важных (ядерных) и второстепенных (периферийных) компонентов значения единиц в ее составе. Наша цель – выяснить, как распределена перцептивная информация – касающаяся внешнего вида животного и его поведения – внутри ЛСГ «названия животных», которая, как известно, имеет иерархическую гиперо-гипонимическую организацию [4]. В качестве источника материала, на основании которого мы построили соответствующую гиперо-гипонимическую иерархию, была выбрана одна из наиболее полных на сегодняшний день лексических баз английского языка – WordNet [5]. Основными методами, исследования стали метод дефиниционного анализа, дополненный количественными методами.

В результате была получена гиперо-гипонимическая иерархия, насчитывающая 13 уровней в глубину. На каждом из уровней мы выделили перцептивные характеристики, касающиеся внешнего вида и поведения животного. Анализ показал, что они весьма разнообразны:

- **размер:** животное может быть *giant* ‘огромное’, *large* ‘большое’, *medium-sized* ‘среднего размера’, *small* ‘маленькое’, *tiny* ‘крошечное’; **размер части тела:** *big-eared* ‘большеухий’, *small fins* ‘маленькие плавники’, *large-footed* ‘с большими лапами’;

- **форма тела:** тело животного может быть *segmented* ‘сегментированное’, *unsegmented* ‘несегментированное’, *cylindrical* ‘цилиндрическое’, *tapering* ‘конической формы’, *oval* ‘овальное’, *elongate* ‘удлиненное’, *flat* ‘плоское’; **форма части тела:** *round-headed* ‘круглоголовое’, *fan-like tail* ‘веерообразный хвост’, *fork-tailed* ‘вилохвостое’;

- **цвет:** *bright-coloured* ‘яркого цвета’, *black-and-white* ‘черно-белое’, *dull brown* ‘темно-коричневое’, *dark-striped* ‘в темную полоску’, *black-spotted* ‘с черными пятнами’, *speckled* ‘в крапинку’; **цвет части тела:** *white throat* ‘белое горлышко’, *bright blue breast* ‘ярко-синяя грудка’;

- **вес:** *heavy* ‘тяжелое’, *heavyweight* ‘с тяжелым весом’, *light* ‘легкое’, *lightweight* ‘с легким весом’, *may reach 400 pounds* ‘может достигать 440 фунтов веса’;

- **покров:** *feathered* ‘покрытое перьями’, *smooth-coated* ‘гладкошерстное’, *wiry-coated* ‘жесткошерстное’, *shelled* ‘в раковине’, *with scales* ‘с чешуей’, *scaleless* ‘бесчешуйное’; **покров части тела:** *feathered tail* ‘хвост, покрытый

перьями’, *crested head* ‘хохол на голове’, *shaggy mane* ‘лохматая грива’, *bushy tail* ‘пушистый хвост’, *tufted ears* ‘уши с кисточками’;

• **внешнее сходство с другими животными:** *wormlike* ‘червеобразное’, *eel-shaped* ‘по форме напоминает угря’, *resembles a lizard* ‘похожее на ящерицу’, *similar to the leopard* ‘похожее на леопарда’;

• **особенности локомоции:** *swims by moving pectoral fins* ‘плавает при помощи грудных плавников’, *capable of sustained flight* ‘способно к продолжительным перелетам’, *hovers* ‘парит, зависает’, *fast-running* ‘быстро бегает’, *wading* ‘ныряющее’, *leaping* ‘прыгающее’;

• **издаваемые звуки:** *producing a high-pitched drone* ‘пронзительно гудит’, *has a loud whistling cry* ‘громко свистит’, *noted for its melodious song* ‘отличается мелодичным пением’, *twitters* ‘щебечет’, *utters grunting sounds* ‘издает хрюкающие звуки’;

• **способы добычи пропитания:** *herbivore* ‘травоядное’, *carnivore* ‘плотоядное’, *insectivore* ‘насекомоядное’, *omnivore* ‘всеядное’, *ground-feeding* ‘кормится подножным кормом’, *feeds on roots* ‘питается корнями’, *feeds on wood* ‘питается древесиной’;

• **время активности:** *crepuscular* ‘активны в сумеречное время’, *nocturnal* ‘активны ночью’, *diurnal* ‘активны днем’;

• **социальное поведение:** *social* ‘социальное животное’, *hermit* ‘отшельник’, *lives in a colony* ‘живет в колонии’, *schooling fish* ‘стая рыба’, *swims in shoals* ‘плавает в косяке’, *hunt in packs* ‘охотится в стае’;

• **половое поведение:** *has elaborate courtship* ‘сложные ритуалы ухаживания’, *puffs chest* ‘раздувает грудь’, *builds ornamented structures resembling bowers in order to attract females* ‘строит сложные сооружения, напоминающие по виду беседки’;

• **забота о потомстве:** *builds a nest* ‘строит гнездо’, *broods eggs* ‘высиживает яйца’, *nests on cliffs* ‘гнездится на скалах’, *nourishes their young with milk* ‘вскармливает детенышей молоком’, *cares for the larvae* ‘заботится о личинках’.

Соотношение перечисленных типов признаков на уровнях гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» представлено в таблице:

		Уровень гиперо-гипонимической иерархии «Названия животных»												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Признак	размер		3		33	70	84	140	272	165	128	115	38	7
	форма		4	24	41	269	210	238	247	330	44	82	15	5
	цвет			2	8	284	74	182	322	129	128	107	37	
	вес				4	4	22		6	3		7	5	4
	покров		1	6	29	57	71	74	66	99	40	55	6	8
	сходство			4	4	36	21		120	74		434	4	9
	локомоция	1	3	2		31	35	18	16	8	11	21		
	звуки		1		1	10	14	10	71	19		7	1	
	пропитание		7	2	3	23	51	55	65	64	1	4	3	

Продолжение таблицы

	время активности					3	7		10	27		6		
	социальное поведение		1	2	4	18	42	164	12	8	15		3	
	половое поведение							10		5	4		6	
	забота о потомстве		1		13	14	19	18	27	15	5	2	7	

Из таблицы видно, что в распределении внешних характеристик животного более явно прослеживаются некоторые закономерности, а поведенческие характеристики распределены по уровням иерархии более хаотично. Например, число таких внешних признаков, как «размер», «форма», «цвет», «покров» **растет по мере приближения к центру иерархии**. В случае поведенческих характеристик данная тенденция не столь выражена, так как затрагивает лишь несколько типов характеристик: «социальное поведение», «забота о потомстве» и «добыча пропитания». Однако из собранных данных видно, что перцептивная информация, касающаяся внешнего вида, преобладает над поведенческой в гиперо-гипонимической иерархии «названий животных»: сумма перцептивных характеристик (5110) превосходит общее число поведенческих (1026) в пять раз. Это также подтверждает частотность разных типов признаков. Если расположить их по убыванию, то окажется, что почти все типы характеристик, касающиеся внешнего вида, находятся в начале списка: размер (1055), форма (1509), цвет (1273), внешнее сходство с другими животными (706), способ добычи пропитания (278), социальное поведение (269), особенности локомоции (146), издаваемые звуки (134), забота о потомстве (121), вес (55), время активности (53), половое поведение (25).

Проведенное исследование подтверждает статус ядерных компонентов значения названий животных за такими перцептивными характеристиками, как размер, внешние особенности и поведение. Кроме того, полученные результаты показали, что внешние перцептивные признаки более многочисленны и вариативны: они устойчиво встречаются на протяжении всех уровней иерархии, могут характеризовать как животное в целом, так и отдельные части его тела. Поведенческие характеристики, напротив, в большинстве своем не столь устойчивы: на разных уровнях иерархии они могут быть представлены в большей или меньшей степени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wierzbicka, A. Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma, 1985. – 368 p.*
2. *Atran, S. Origin of the Species and Genus Concepts: An Anthropological Perspective / S. Atran // Journal of the History of Biology. – 1987. – № 2. – P. 195–279.*

3. *Wiggert, A. Animate and inanimate objects in human visual cortex: Evidence for task-independent category effects / A. Wiggert, I. Pritchard, P. Downing // Neuropsychologia. – 2009. – № 47. – P. 3111–3117.*

4. *D’Andrade, R. Folk taxonomies / R. D’Andrade // The development of Cognitive Anthropology / R. D’Andrade. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – Chap. 5. – P. 92–121.*

5. *WordNet: a Lexical Database for English [Electronic resource] // Princeton University. – Mode of access: <https://wordnet.princeton.edu>. – Date of access: 10.09.2021.*

УДК 811.612.91’42

Т. М. Н. Нгуен

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛИЦО» ПРИ ВЫРАЖЕНИИ НЕСОГЛАСИЯ (на материале вьетнамского политического дискурса)

Выявляются основные стратегии вербального выражения несогласия во вьетнамском политическом дискурсе. Проводится анализ реализации концепта лицо при применении каждой из выявленных стратегий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лицо; ликоугрожающий речевой акт; теория вежливости; вьетнамская лингвокультура; несогласие.

К числу ликоугрожающих речевых актов (далее – ЛРА) П. Браун и С. Левинсон, среди прочих, отнесли несогласие, поскольку, по их мнению, данный речевой акт создает потенциальную угрозу позитивному лицу, что означает для говорящего риск потери одобрения и положительной оценки со стороны собеседника [1]. При выражении несогласия как ЛРА говорящий обычно прибегает к различным стратегиям смягчения или устранения угрозы лицу. Такого же мнения придерживался Дж. Лич, выдвинувший в рамках своего принципа вежливости максимум согласия, акцентирующую внимание на избегании несогласия и поддержании взаимного согласия [2].

Однако по мнению исследователей, занимающихся конверсационным анализом, несогласия стоит избегать только в том случае, когда оно является реакцией на суждение или оценку собеседника. В таком случае несогласие представляет собой ЛРА и неpreferred второй ход (dispreferred second turn). Обратное имеет быть, когда говорящий отвечает несогласием на речевой акт собеседника, создавший угрозу его собственному лицу [3]. Здесь несогласие не является ЛРА, оно, наоборот, помогает сохранить лицо собеседника, например, при совершенном им акте самоуничтожения.

В настоящем исследовании мы намерены изучить реализацию концепта «лицо» при выражении несогласия с суждением или оценкой собеседника во вьетнамской лингвокультуре, выявив наиболее часто используемые вьетнам-

цами вербальные способы выражения несогласия. Исследование проведено на материале политических дискуссий депутатов Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам, зафиксированных в видеозаписях их собраний (общая длительность около 120 часов). В результате анализа было выявлено около 60 коммуникативных ситуаций, в которых применялись 3 основные стратегии выражения несогласия с суждением или оценкой собеседника (см. Таблица 1).

Таблица 1. Стратегии выражения несогласия во вьетнамском политическом дискурсе и частота их применения

Стратегия выражения несогласия	Прямое выражение несогласия	Ослабление несогласия	Усиление несогласия
Частота применения (%)	5,1	61,5	33,4

Наиболее часто для выражения несогласия с суждением или оценкой собеседника вьетнамские политики применяют стратегию ослабления несогласия, которая может вербально реализоваться конкретными способами смягчения пропозиции, такими как символическое согласие, перефразирование, уважительные формы обращения и др. Кроме того, выражая несогласие с собеседником, вьетнамские политики зачастую прибегают к косвенному речевому акту, когда «один иллокутивный акт осуществляется косвенно посредством осуществления другого» [4, р. 60]. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что наиболее распространенным во вьетнамском политическом дискурсе способом косвенного выражения несогласия со смягчением является выдвижение предложений (11,8 %). Вместо слова «нет» или перформативов, выражающих несогласие, говорящий использует директивы, содержащие предложение или призыв предпринять действия, которые бы помогли разрешить разногласия. В таких директивах довольно часто встречается инклюзивное местоимение первого лица «мы» (*chúng ta*), например, выражая несогласие с депутатом А по поводу точности формулировок в Проекте постановления Национального Собрания о социально-экономическом развитии в период 2021–2026 гг., депутат Б говорит:

Nếu chỉ nói «nhiệm vụ bảo vệ toàn vẹn lãnh thổ» thì chưa đủ, còn thiếu... Vùng đặc quyền kinh tế và thềm lục địa là những vùng không phải lãnh thổ nhưng Việt Nam có quyền tài phán và quyền chủ quyền, và chúng ta phải có nhiệm vụ bảo vệ quyền tài phán và quyền chủ quyền đó. ‘Формулировка «задача защиты территориальной целостности» не полная... Исключительная экономическая зона и континентальный шельф не относятся к территории, но у Вьетнама есть над ними юрисдикция и суверенные права, и мы обязаны защищать эту юрисдикцию и суверенные права’.

Частота применения стратегии ослабления несогласия свидетельствует о том, что представители вьетнамской лингвокультуры рассматривают несогласие с суждением или оценкой собеседника как ЛРА, которого следует из-

бегать для сохранения лица. С одной стороны, смягчая несогласие определенными вербальными средствами, участник коммуникации не умалчивает свое несогласие, а все же выражает его, т.е. сохраняет собственную свободу суждений, собственное негативное лицо. С другой стороны, избегая прямого несогласия или его усиления, говорящий пытается снизить вероятность потери позитивного лица, т.е. одобрения и положительной оценки со стороны других участников коммуникации. Более того, применяя стратегию ослабления несогласия, говорящий стремится сохранить не только свое лицо, но и лицо собеседника и коллектива в целом, ведь лицо во вьетнамской культуре является общим достоянием индивида и коллектива [5, p. 262]. Иначе говоря, при выражении несогласия говорящий не может поставить под угрозу лицо другого участника коммуникации, так как это чревато потерей лица самого говорящего, его собеседника, а также всего коллектива, к которому они относятся.

Хотя стратегии прямого выражения несогласия или его усиления (с помощью таких вербальных средств, как риторический вопрос, порицание и др.) применяются почти в два раза реже по сравнению с ослаблением несогласия, нельзя не отметить довольно значительную частоту их применения, которая в общей сумме составляет 38,5 %. Мы склонны объяснять это тем, что выражение несогласия без его смягчения все равно может сохранять лицо и быть политичным/адекватным. Политичное/адекватное (*politic/appropriate*) поведение может быть и невежливым (*non-polite*). При этом невежливое (*non-polite*) речевое поведение характеризуется отсутствием маркеров вежливости и отличается от грубого, неполитичного (*impolite, non-politic*) поведения тем, что оно не наносит урон лицу участников коммуникации [6, p. 12]. Однако мы также допускаем, что в ряде коммуникативных ситуаций прямое выражение или усиление несогласия обусловлено тем, что сохранение лица не входило в число приоритетных коммуникативных целей говорящего.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что для представителей вьетнамской лингвокультуры несогласие с суждением или оценкой собеседника представляет собой ЛРА. Хотя в большинстве коммуникативных ситуаций, требующих выражения несогласия, вьетнамцы склонны его смягчать с целью сохранения лица, несогласие все же может быть выражено прямо или даже с применением усиливающих вербальных средств, что не всегда подвергает угрозе лицо участников коммуникации. Также следует отметить, что в настоящем исследовании нами были проанализированы только отдельные вербальные средства выражения несогласия, что требует дальнейшего изучения их сочетания друг с другом и с другими невербальными элементами для более полного раскрытия вопроса реализации концепта лица в рамках указанного речевого акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown, P. Politeness : Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. C. Levinson. – New York : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.*

2. *Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 264 p.*

3. *Pomerantz, A. Agreeing and disagreeing with assessments : Some features of preferred/ dispreferred turn shaped / A. Pomerantz // Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis / M. Atkinson J. Heritage (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 57–101.*

4. *Searle, J. R. Indirect Speech Acts / J. R. Searle // Syntax and Semantics. – 1975. – № 3. – P. 59–83.*

5. *Pham, T. H. N. Khám phá Khái niệm Thể diện trong Tiếng Việt: Bằng chứng từ Kết hợp từ / T. H. N. Pham // Electronic Journal of Foreign Language Teaching. – 2007. – № 4 (2). – P. 257–266.*

6. *Locher, M. A. Politeness theory and relational work / M. A. Locher, R. J. Watts // Journal of politeness research. – 2005. – № 1. – P. 9–33.*

УДК 811.133.1'36'37

Ю. В. Овсейчик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

О ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЕДИНИЦЫ *donc* В ДИАХРОНИИ

Рассматривается совмещение темпоральности и каузальности в семантике единицы *donc*, сохраняющей полифункциональность в широкой диахронической перспективе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *сочинительный союз; частица; темпоральность; каузальность; корпусные данные; диахрония.*

Исследование посвящено французской единице *donc* ‘поэтому, же, итак, следовательно’, статус которой до сих пор остается спорным по причине ее синтаксической мобильности. В современном французском языке лексема *donc*, в интерпретации П. Шародо «привилегированный» показатель следствия [1], одновременно функционирует как сочинительный союз и как частица.

Сопоставляются схожие синтаксические контексты, в которых единица *donc* используется в роли частицы после глагола в императиве и в роли сочинительного союза между двумя самостоятельными предложениями, на двух временных срезах: XI–XVI вв. (период до формирования национального языка) и XVII–н/в. (период национального языка). Используются данные Национального корпуса французского языка Frantext, в котором представлено более 5 500 оцифрованных разножанровых документов, датированных с XI в. по настоящее время [2].

Отмечается четырехкратное увеличение частотности лексемы *donc* на один миллион словоупотреблений в подкорпусах старофранцузского (1100–1299 гг.) и современного языков (1980–н/в). Ср.: 340 vs. 1 442 соответственно.

Согласно лексикографическим источникам [3, 4], переход от выражения лексемой *donc* одновременности к обозначению каузальности (temporal > causative в теории грамматикализации [5]) занимает промежуток времени в двести лет, с 980 г. (первая письменная фиксация в темпоральном значении) по 1175 г. (первая письменная фиксация в каузальном значении).

Демонстрируется, что изначально свойственный единице *donc* семантический синкретизм – обозначения следствия и текущего момента – сохраняется в ряде контекстов на протяжении исторического развития французского языка. При этом семантическое соответствие между *donc*_{союз} и *donc*_{частица} (см. [6, с.254]) остается неизменным с раннего периода развития языка.

В роли усилительной частицы лексема сигнализирует о том, что между двумя высказываниями существует отношение обусловленности в текущий момент. Ср.: – *Et oseriez vous anprendre / Por moi ma fontaine a deffandre? – Oil voir, dame, vers toz homes – Sachiez donc* [=donc_{частица}] *bien qu'acordé some* 'И осмелились бы вы ради меня защищать мой источник? – Да, сударыня, от всех людей. – Знайте же (тогда), что мы договорились' (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1235 [FR]); – *Vous êtes jolie, mademoiselle, dînez donc* [=donc_{частица}] *avec moi ce soir* 'Вы хорошенькая, мадемуазель, пообедайте же (тогда) со мной сегодня вечером' (M. Rheims. Les Greniers de Sienne, 1987 [FR]).

В роли сочинительного союза лексема свойственно обозначать следствие темпоральное при иконическом порядке следования явлений или событий реального мира, которые говорящий наблюдает непосредственно и осознаёт как «естественные», закономерные с точки зрения его чувственного опыта. Между P₁ и P₂ существует такого рода отношение, которое означает 'если есть P₁, то обычно следует P₂'. Ср.: *...il commanda que ilz feussent tres bien gardez et que on les feïst mengier a table. Donc* [=donc_{союз}] *s'assirent les messages au disner* '...он приказал, чтобы за ними ухаживали и чтобы они были приглашены к столу. Поэтому (тогда) сели посланники ужинать' (Bérinus. Roman en prose du XIVe siècle, 1350 [FR] *Hector devait être encore enfermé; donc* [=donc_{союз}] *je suis montée par le petit escalier* 'Гектор все еще был закрыт в комнате; и (тогда) я поднялся по маленькой лестнице' (M. Aymé. Clérambard, 1950 [FR]).

Выявляются контексты с исследуемой лексемой в роли союза, в которых проявляется ее темпоральное значение. При неиконическом порядке следования компонентов в них одновременно функционируют два сочинительных союза с противоположной семантикой: *donc* P_{следствие} *car* P_{причина}. Ср.: *...doncques avra il la teste copee, quar il m'a mon pere occis* 'поэтому голова его будет отрублена, потому что он убил моего отца' (Anonyme. Artus de Bretagne, 1305 [FR]); *...donc on est mal instruit; car il n'a révélé ce secret qu'à moi qui vous le confie* 'Поэтому мы плохо воспитаны; потому что я доверяю тебе тайну, которую он раскрыл только мне (букв.)' (N. Lemerrier. Pinto ou la Journée d'une conspiration, 1800 [FR]).

Устанавливается, что одновременное использование двух единиц в одном высказывании не является ни избыточным, ни неприемлемым, о чем свидетельствуют *большие* по объему контексты, в которых единица *donc* отсылает к ранее изложенному. При соединении двух частей сложного предложения единица *donc* обнаруживает семантический синкретизм: она совмещает каузальное значение (= *par conséquent* ‘следовательно’) и темпоральное (= *alors* ‘тогда’). Ср.: *Et les lieux qui sont pres des palus et des estangs, ou qui sont en pays concavé, ou qui ont leur regard vers midy, ou vers occident, sont mauvais, et maladifz. Donc il fault edifier les maisons en lieux qui soyent bien haultz, car tel lieu, tant pour la veuë, que pour regarder le pays à l’entour, est grandement convenable* ‘И места, которые находятся возле болот и прудов, или которые находятся в вогнутой местности, или которые обращены взглядом к полудню или к западу, плохи и нездоровы. Поэтому (тогда) необходимо строить дома на возвышенностях, потому что такое место как для обзора, так и для осмотра окрестностей очень подходит’ (A. Pierre. Les XX. livres de Constantin Cesar, 1543 [FR]); *La duchesse d’Agen, <...> s’en va, quand Mlle Meyer revient à l’Albéniz, donc elle est bête car rien, que l’amour, ne m’enlèverait à Meyer ce soir* ‘Герцогиня Аженская, <...> уезжает, когда мадемуазель Мейер возвращается в Альбенис, поэтому (тогда) она глупа, потому что сегодня вечером только любовь может увести меня от Мейер’ (C. Pozzi. Journal..., 1997 [FR]).

Таким образом, в контекстах с лексемой *donc* наблюдается своеобразное переплетение, совмещение, различных хронологических и логических связей. Исходное темпоральное значение обуславливает употребление единицы *donc* при установлении связи фактивного характера между наблюдаемыми внеязыковыми ситуациями. При этом сохраняется изначальное семантическое соответствие между *donc*_{союз} и *donc*_{частица}, которые различаются дистрибуцией: союз находится в инициальной позиции сочиненного компонента, частица следует за глаголом в императиве. Совмещение темпоральности и каузальности в семантике единицы *donc* и в роли союза, и в роли частицы обуславливает сохраняющийся полифункциональный статус единицы и, соответственно, ее большую употребительность в отличие от французских каузальных сочинительных союзов *car* и *or*, которые утрачивают полифункциональный характер и темпоральную сему в ходе исторического развития языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Charaudeau, P. Grammaire du sens et de l’expression / P. Charaudeau. – Paris : Hachette Éducation, 1992. – 927 p.
2. Frantext. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frantext.fr>. – Дата доступа: 15.08.2022.
3. Centre National des ressources textuelles et lexicales [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cnrtl.fr>. – Date of access: 05.08.2022.

4. *Dubois, J. Dictionnaire étymologique / J. Dubois, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.*

5. *Kuteva, T. World Lexicon of Grammaticalization / T. Kuteva, B. Heine. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2019. – 632 p.*

6. *Сабанеева, М. К. Историческая грамматика французского языка / М. К. Сабанеева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 272 с.*

УДК 811.112.2'37

Ю. И. Петракова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ДЕРИВАЦИОННАЯ САЛИЕНТНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ

(на материале наименований частей тела в немецком языке)

В исследовании устанавливается функциональная значимость пространственных признаков в словообразовании и семантической деривации; выявляется общность и специфика актуализации пространственных признаков в указанных номинативных процессах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинация; словообразование; семантическая деривация; производящая единица; семантический признак.

Почти все виды человеческой деятельности так или иначе «встроены» в пространство, и человек осваивает окружающий мир сквозь призму пространственных понятий [1; 2 и мн. др.]. Центральное положение пространственного опыта ставит вопрос о роли соответствующих характеристик объектов при поиске и выборе имени. Выделяя те или иные параметры познаваемой сущности, именующий субъект стремится соотнести новое знание с уже известной информацией. Именно поэтому в процессе номинации важная роль отводится словообразованию и семантической деривации как языковым приемам, благодаря которым носитель языка закрепляет взаимосвязи между уже известными и новыми сущностями и в результате порождает мотивированные наименования. Настоящее исследование посвящено выявлению деривационной салиентности, или значимости, пространственных признаков, используемых как основания смысловой связи между производящими и производными единицами в двух номинативных процессах – словообразовании и семантической деривации.

К пространственным характеристикам объекта традиционно относят его форму, размер, ориентацию (расположение в трехмерном пространстве), локализацию (положение относительно других объектов), направление движения, конституитивность (отношение частей и целого) и др. [подробнее см. 3, S. 27–35; 4].

На материале наименований частей тела немецкого языка, используемых в качестве производящих баз в словообразовании и семантической деривации, была выявлена разная значимость пространственной информации для указанных номинативных процессов. Так, семантическая деривация профилирует пространственные признаки домена-источника при образовании 227 наименований, что составляет 84 % от общего числа вторичных значений, в то время как в словообразовании данные признаки эксплицируются во внутренней форме 1392 единиц, или 55 % от всех словообразовательных производных. Варьирует и востребованность отдельных пространственных характеристик, выступающих в качестве оснований связей в исследуемых процессах вторичной номинации

Наименования частей тела, участвуя в словообразовании, в большинстве случаев (63,4 %) служат производящими базами для номинации объектов, контактирующих с той или иной частью тела, и выступают, таким образом, в роли релятума, локализуя объект – цель номинации: *der Finger* ‘палец’ > *der Fingerling* ‘напальчник’; *das Haar* ‘волосы’ > *der Haarling* ‘волосыная вошь’. Семантический компонент ‘конститутивность’ используется в словообразовании для номинации составных частей исходного объекта (части тела), составляющих 33 % от общего количества словообразовательных производных: *das Auge* ‘глаз’ > *der Augapfel* ‘глазное яблоко’; *der Zahn* ‘зуб’ > *die Zahnwurzel* ‘корень зуба’. Остальные семантические компоненты – ‘размер’ (1), ‘форма’ (2) и ‘ориентация’ (3) актуализируются при порождении небольшого количества наименований: 1) *das Haar* ‘волосы на коже человека и животного’ > *das Haargefäß* ‘капилляр (тонкий, как волос)’; 2) *die Niere* ‘почка’ > *die Eisenniere* ‘почковидный гематит’; 3) *der Flügel* ‘крыло’ > *der Nasenflügel* ‘крыло носа’.

В семантической деривации наибольшую выделенность получает компонент ‘конститутивность’ (деривационная частотность составляет 74 %), причем, в отличие от словообразования, исходный концепт осмысливается не как нечто членимое, а как часть целого, что позволяет порождать наименования других объектов-частей: *das Glied* 1. ‘член тела, конечность’ > 2. ‘часть целого’. Как правило, данный семантический компонент актуализируется в комбинации с другими, в том числе пространственными, компонентами значения производящей базы: ‘конститутивность’ + ‘ориентация’: *der Fuß* 1. ‘стопа’ > 6. ‘основание, нижняя часть чего-либо’; ‘конститутивность’ + ‘форма’: *der Arm* 1. ‘рука’ > 2. ‘рукав, вытянутая, продолговатая часть предмета’; ‘конститутивность’ + ‘локализация’: *der Finger* 1. ‘палец’ > 2. ‘палец перчатки’. Следующие по частотности семантические компоненты ‘форма’ (1), ‘ориентация’ (2) и ‘локализация’ (3) могут использоваться не только в комбинации с компонентом ‘конститутивность’, но и самостоятельно: 1) *der Buckel* 1. ‘горб’ > 2. ‘холм, возвышенность’, *der Knochen* 1. ‘кость’ > 6. ‘гаечный ключ’; 2) *der Flügel* 1. ‘крыло’ > 8. ‘флигель’, *der Scheitel*

1. 'темя' > 3. 'зенит'; 3) *das Herz* 1. 'сердце' > 3. 'чувства'. Такая характеристика, как размер, характеризуется низкой востребованностью в семантической деривации наименований частей тела и служит в качестве когнитивной опоры при порождении лишь двух единиц: *die Elle* 1. 'локтевая кость' > 'локоть (мера длины, равная 55 – 85 см)', *der Fuß* 1. 'стопа' > 4. 'фут (мера длины, равная 30 см)'.

В результате исследования было установлено, что профилирование пространственных характеристик исходных концептов характеризуется более высокой значимостью для семантической деривации, чем для словообразования. Вероятно, это можно объяснить тем, что пространственные характеристики частей тела, как правило, выступают в роли *tertium comparationis*, что совершенно естественно: познавая окружающий мир, человек устанавливает сходство между новыми и уже знакомыми денотатами, и части тела выступают удобным и доступным «мерилом» [5, с. 702]. Номинация на основе сходства, реализуемая посредством метафоры, более характерна для семантической деривации, что и объясняет высокую частотность профилирования пространственных признаков в данном номинативном процессе.

Что касается конкретных пространственных характеристик, то их востребованность в словообразовании и семантической деривации совпадает лишь отчасти. Можно предположить, что одни пространственные признаки более «приспособлены» для порождения наименований посредством семантической деривации, в то время как использование других чаще наблюдается в словообразовании. Указанная корреляция, вероятно, объясняется преимущественной реализацией отношений подобия в семантической деривации и отношений смежности в словообразовании. Таким образом, благодаря способности эксплицитно профилировать пространственную семантику исходных концептов «с разных сторон», словообразование и семантическая деривация используются именуемым субъектом для объективации разных структур знания об именуемых объектах и, как следствие, реализации разных ономаσιологических заданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Talmy, L. How language structures space / L. Talmy // Spatial Orientation. Theory, research and application / ed. by H. L. Pick, L. P. Acredolo. – New York, 1983. – P. 225–282.*
2. *Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.*
3. *Weiß, P. Raumrelationen und Objekt-Regionen : psycholinguistische Überlegungen zur Bildung lokalisationspezifischer Teilräume / P. Weiß. – Wiesbaden : Dt. Univ.-Verl., 2005. – 256 S.*

4. Habel, C. Abstrakte Räumlichkeit in der Kognition / C. Habel, C. Eschenbach // Kognitionswissenschaft. – 1995. – № 4. – S. 171–176.

5. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 763 с.

УДК 811.112.2'37

А. В. Сытько

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

АЛЕТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ДЕОНТИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ (на материале немецкого и русского языков)

Рассматриваются семантические характеристики деонтического высказывания. Представлены семантические виды деонтических высказываний с позиции взаимодействия деонтики с алетической семантикой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *деонтическое высказывание, алетическая семантика, презумптивный компонент, модальный/полимодальный/деонтический маркер.*

Природа деонтической модальности является предметом постоянных лингвистических дискуссий в работах исследователей различных школ и направлений. Признание главенствующей роли значения ведет к поиску ответов о семантических характеристиках такого сложного лингвистического феномена, как деонтическое высказывание, в частности, о взаимодействии в нем алетической и деонтической семантики. В данной работе этот вопрос рассмотрен с привлечением материала русского и немецкого языков.

Деонтическая модальность взаимосвязана с алетической органически, базируясь на ней, что проявляется в оценке объективных возможностей выполнения действия, оценке осуществимости действия с точки зрения способности деонтического субъекта его исполнить. Необходимость имплицитно подразумевает возможность, поскольку необходимое действие должно быть логически и физически возможным: невозможно сделать то, что противоречит законам логики или природы и то, что субъект не в состоянии или не способен выполнить (подробнее см. работы И. Б. Шатуновского, Т. В. Булыгиной, Е. В. Падучевой), ср.: *ты должен выпить всю воду из реки.*

Алетическая семантика является презумптивным компонентом любого деонтического высказывания (*субъект способен, в состоянии выполнить действие P, которое является необходимым*). При этом алетический компонент может быть выраженным в семантике деонтического высказывания. В результате мы получаем два типа высказываний: собственно и несобственно деонтические.

1. Собственно деонтические высказывания, выражающие обязательность, с формальной и семантической точки зрения можно подразделить на следующие виды:

а) утвердительные высказывания о необходимости: *ты должен выучить стих* (предполагается, что адресат в состоянии выучить стих);

б) высказывания с ядерными деонтическими лексемами и отрицанием смыслового инфинитива, выражающие обязательность неосуществления действия: *ты не должен грубить маме = ты должен не грубить маме* (подразумевается возможность грубого общения, т.е. предполагается возможность нарушения нормы);

в) запретительные высказывания с отрицанием маркера, свидетельствующие о непредоставлении возможности: *ты не можешь свистеть на уроке* и сообщающие, что действие не отвечает правилам или нормам (*не может, нельзя делать P = должен не делать P/не должно, не следует делать P (неправильно, не принято, недопустимо)*); в русском языке такие высказывания содержат полимодальные маркеры (единицы, используемые для выражения как алетической, так и деонтической модальности) *нельзя, не могу*; в немецком языке модальный глагол *dürfen*, а также деонтические лексемы со словообразовательным отрицанием (приставкой *un-*) *unberechtigt sein* 'быть не вправе, быть неуполномоченным', *unzulässig sein* 'быть недозволенным, неразрешенным': *so etwas darf man/darfst du nicht sagen* 'такое нельзя говорить';

г) высказывания о категорической необходимости, содержащие полимодальные лексемы с двойным отрицанием: *ты не можешь не сказать правду*, которое «нейтрализует» их алетическое значение (*нельзя не, не могу не = обязательно следует, надо, совершенно необходимо, обязан*); такое языковое оформление позволяет интенсифицировать деонтическую семантику, сделать высказывание более категоричным.

2. Несобственно, или не «чисто» деонтические высказывания демонстрируют смещение семантики в зону необязательности, пограничную с алетической модальностью, что обуславливает возможность противопоставления в них алетической и деонтической семантики (*можно, но не нужно*). Здесь выделяются два вида высказываний, а именно: утвердительные и отрицательные.

2а. В деонтических высказываниях с ядерными деонтическими предикатами (прежде всего, категорическим *обязан, обязательно*) благодаря отрицанию, относящемуся к модальному предикату, образуется дизъюнкция альтернатив и происходит переключение в зону алетики: *ты не обязан объяснять = можешь не делать (не необходимо делать P = возможно P, возможно не P)*. В немецком языке «усилителями» категоричности отрицаемого модального предиката *müssen* являются наречия *zwangsläufig, unbedingt* 'неизбежно, обязательно' и их синонимы: *ich muss mich jetzt nicht unbedingt melden* 'мне сейчас не нужно отчитываться'.

2б. Утвердительные несобственно деонтические высказывания имеют разрешительную семантику и сообщают о предоставлении возможности на основании нормы, авторитета: *по закону я могу, я имею право здесь сидеть*. Необязательность в них очевидна при трансформационном анализе: *могу делать P, но не должен*. Такое смещение в зону алетики возникает благодаря семантическому компоненту деонтического высказывания, а именно деонтическому источнику, т. е. указанию на объективное условие (на норму или

правило), на основании которого действие возможно. В подобных высказываниях используются полимодальные лексемы (*могу/можно/может, können*), а также ядерные маркеры деонтической возможности (*иметь право, быть вправе/dürfen, das Recht haben; berechtigt sein Berechtigung zu etw. haben*).

Таким образом, различное присутствие алетики в семантике деонтического высказывания позволяет формировать разнообразные деонтические смыслы, что носит универсальный характер в европейских языках. Особую роль в увеличении роли алетического компонента в семантике высказывания играет отрицание.

УДК 811.581'37

Тун Чао

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В КИТАЙСКОЙ КВАНТИТАТИВНОЙ МЕТАФОРЕ

Путем анализа метафорических конструкций китайского языка, функционирующих для обозначения дискретного и недискретного количества, определяются общезыковые свойства, а также национально обусловленные особенности порождения конструкций типа *一丝希望* 'луч надежды' в китайском языке, выявленные характеристики сопоставляются с близкими по семантике сочетаниями в русском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантика; метафора; количество; китайский язык.*

Категория количества, тесно связанная в китайской лингвистике, прежде всего, с механизмами познания и понимания объективной действительности, широко представлена в языковой системе и не раз становилась предметом пристального внимания синологов [1; 2; 3; 4]. Квантификатор, понимаемый как средство обозначения количества, рассматривается в китайском языке в качестве отдельной грамматической категории, средствами выражения которой являются следующие типы единиц.

- 1) **个体量词** Индивидуальные квантификаторы.
- 2) **非个体量词** Неиндивидуальные квантификаторы.
- 3) **名量词** Квантификаторы, сочетающиеся с именами существительными, выражающие единичность.
- 4) **动量词** Квантификаторы, сочетающиеся с глаголами.
- 5) **表数名量词** Квантификатор-числительное.
- 6) **表量名量词** Квантификатор-существительное.
- 7) **表性名量词** Квантификатор-существительное, выражающее тип или класс имени.

- 8) 定数量词 Квантификатор определенного количества.
- 9) 约数量词 Квантификатор приблизительного количества.
- 10) 定量量词 Квантификатор точного количества.

Представленная классификация, с одной стороны, отражает разнородность способов описания числа как дискретных, так и недискретных сущностей в китайском языке, с другой стороны, мы видим как общеязыковые, так и специфические средства номинации количества, которыми пользуются носители китайского языка. Несмотря на то, что лексико-грамматическое деление китайских обозначений общепризнанно не является удобным способом их описания, китайские лингвисты все же активно пользуются частеречной терминологией для сопоставления набора языковых средств обозначения количества в русском и китайском языках [5; 6]. Так, например, отмечается, что в отличие от китайского языка в русском языке большинство квантификаторов используется в форме существительных (ср. счетные слова), например, 一杯咖啡 (один стакан кофе), 一瓶水 (одна бутылка воды). При этом синологи утверждают, что подобие онтологии вещи является общеязыковым основанием выбора квантификатора и для китайского языка, например, 一叶小舟 'одна лодка'. Лодка издавна похожа на лист, это обуславливает выбор данного квантора для описания количества лодок. Не останавливаясь подробно на вопросе о статусе данных единиц в разных языках, отметим, что набор подсеммы, включающей метафорические средства выражения количества разного типа, как показал наш анализ, разный в русском и китайском языках (132 и 112 единиц). Китайские метафорические кванторы включают, например, 显性喻量词, а также 隐性喻量词 (一本多喻, 一喻多本) и 一喻多本. Большинство квантификаторов в китайском языке выражают определенную точную форму предмета, но иногда метафорические квантификаторы могут нарушать это «соглашение», например, мы можем сказать 一丝希望 'луч надежды', 一缕清香 'луч аромата' и др.

Таким образом, функционирование квантификаторов китайского языка в качестве метафорических средств обозначения дискретного и недискретного количества имеет свои, обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами, особенности, заключающиеся в особых аналогиях и подобиях, лежащих в основе номинации, где высокой релевантностью обладает форма как базовый атрибут объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. 现代汉语词汇/符准清. 第2版 (增订版). — 北京: 北京大学出版社, 2004. — 254 页 = Фу, Чжуньцин. Лексика современного китайского языка / Чжуньцин Фу. — Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2004. — 254 с.

2. 曹炜, 现代汉语词义学 (修订本)。—广州: 暨南大学出版社, 2009。—323页 = Цао, Вэй. Семантика современного китайского языка / Вэй Цао。—Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского ун-та, 2009。—323 с.
3. 张世禄, 普通话词汇。上海, 1957, 72页 (Чжан, Шилу. Лексика пунхуа / Шилу Чжан。—Шанхай, 1957。—72 с.
4. 张寿康, 构词法和构形法, 湖北人民出版社, 1982。96页 = Чжан, Шоукан. Словообразование и формобразование / Шоукан Чжан。—Хубэй, 1981。—96 с.
5. 许磊, 临时名量词的认知语言学研究 = Сю, Лэй. Когнитивное исследование счетных слов современного китайского языка [Электронный ресурс] / Лэй Сю。—Режим доступа: <http://xuewen.cnki.net/CMFD-2006124562.nh.html>。—Дата доступа: 02.02.2022.
6. 许高渝, 《俄汉语词汇对比研究》, 杭州大学出版社, 1997。281页 = Сюй, Гаоюй. Сопоставительное исследование лексикологии русского и китайского языков / Гаоюй Сюй。—Ханьчжоу: Изд-во Ханчжоунского ун-та, 1997。—281 с.

УДК 811.112.2'23'37

А. И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТИ *TREUE* 'ВЕРНОСТЬ' В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматривается содержание ценности *Treue* 'верность' в немецкой лингвокультуре. В качестве основного метода исследования используется свободный ассоциативный эксперимент.

Ключевые слова: *ценность, лингвокультура, свободный ассоциативный эксперимент, анализ дефиниций толковых словарей, динамика ценностей.*

На сегодняшний день актуальны лингвистические междисциплинарные исследования, так как в условиях антропоцентрической парадигмы в центре внимания ученых находится человек, окружающая его среда и особенности их взаимодействия. Одним из аспектов лингвокультурологических исследований является изучение элементов языка, поскольку «каждое языковое сообщество пользуется своим специфичным инструментом образования понятий – языком, формирует различные модели мира как основы национальных культур» [1, с. 20].

Ценности являются объектом исследования различных гуманитарных наук: культурологии, истории, лингвистики, антропологии, социологии,

лингвокультурологии и др. Причем предмет исследования варьируется в зависимости от того, под каким углом эти ценности изучаются. Мы понимаем под ценностями жизненные установки и идеалы, которые члены этноса считают важными для себя и своего народа. С одной стороны, считается, что система ценностей устойчива, так как именно она является основой для общества и выполняет в том числе консолидирующую функцию. С другой стороны, она динамична и подвержена влиянию различных экстралингвистических факторов. Для нас важно, что все содержание ценностей обязательно репрезентируется в языке.

В данном исследовании предпринимается попытка изучения содержания ценности *Treue* 'верность'. Для исследования ценности *Treue* 'верность' мы обращаемся к данным толковых словарей [2; 3; 4; 5], чтобы установить инвариантное значение лексемы, обозначающей одноименную ценность, а также сопоставляем полученные данные с результатами свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет в 2022 г. в формате google-анкет.

Дефиниции, приведенные в толковых словарях разных лет, свидетельствуют о том, что содержание слова *Treue* 'верность' остается стабильным. Прежде всего, *Treue* 'верность' – это «постоянство и надежность в близких отношениях с кем-либо, с чем-либо, состояние верности». Поэтому для установления возможной динамики ценности *Treue* 'верность', обозначенной одноименной лексемой, обратимся к результатам свободного ассоциативного эксперимента. Поскольку в свободном ассоциативном эксперименте на характер и количество реакций не ставится никаких ограничений, это позволяет выявлять реально функционирующие смыслы, репрезентированные исследуемыми словами, не зафиксированные лексикографическими источниками и не представленными в составе корпусов языка.

На слово-стимул *Treue* 'верность' последовало 200 реакций, которые мы разделили в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой на реакции-понятия, реакции-представления, эмоционально-оценочные, формальные и культурные реакции [6, с. 137].

Понятийные реакции на слово-стимул *Treue* 'верность' представлены незначительным количеством (1 % от общего количества реакций). Это связано с тем, что респонденты воспринимают исследуемую ценность как таковую, а не просто как определенное понятие, не наполненное эмоциональным содержанием.

Значительное количество реакций-представлений позволяет выделить также дополнительные признаки 'верность во взаимоотношениях', 'верность как ценность', 'символ верности', 'верность Родине', 'срок верности', 'цена верности', 'верность как основа отношений'. Наибольшее количество

реакций позволяют выделить дополнительный признак ‘верность во взаимоотношениях’, который представлен 105 реакциями (52,5 % от общего количества реакций). При этом наиболее ярко представлен признак ‘верность во взаимоотношениях между любимыми’. Респонденты полагают, что верность является основой любви, брака, любых взаимоотношений в целом. Людям необходимо ощущать верность со стороны своего партнера.

Как и отношения между партнерами, дружеские отношения также строятся на основе верности. Крепкая дружба невозможна без верности и преданности, без умения принимать, прощать и помогать друг другу в любых ситуациях. Если верность взаимная, то люди могут оставаться друзьями долгие годы.

3,5 % реакций связаны с верностью во взаимоотношениях между коллегами и партнерами, что также указывает на то, что верность – основа рабочих отношений.

26,5 % от общего количества реакций указывают на то, что респонденты воспринимают *Treue* ‘верность’ как значимую ценность, одну из наиболее важных для общества.

14,5 % респондентов называют в качестве реакции собаку. Собака является символом верной дружбы, отзывчивости и преданности. Также она является охранным талисманом для своего обладателя.

Как уже было отмечено на основе других дополнительных признаков, *Treue* ‘верность’ является основой для межлических отношений.

Таким образом, отметим, что содержание ценности *Treue* ‘верность’ остается стабильным и сходно с дефинициями толковых словарей. Такая стабильность в содержании ценности может отчасти свидетельствовать об определенной стабильности в обществе, прежде всего ввиду того, что ценности являются основой человеческих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пищальникова, В. А. Этнопсихоллингвистика : учеб. пособие / В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова. – М.: Проспект, 2020. – Ч. 1 : Этническая идентичность. – 112 с.
2. DUDEN. Universalwörterbuch. – URL: <https://www.duden.de/rechtshreibung/Familie> (дата обращения: 11.06.2022).
3. DUDEN. Das Bedeutungswörterbuch. – Mannheim : Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2002. – 1103 S.
4. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh. – München : Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 1986. – 1493 S.
5. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – URL: <https://www.dws.de/wb/Familie#etymwb-1> (дата обращения: 11.06.2022).

6. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики / В. А. Пищальникова. – М. : Р. Валент, 2021. – 488 с.

УДК 811.111'37

И. Г. Цеханович

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

**СОЦИАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ
В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(лексикографический аспект)**

В работе анализируется социальная и индивидуальная составляющая семантики наименований лиц, зафиксированная в дефинициях, извлеченных из краудсорсингового словаря Urban Dictionary. Обыденные толкования содержат более широкий спектр субъективной информации, которую «народные лексикографы» накапливают из своего индивидуального опыта, полученных знаний и т.д.

Ключевые слова: лексическое значение, краудсорсинговый словарь, обыденное толкование, семантическое ядро, индивидуальный опыт.

Лексическое значение, являясь феноменом сложным и многогранным, представляет собой взаимосвязь социального и индивидуального, т.е. сочетает в себе, с одной стороны, инвариантное ядро, благодаря которому возможно взаимопонимание между членами языкового коллектива и которое, как правило, фиксируется в лексикографических дефинициях, и, с другой стороны, изменчивую, динамическую периферию, которая возникает и развивается под влиянием индивидуального опыта, полученных знаний, ценностных ориентиров и установок каждого отдельного пользователя языком. Как отмечают исследователи, социальный базис семантики лексических единиц формируется на основе индивидуальных значений (см. работы М. В. Никитина, П. Герденфорса и др.). Действительно, словарное толкование представляет собой «конденсат» значения лексической единицы, добытый лексикографом в ходе кропотливой работы с многочисленными контекстами. В этой связи представляется чрезвычайно важным выявление индивидуальной составляющей семантики лексических единиц, доступ к которой до настоящего времени осуществлялся либо посредством анализа контекстов, либо при помощи проведения лингвистического эксперимента. Новым витком в исследовании обсуждаемого вопроса могут стать т. н. краудсорсинговые словари, сущность которых заключается в коллективном способе накопления контента, т. е. любой пользователь сети Интернета может стать одним из многочисленных авторов словарей такого типа, регистрируя в них лексические единицы и формулируя их обыденные толкования, в которых фиксируется субъективное видение лексического значения единиц.

Целью нашей работы является выявление квантов информации, зафиксированных в обыденных дескрипциях и относящихся к индивидуальным составляющим значения на фоне стабильного ядра семантики. Наиболее пригодным материалом для достижения поставленной цели, на наш взгляд, являются толкования наименований лиц по родству. Данная категория лексики, релятивная по своей природе, характеризуется бедностью семантики [1], что позволит легко распознать пучки информации, находящиеся за пределами семантического ядра. В качестве конкретного материала исследования были выбраны обыденные толкования двух наиболее частотных слов (согласно *Corpus of Contemporary American English*) данной тематической группы, а именно дефиниции слов *mother* ‘мать’ (45 дефиниций) и *father* ‘отец’ (30 дефиниций), отбор которых мы осуществляли из *Urban Dictionary* – самого масштабного и популярного краудсорсингового словаря англоязычного сегмента Интернета.

Согласно традиционным лексикографическим источникам, семный состав значения анализируемых единиц представлен двумя компонентами – категоризатором, указывающим на принадлежность поименованных объектов к категории лиц, и сведениями о генетической связи. Данные компоненты являются инвариантными в разных англоязычных толковых словарях и составляют семантическое ядро исследуемых слов. Обыденные же толкования, напротив, содержат более широкий спектр информации. «Народные лексикографы» предпочитают детализировать основания родства. Так, чаще всего, для слова *mother* используется информация о деторождении: *a woman who gave birth to you* ‘женщина, которая тебя родила’; в то время, как для *father* – это сведения о факте зачатия: *some random dude who put sperm in your mother* ‘какой-то случайный чувак, который дал семя твоей матери’. Частотными в наивных толкованиях оказались данные о гендерной принадлежности лиц. Примечательно, что при раскрытии значения слова *mother* в 40 % дефиниций читателя информируют о непосредственном участии поименованного объекта в воспитании детей (*She teaches you the things you can't learn from anyone else through examples and hard work* ‘Она учит тебя, подавая пример и усердно работая, вещам, которые ты не можешь узнать от кого-то другого’), тогда как в толкованиях слова *father* сведения такого плана встречаются в единичных случаях. Описывая семантику лексической единицы *mother*, лексикографы-любители сообщают о чертах характера (*The most amazing, strong, loving, and heroic woman you will ever know* ‘Самая замечательная, сильная, любящая и героическая женщина, которую ты когда-либо знал’), модели поведения (*Some mothers are known for embarrassing their children...* ‘Некоторые матери известны тем, что смущают своих детей’), выполняемых обязанностях по дому (*A person who does the work of many. For free* ‘Человек, который выполняет работу за многих. Бесплатно’). При толковании вокабулы *father* авторы *Urban Dictionary* приводят релятивные данные, которые, однако, опосредованно указывают на генетическую связь отца и ребенка – через информацию об узлах брака отца и матери: *father – your mother’s husband* ‘Отец – муж твоей

матери'. Частотными при описании семантики лексической единицы *father* оказалась информация о типичной модели поведения (*A selfish bastard who drank all day and smoked weed* 'Эгоистичный мудак, который пьет целый день и курит травку') и, по-видимому, сложившийся в сознании пользователей языка стереотип о том, что отцы достаточно часто оставляют свои семьи (*He leaves to get a jug of milk and doesn't come back* 'Он уходит, чтобы купить молока и не возвращается'). Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве своем толкования лексемы *mother* носят положительный, одобрительный, эмпатичный характер, в то время как дефиниции *father* – пейоративный, укоризненный, негативный.

Таким образом, на фоне ограниченного семантического ядра, заключающего в себе достаточный минимум сведений, необходимых для декодирования значения пользователями английским языком, индивидуальная составляющая значения оказалась весьма разнообразной, содержащей информацию, приобретенную из жизненного опыта, личных наблюдений, переживаний, эмоционально-оценочных суждений, что значительно расширяет семантический потенциал данной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитончик, З. А. «Спящие» компоненты семантики лексических единиц / З. А. Харитончик // Семантика и прагматика языковых единиц : сб. материалов междунар. науч. конф., Калуга, 20–22 сент. 2019 г. / Калуж. гос. ун-т им. К. Э. Циолковского. – Калуга, 2019. – С. 286–299.

УДК 811.161.1'37

В. Н. Шапошников

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В СЕМАНТИКЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЕДИНИЦ

Рассматриваются семантика, лексико-семантические связи и отношения языковых единиц. Выявляются синонимия и синонимические связи слов и их типы. Отмечаются лексико-семантические изменения в современном русском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантика; лексико-семантические связи; отражение языковой картины мира.*

Совокупность лексико-семантических связей единиц представляет собой характерное свойство системы языка. Эта совокупность связей есть целостное выражение картины мира. Ярким свойством системности является синонимия и синонимические связи языковых единиц.

Критерии тождества и близости значений устанавливаются на основе семантической структуры лексических единиц. Это приводит к различению степени синонимичности – близости единиц языка. Сравним соотношения и различия в значениях следующих пар слов: *танец – пляска, охрана – караул, признак – симптом, удобство – комфорт, оригинал – подлинник*; степень близости или различия значений в этих парах различны. Среди подобных пар слов можно выделить такие, где различие значений минимально, в других же парах различие большее. Различение степени синонимичности слов связано с взаимозаменяемостью и позиционной нейтрализацией смысловых противопоставлений как структурными признаками синонимии. Количество позиций, в которых одни синонимы взаимозаменяемы, будет ограничено, и, следовательно, ограничена близость их значений. Наоборот, у других синонимов взаимозаменяемость большая, так как она является неотъемлемым свойством самих значений этих слов, что ведет к максимальной позиционной нейтрализации и является условием полной синонимии. Таким образом, синонимия воплощается большим или меньшим, частичным совпадением элементов внутренней смысловой структуры языкового знака.

Состав позиционных нейтрализаций является нечетким множеством. В этом составе находятся максимальные позиционные нейтрализации полной синонимии, воплощающие языковую правильность, но есть позиции, где синонимическая замена не абсолютно правильна, хотя может быть допустимой.

Картина синонимии и синонимическая система языка изменяется. Изменения синонимии в современном русском языке состоят в появлении новых слов и их включении в отношения с близкими по значению словами, в развитии новых значений у существующих слов и взаимодействии таких лексико-семантических вариантов с семантически близкими единицами, в изменении степени синонимичности – близости слов по значению, а также в устаревании некоторых слов и их уходе из системы языка. Так ряд синонимов, выражающих интенсивность отношения к реальности: *преувеличивать, утрировать, гиперболизировать, приврать, прилгнуть* (разг.), – исключает слово *прилгнуть/прилгать* и дополняется словом *драматизировать*, у которого развилось новое соответствующее значение. Тем самым создается иное представление и членение участка картины мира. Другой синонимический ряд, отображающий параметр внутреннего мира: *убедить, внушить, побудить, нацелить, представить, ориентировать*, – дополняется словом *мотивировать* с его появившимся новым значением. Появляется его дериват и аналогично пополняется другой синонимический ряд: *перубедить, разубедить, отговорить, разговорить* (разг.), *демотивировать*.

Появляются новые слова и встраиваются в определенные синонимические ряды. См. ряд синонимов с доминантой целеполагания: *цель, намерение, задача, фишка* (разг.), *посыл* (Такое понимание задач кинопроизводства ничуть не устарело, патриотический *посыл* деятельности – вообще из разряда вечных ценностей (Лит. газ. 2021.36). Это приводит к изменению членения картины мира. Так же происходит пополнение синонимических рядов и из-

менение членения определенных предметных участков: *разногласие, спор, склока, скандал, разброд, ссора, перепалка, раздрай (разг.); превратить, преобразовать, переделать, переформатировать; namного, на порядок, на порядки, в разы (разг.)*.

Представление картины мира изменяется в обратную сторону. На некоторых участках языковой системы происходит устранение элементов синонимии. Так в рядах синонимов, обозначающих понятие любви, устранились элементы: *зазноба ≠ страсть – любовь – чувство; зазноба ≠ присуха ≠ сударушка ≠ кадр/кадра (прост.) – возлюбленная – любимая – подруга – пассия – бойфренд*. Устранился один член в других синонимических рядах, маркирующих социальные отношения: *заручка ≠ протекция – протееже – покровительство; зазыв ≠ приглашение – призыв*. Сокращаются синонимические ряды глаголов: *закоренеть ≠ укрепиться – утвердиться – подчиниться*. При отсутствии инноваций таким образом создается меньшая возможность к выражению того или иного концепта. При этом усиливаются коммуникативные позиции и возрастает роль остальных членов ряда в лексической системе.

Структурно-семантические отношения элементов в рядах разноименности могут быть различными, менее близкими или более далекими в презентировании некоторого понятия. Так синонимический ряд концепта творческой способности складывался из системно отстоящих друг от друга слов, и новое заимствование, от англ. *creative*, еще более выделяется среди них: *предприимчивый, изобретательный, плодовитый, новаторский, плодотворный, творческий, деловой, самобытный, креативный*. Возможности взаимозамены и границы позиционной нейтрализации у слова *креативный* узкие, ср.: *креативный менеджер, креативный класс*; метонимические употребления: *креативная прическа, креативный проект*.

При функционировании языковой системы место лексических единиц изменяется в их свойствах и признаках. Изменяется сфера действия некоторых лексических единиц. У определенных слов сфера действия расширяется и изменяются их структурно-семантические показатели. Такое слово захватывает ту или иную часть сферы действия другого члена синонимической оппозиции. Степень захвата и уровень воздействия различны. Так происходит в современной речи расширение зоны действия одного слова из ряда обозначения временной фазы события: *вначале, сначала, сперва (разг.), поначалу, прежде, изначала (книжн. устар.), изначально*. В данных структурных условиях изменяется его семантический объем и стилистическое содержание. При этом из синонимического ряда устраняется слово *изначала*.

В результате отмеченных изменений выражение концепта картины мира, которое репрезентирует синонимический ряд, становится более однообразным, но менее детальным, менее точным. Более сильное расширение сферы действия сферы действия лексической единицы характеризует выражение концепта сложности. В современной речи активизируется слово *сложно* по отношению к его синониму *трудно*, а также *сложный* по отношению к *трудный*. Слово *сложно* занимает позиции слова *трудно*, тем самым изме-

няясь логически и стилистически. Отмечаются слова реляционной семантики, где выделяется лексема *сообщество*, у которой отмечается повышение употребительности, расширение сочетаемости и лексико-семантических связей.

УДК 811.111'37

А. В. Шуманская, преподаватель

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Представлены общие и специфические характеристики субстантивных номинативных единиц, именующих концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в английском и русском языках.

Ключевые слова: субстантивные номинативные единицы, семантика, концепт, языковая картина мира, национальное сознание.

Исследование универсальных понятий на материале неблизкородственных языков в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания является актуальным, поскольку позволяет установить специфику языковой картины мира через призму лексикографических источников.

Вызывают большой интерес и вопросы представленности национальной культуры в семантике лексических единиц и ментальном лексиконе. Языковая картина мира представителей каждой культуры имеет свои отличия и специфичные черты, которые можно выявить лишь в соотнесении с другими культурами [1].

Вслед за М.В. Никитиным, мы понимаем под языковой картиной мира не просто совокупность языковых средств репрезентации сознания, а «исторически сложившаяся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [2, с. 54].

Цель нашего исследования: установить корпус субстантивных номинативных единиц, именующих концепты MAN / МУЖЧИНА и WOMAN / ЖЕНЩИНА в английском и русском языках.

В качестве методов исследования были выбраны: описательный и сравнительно-сопоставительный анализ, а также метод количественного подсчета.

Материалом данного исследования послужили субстантивные номинативные единицы, именующие концепты MAN / МУЖЧИНА и WOMAN / ЖЕНЩИНА в английском (104/142) и русском языках (93/74), представленные в лексикографических источниках.

С целью установления корпуса англоязычных единиц, именующих данные универсальные концепты, были использованы два идеографических словаря: традиционный тезаурус П. Роже (Roget's Thesaurus of English Words and Phrases) [3] и современный электронный тезаурус WordNet [4].

В результате анализа данных, полученных из английских вышеупомянутых лексикографических источников, были выявлены 142 англоязычные субстантивные лексемы, именующие концепт WOMAN 'женщина', что в 1,4 раза больше по сравнению с набором выделенных существительных, именующих концепт MAN 'мужчина'.

Корпус русских субстантивных единиц был установлен на основе данных Русского Семантического словаря Толкового словаря Н. Ю. Шведовой [5] и состоит из 93 субстантивных номинативных единиц, именующих концепт МУЖЧИНА и 74 субстантивных номинативных единиц, именующих концепт ЖЕНЩИНА.

На первом этапе исследования, полученные из лексикографических источников существительные, именующие мужчин и женщин, в обоих языках были расклассифицированы нами на следующие лексико-семантические группы (далее ЛСГ):

1) прямое название лица мужского / женского пола;

2) переносное именование лица мужского / женского пола на основе вторичного значения зоонима, предмета или мифического существа;

3) форма вежливого обращения к мужчине/ женщине.

Необходимо отметить, что третья ЛСГ была выявлена лишь в рамках англоязычного корпуса, включающая единицы формального обращения к мужчине (11 номем) и женщине (8 номем), непредставленную в рамках корпуса русскоязычных субстантивных единиц. Например, *sir* 'сэр, господин'; *mister* 'мистер, господин' и его сокращение *Mr.*; *mistress* и сокращение *Mrs.* 'госпожа'; *Herr* 'господин'; *Frau* 'госпожа'.

4) Вышеупомянутые общие ЛСГ (прямое / переносное название лица мужского / женского пола) для концепта МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в английском и русском языках отличаются по плотности единиц в них входящих. Самой многочисленной из них является ЛСГ, единицы которой прямо именуют лица мужского и женского пола.

Так, 50 англоязычных субстантивных номинативных единиц именуют концепт MAN 'мужчина' и 78 – WOMAN 'женщина'. Например, *male* 'взрослый человек мужского пола'; *boy* 'мальчик'; *spinster* 'старая дева'; *married woman* 'замужняя женщина'.

В свою очередь, выявлено 72 русскоязычные номинативные единицы для обозначения мужчин и 53 – для женщин. Например, *парень*, *старик*, *юноша*, *джентльмен*, *брат*, *жена*, *мама*, *бабушка* и т.д.

Сопоставительный анализ организации двух ЛСГ англоязычных и русскоязычных номинативных единиц, именующих лица мужского / женского пола, позволил увидеть их общие черты: они именуют мужчин / женщин определенного возраста (*young man* 'молодой человек' / *парень*; *young woman* 'молодая женщина'), семейного положения (*bachelor* 'холостяк' / муж;

bachelorette (преим. ам. и канад.) ‘холостячка’ / жена), социального статуса (*gentleman/gentlewoman* ‘мужчина / женщина знатного происхождения’) и моральных качеств (*womanizer* ‘бабник’ / волокита; *minx* ‘груб. распутница’).

Второй по численности является группа, единицы которой именуют мужчин и женщин на базе вторичного именованя и переноса качеств зоонимов, мифических существ, персонажей книг, предметов одежды. Так, в этой группе отмечено 43 семантических деривата для обозначения мужчин и 56 – для женщин в англоязычных лексикографических источниках. Например, *Iron man* ‘сильный мужчина, досл. Железный человек’; *Cinderella* ‘Золушка’; *hen* ‘квочка, болтушка, досл. курица’; *sow* ‘женщина, у которой много детей, досл. свиноматка’; *buck* ‘о смелом мужчине, досл. самец животного’; *stallion* ‘биологически сильный экземпляр мужчины, досл. жеребец’.

Что касается русского языка, то там выявлено 34 номинативные единицы для именованя мужчины и 21 – женщины. Например, перен. *кобель* ‘блудливый’, перен. *трутень* ‘ленивый’, *Донжуан* ‘искатель любовных приключений’, *Митрофанушка* ‘великовозрастный неуч’, *Альфонс* ‘живущий на содержании у женщины’, перен. *ехидна* ‘злобная, язвительная’, перен. *кукушка* ‘женщина, бросившая своего ребенка’.

Сопоставительный анализ количественных данных репрезентации концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в английском и русском языках показал, что в двух языках наблюдается различная количественная плотность единиц, именующих одноименные концепты. Исследование позволило зафиксировать ряд универсальных и различительных черт, касающихся репрезентации концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в англоязычной и русскоязычной языковой картине мира, что позволяет утверждать об уникальном характере каждой из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шуманская, А. В. Содержание и структура концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в языковом сознании белорусов / А. В. Шуманская // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : тез. докл. IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 марта 2021 г. / Белорус. гос. ун-т. ; редкол.: Е. А. Пригодич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 65–69.

2. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 757 с.

3. Roget, P. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / P. Roget. – London : Penguin Books, 2002. – 500 p.

4. WordNet: A Lexical Database for English [Electronic resource] // Princeton University. – Mode of access: <https://wordnet.princeton.edu>. – Date of access: 18.09.2022.

5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразоват. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 985 с.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

УДК 811.112.2'36

Е. В. Зуевская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются средства выражения уступительных отношений в немецкоязычной художественной прозе и публицистике. Предпринята попытка установления взаимосвязи между выбором средств выражения категории уступительности и функциональным стилем.

Ключевые слова: категория; уступительность; грамматические средства; лексические средства; функциональный стиль.

Уступительные отношения представляют собой отношения противопоставления между элементами простого предложения или частями сложного и являются итогом взаимодействия двух причинно-следственных связей. В рамках уступительности возможно выделить три вида противоречия: актуальное, относительное и неактуальное [1, с. 162], которые могут выражаться в немецком языке языковыми единицами, относящимися к лексическому и грамматическому уровням.

В ходе сопоставительного анализа текстов художественной литературы и публицистики была установлена частотность разноуровневых грамматических и лексических средств выражения противоречия в современном немецком языке. Как показали полученные численные данные, распределение средств по микрополям в обоих стилях происходит приблизительно одинаково, незначительные отличия наблюдаются лишь в процентном соотношении между стилями. Наиболее представленным в обоих функциональных стилях является микрополе относительного противоречия (55 % микроконтекстов публицистического стиля и 63 % художественного). Менее представлены были средства выражения абсолютного противоречия (34 % отобранных микроконтекстов из художественной прозы и 38 % примеров публицистических текстов). Наименее употребительными в обоих стилях оказались средства выражения неактуального противоречия (7 % микроконтекстов из публицистических статей и 3 % примеров из художественной литературы). Таким образом, можно сделать вывод, что в поле уступительности наиболее часто используются средства, выражающие альтернативу реальному положению вещей, а называние недействительных аргументов оказывается наименее значимым независимо от исследуемого стиля.

Наиболее употребительными в микрополе абсолютного противоречия в обоих функциональных стилях являются грамматические средства, среди которых самыми частотными оказались сложноподчиненные предложения (далее СПП) с союзом *obwohl*, сложносочиненные предложения (далее ССП) с наречием *trotzdem* и предложные сочетания с союзом *trotz*. Среди лексических средств наиболее часто используются глаголы *widersprechen*, *zwingen* и *überraschen*.

В микрополе относительного противоречия частотность грамматических средств также высока. Среди них самыми употребительными явились ССП с союзом *doch* либо частицей *allerdings*. Значительно реже встречаются средства лексического уровня (например, причастие *zögernd*, прилагательное *widersinnig*, существительное *Kompromiss* и глагол *zugeben*).

Большая употребительность средств грамматического уровня в микрополе абсолютного и относительного противоречия обусловлена широким спектром выражаемых ими значений, способностью сочетаться с разными лексическими единицами и большей вариативностью.

Для выражения неактуального противоречия в публицистике преимущественно используются лексические средства, в художественном стиле средства обоих уровней распределились одинаково. Самым частотным грамматическим средством здесь можно назвать СПП с союзом *ob*, а среди лексических единиц в обоих стилях показатель высок для наречия *vergeblich*. Малая доля средств грамматического уровня в данном микрополе связана с их стилистической окраской: все средства выражения данного противоречия относятся к обиходно-разговорной речи и их употребление нехарактерно для письменной речи.

В результате проведенного исследования можно заключить, что стиль накладывает отпечаток на выбор того или иного средства лишь в ограниченной мере: так, предложные сочетания способствуют реализации черт публицистического стиля и соответственно употребляются в нем более часто, а для художественной прозы, тяготеющей к глагольному стилю, более характерным является использование грамматических конструкций (например, ССП с союзом *doch*, наречием *trotzdem*, СПП с союзом *obwohl*). Следует отметить, что независимо от семантики наибольшую употребительность среди лексических средств продемонстрировали те лексические единицы, которые входят в пласт общеупотребительной лексики и не несут особой стилистической окраски, а лексические единицы, относящиеся к специфическим сферам (бизнес, юриспруденция, коммерция) встречаются лишь в стиле прессы и публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grammatik in Feldern / J. Buscha [et al.]. – München : Verlag für Deutsch, 1998. – 336 S.

А. А. Клинова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ПОСЕССИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСЛАНДСКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются безличные реализации модального подтипа ситуации обладания в исландском, белорусском и литовском языке. Выявлено, что участники ситуации получают определенное морфологическое кодирование в соответствии с одушевленностью либо неодушевленностью субъекта обладания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантический синтаксис, категория безличности, посессивность, каузативность.*

Одним из путей выявления особенностей концептуализации фрагментов реальности в рамках того или иного языка выступает исследование синтактико-семантических категорий в сравнительно-сопоставительном аспекте. В соответствии с гипотезой транзитивности, возможные в конкретном языке конструкции соотносятся друг с другом на основании единого прототипа – каузативной структуры. Предложение может быть охарактеризовано как обладающее высокой или низкой транзитивностью, в зависимости от суммарной положительной реализации таких параметров, как динамичность предиката, количество задействованных участников, их статус по признаку (не)одушевленности, агентивность субъекта, полнота предикатного воздействия на объект [1, р. 252–267]. Интерес представляют способы выражения ситуаций, имеющих в своем составе компоненты, которые не отвечают параметрам высокой транзитивности [2, р. 53]. В рамках данной статьи мы рассматриваем безличные модели исландского, белорусского и литовского языков, актуализирующие денотаты, связанные с понятийной категории посессивности.

Типы посессивной конструкции предложения, выражающей отношения между субъектом и объектом обладания [3], можно классифицировать по признаку (не)одушевленности субъекта и принадлежности объекта – свободной или неотторжимой, под которой понимаются партитивные отношения между участниками как части и целого [4, р. 22]. Так, к рассмотрению предлагаются единицы, являющиеся модальным подтипом ситуации обладания. К данному типу относятся исландские предикаты со значением «нехватки» (7 единиц), «достатка, нехватки» в белорусском (7 единиц) и литовском (9 единиц) языках. Компонентный анализ позволяет вычленив семный состав предикатов и преобразовать их в логические схемы, указывающие на тип предикатного отношения между участниками [5, р. 40]. Так, исландские предикаты, в соответствии с предикатным (*hafa ekki* 'не иметь') и объектным (*eitthvað* 'что-либо') компонентами, можно представить в виде стативной

схемы типа x/y HAVE NOT z, где x и y – субъект обладания с неодушевленной и одушевленной референциями, а z – объект обладания с неодушевленной референцией. В белорусском языке эта же ситуация логически конструируется как z BE (NOT) for x/y (*быць (не)дастатковым* ‘быть (не)достаточным’ + *для каго/чаго-небудзь* ‘для кого/чего-нибудь’), в литовском – x/y HAVE (NOT) z BE (*turėti* ‘иметь’ + *ko* ‘чего-либо’ + *pakankamai* ‘в достаточном количестве’).

Выводимые логические схемы получают ряд безличных реализаций:

1. Структура с *неодушевленным обладателем*, оформленным предложной группой в дательном падеже в исландском, которому соответствует группы в местном падеже в белорусском и литовском языках, и *неодушевленным обладаемым*, оформленным винительным и родительным падежами, соответственно:

а) (исл.) [AccNP_{non-anim} – V_{imp} – DatPP_{non-anim}] *Þar bíði þeirra fulltrúar fyrirtækja frá Ástralíu þar sem vinnuafli skorti í vissum atvinnugreinum* ‘Там их ждали представители компании из Австралии, в связи с нехваткой рабочей силы в отдельных отраслях (досл. – так как рабочей силы не хватало)’;

б) (бел.) [GenNP_{non-anim} – LocPP_{non-anim} – V_{imp}] *Калі вораг прыйдзе, зброі і боезапасаў у горадзе дастаткова* ‘Когда придет враг, в городе достаточно оружия и боеприпасов’;

в) (лит.) [LocNP_{non-anim} – V_{imp} – GenNP_{non-anim}] *Ne visada darganotą rudenį nuosavame name užtenka šilumos* ‘Холодной осенью в собственном доме не всегда хватает тепла’.

2. Ситуация, выражающая отношение между *одушевленным обладателем* и *неодушевленным обладаемым*, получает разные способы кодирования в сопоставляемых языках. Так, в исландском языке компонент y оформляется винительным падежом, в белорусском – родительной предложной или дательной именной группами, в литовском – только дательной; компонент z формализуется в виде винительной и родительной групп, соответственно, к которым может присоединяться инфинитив, придаточное предложение цели или предложная группа, содержащая в себе свернутое действие:

а) (исл.) [AccNP_{anim} – V_{imp} – AccNP_{non-anim} – Inf] *Hana brestur áræði til að biðja hann um greiða* ‘Ей не хватает смелости попросить его об одолжении’.

б) (бел.) [DatNP_{anim} – V_{imp} – GenNP_{non-anim} – GenPP] *Не ўсім хапіла месца для начлегу* ‘Не всем хватило места для ночлега’.

в) (лит.) [DatNP_{anim} – V_{imp} – GenNP_{non-anim} – CP] *Jai ganėjo drąsos, kai reikėjo nutylėti savo kančią* ‘Ей хватило мужества, чтобы скрыть свое страдание’.

Таким образом, роль именной группы с одушевленной референцией не ограничивается ролью субъекта обладания: ей присуща скрытая акциональность, выявляемая через возможное распространение неличными формами глагола, что позволяет распространить логическую схему, как у HAVE (NOT) z to ACT. Следовательно, выражение отношений семантических ролей *обла-*

дателя и обладаемого посредством безличных предложений зависит от типа обозначаемой ситуации, одушевленности участников и лингвоспецифических функций падежной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hopper, T.* Transitivity in Grammar and Discourse / Т. Hopper, S. A. Thompson // *Language*. – 1980. – Vol. 56, № 2. – P. 251–299.
2. *Haspelmath, M.* Non-canonical marking of core arguments in European languages / М. Haspelmath // *Non-canonical marking of subjects and objects: Typological studies in language*. – 2001. – Vol. 46. – P. 53–85.
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/388b.html>. – Дата доступа: 09.09.2022.
4. *Mazzitelli, L. F.* The expression of predicative possession in Belarusian and Lithuanian / L. F. Mazzitelli. – Bremen : De Gruyter Mouton, 2015. – 186 p.
5. *Kuno, T.* Functional constraints in grammar: on the unergative–unaccusative distinction / Т. Kuno, К. Takami. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. – 242 p.

УДК 811.112.2'362

А. А. Колмак,

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ УСЛОВИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются средства выражения категории условия на синтаксическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях в немецком и русском языках.

Ключевые слова: *условие, немецкий язык, русский язык, придаточное предложение условия, союзы, предлоги.*

Многие исследователи убеждены в универсальном характере категории условия, объясняя это тем, что само по себе условие изначально является логико-философской категорией, описывающей мыслительную деятельность человека, впоследствии находящую отражение в языке, нежели чисто лингвистическим концептом. [1, с. 55]

Условие представляет собой такой вид отношений, при котором «какое-либо действие, событие или явление становится возможным или невозможным, реализуется или не реализуется в зависимости от другого действия, события или явления, которое создаёт условия для реализации или нереализации, возможности или невозможности действия, события или явления»

[2, с. 99]. Из этого следует, что любой человек, независимо от своей национальности и языка, на котором он говорит, не может обойтись в речи без языковых средств со значением условия.

Несмотря на то, что условие выражают носители любого языка, стоит отметить, что средства выражения условных отношений могут иметь различия в разных языках. В каждом языке существуют свои разнообразные и многочисленные способы выражения условия на синтаксическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях.

К средствам выражения условия на синтаксическом уровне в современном немецком языке относятся придаточные предложения с союзами *wenn, falls, sofern*, также *auch /selbst / sogar / nicht einmal wenn*, бессоюзные придаточные предложения, в том числе с *sollen* в претерите конъюнктива.

Wenn der Teig Zug kriegt, fällt er nämlich in sich zusammen, deshalb sollen wir die Küchentür auch mal nur ganz vorsichtig aufmachen und lieber ins Esszimmer gehen.

Falls Achim auftaucht, sag ihm bitte, er soll schon mal den Kaffeetisch decken.

*Der Vater von Vincent und Laurin wohnt nämlich fast 300 Kilometer von uns entfernt, und das ist ja reichlich weit, **auch wenn** man ein Cabrio hat.*

Aber sollte er in diesem Moment zur Tür hereinkommen und sie in die Arme nehmen, würde sie sicherlich schwach.

При этом стоит отметить, что на синтаксическом уровне преимущественно выражается условие придаточными предложениями с союзом *wenn*, это объясняется тем, что союз *wenn* включает в себя значения союзов *falls, sofern*.

К морфологическим средствам со значением условия в немецком языке относятся предложные группы с предлогами *bei, ohne, mit, unter, in*. При этом наиболее употребительным средством является предложная группа с предлогом *bei*.

*Er arbeitete konzentriert und nahm die Gewohnheit an, **beim** Nachdenken die Fäuste zu ballen, als müsse er einen Feind besiegen.*

***Ohne** mich wäre diese unvergessliche Feier nie zustande gekommen.*

Также в немецком языке значение условия могут выражать словообразовательные средства, такие как существительные (со вторым компонентом – *fall: Notfall*) и наречия с суффиксом *-falls* (*, andernfalls, notfalls* и др.).

*Es gab keine Kontaktnummer für **Notfälle**.*

В качестве лексических средств с семантикой условия в немецком языке выступают глаголы (*bedingen, voraussetzen, abhängen*), существительные (*Bedingung, Voraussetzung, Regel*), прилагательное/наречие (*bedingt*).

*Unter der **Bedingung**, dass er jetzt die ganze Wahrheit erführe, wollte sich Paul für seinen Bruder einsetzen und ihn auch vor Gericht verteidigen.*

В русском языке как и в немецком языке на синтаксическом уровне условие может быть выражено придаточными предложениями с союзами *если (бы), когда (бы), ежели (бы), коли (коль), как, кабы, раз* и бессоюзными сложными предложениями. Наиболее универсальным средством выражения

значения условия является сложноподчиненное предложение. Если в немецком языке наиболее употребительным союзом при передаче значения условия является союз *wenn*, то русском языке – его аналог союз *если (бы)*. Преимущественное использование союза *если* в придаточном условном предложении объясняется тем фактом, что союз *если* стилистически нейтрален в отличие от союзов *коли* и *раз*. Союзы *коли* и *раз* обычно отличаются разговорной окраской.

Если с головы Варвары Андреевны упадет хоть один волос, я вас вздерну на столбе, безо всякого суда и следствия!

Давайте мы лучше с вами по-другому поступим, коли не струсите.

На синтаксическом уровне условие также может быть выражено бессоюзными предложениями, но данный способ выражения условия не является преобладающим, например:

Попадешь в аварию – не уцелеешь.

Непустишь, уеду безо всего.

В качестве основного средства выражения условных отношений на морфологическом уровне в русском языке выделяются предложно-падежные формы имен существительных. В качестве предложно-падежных форм существительных могут выступать существительные в родительном падеже с предлогами *без, в случае*, в сочетании с предложными формами *при наличии, при отсутствии, в зависимости от*, также существительные в творительном падеже с предлогом *с* и существительные в предложном падеже с предлогом *при*.

Она хотела сказать, что человек без прописки – вне общества.

Мама любила те груши, которые были на один градус от распада: они проминались под пальцами, при надкусывании истекали густым медовым соком, призывающим всех ос округи.

Кроме того, на морфологическом уровне условие выражается деепричастным оборотом, данный способ демонстрирует, однако, невысокую частотность: *Судя по облику жилища, там было устроено нечто вроде тайной химической лаборатории.*

В отличие от немецкого языка средства выражения условия на словообразовательном уровне в русском языке не обнаружены, что объясняется особенностями языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян, А. А. Эксплицитные средства выражения условной семантики в английском и русском языках / А. А. Акопян // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 6 (18). – С. 55–58.

2. Чергинская, И. А. К вопросу о средствах выражения условных отношений в современном русском языке / И. А. Чергинская // XIV Виноградовские чтения : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Ташкент, 16 мая 2018 г. / отв. ред. Н. М. Миркурбанов. – Ташкент ; Екатеринбург, 2018. – С. 99–101.

С. В. Кондракова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Описывается функционирование субстантивированных причастий и инфинитивов в немецкоязычных научных текстах, раскрывается их прагмакоммуникативный потенциал.

Ключевые слова: субстантивированные причастия; субстантивированные инфинитивы; валентность; прагматика; научный текст.

Субстантивированные причастия и инфинитивы являются лексическими продуктами широко действующего в немецком языке процесса транспозиции, в основе которого лежит семантический сдвиг. Ингерентная глагольная семантика этих лексических единиц, не исчезая, включается в частеречное категориальное значение предметности, претерпевая уже в этом статусе дальнейшее развитие в языке. Реализация субстантивированных причастий и инфинитивов отмечена такими главными чертами, как их частеречный статус и валентность, которая проявляется контактно в словосочетаниях и предложениях и дистантно в единицах более широкого диапазона – фрагментах текста.

При дистантной реализации валентности статус субстантивированных причастий и инфинитивов выходит за рамки синтагматического и включается в когезийно-текстовый диапазон. Тот факт, что валентностные связи субстантиватов способны воплощаться дистантно, маркирует их особое положение на переходе от собственно синтагматики к текстообразованию, т.е. к не-посредственному участию в связывании текста.

Для научно-лингвистических текстов характерными единицами являются субстантивированные причастия и инфинитивы, которые воплощают абстрактные понятия в форме среднего рода: *das Gesagte* 'сказанное', *das Folgende* 'следующее', *das Gemeinte* 'имеющееся в виду', *das Verhalten* 'отношение', *das Auftreten* 'возникновение, появление', *das Einsetzen* 'использование' и т.д., например:

Insofern das psycholinguistische Bemühen dem Wissen und Denken gilt, empfinden wir uns zudem auf eine zweite Weise blind.

Следует указать на особенность субстантивированных причастий, обозначающих деятеля, употребляться в научном тексте для обозначения общих понятий, например:

*Das ‚Textmuster‘ wird als erstes eingeführt und als ein mehrdimensionales Konzept beschrieben, das zumindest über seine Funktion, Situativität, Thematisität und Formulierungsadäquatheit charakterisiert werden kann und für die **Interagierenden** in einem bestimmten Sprach- und Kulturkreis kognitive Realität hat.*

*Die Art und Weise, wie die **Beteiligten** auf das Fehlen oder die modifizierte Realisation der identifizierten Strukturelemente reagieren, liefert die überzeugendsten Hinweise darauf, dass es sich bei den unterstellten Zwecken sowie den ermittelten Verfahrensweisen, Mustern und Strukturproblemen um angemessene Beschreibungen handelt.*

В приведенных текстовых фрагментах субстантивированные причастия *die Interagierenden* ‘взаимодействующие’ и *die Beteiligten* ‘участники’ обозначают не каких-то конкретных лиц, а представляют в своих контекстах собирательно-обобщенные номинации, подразумевается категория (тип) людей, а не единичное лицо, т.к. научный текст пронизывает отвлеченность и обобщенность.

Значимую прагмакоммуникативную нагрузку в научных текстах несут субстантивированные причастия отсылочного характера, такие как *das Erwähnte* ‘упомянутое’, *das bereits Gesagte* ‘уже сказанное’, *das hier Gemeinte* ‘подразумевающееся здесь’, *das Bezeichnete* ‘обозначенное’, *im Folgenden* ‘в дальнейшем’ .:

Aber das verweist nur auf das im vorhergehenden Satz bereits Gesagte.

Im Folgenden möchten wir uns darauf konzentrieren, den konstruktionalen Ansatz näher unter die Lupe zu nehmen, aber nicht als Alternative zum semantischen Ansatz, sondern als Ergänzung dazu.

Появление в тексте таких рациональных номинаций диктуется в общем плане принципом коммуникативной целесообразности, т.к. они эффективно реализуют текстосвязующую когезийно-когерентную функцию. Обладая глагольными свойствами, единицы четко выступают как связующая форма, регламентируя архитектуру текста, т.е. подводя смысловый итог предыдущему высказыванию и создавая экспозицию для последующего хода мыслей. Это означает, что они выступают коннекторами при переходе от темы к реме в общем процессе тема-рематического развития текста:

*Die linguistische Herausforderung liegt in dem Kodieren des auszudrückenden Inhalts in der Zielsprache, da sie für den Übersetzer eine Fremdsprache ist. Через 19 строк восстанавливается смысловая связь: In der Muttersprache erfolgt das Kodieren unbewusst; man fragt sich vor jeder Äußerung – sei sie mündlich oder schriftlich – nicht, wie man das **Auszudrückende** tatsächlich ausdrücken soll, schon allein aus dem Grund nicht, weil man sich häufig vielleicht gar nicht so bewusst ist, was man zum Ausdruck bringen möchte – und doch sagt man etwas.*

Субстантивированное причастие *das Auszudrückende* ‘то, что нужно выразить’ включает в себе содержание предыдущей информации – *der auszudrückende Inhalt in der Zielsprache* ‘содержание, которое необходимо выразить в языке перевода’, что обеспечивает связность текста, и как раз за счет этого в любом связном тексте мы обнаруживаем многочисленные и разнообразные виды повторяющихся семантических элементов.

Аналогичное отмечается и в отношении субстантивированных инфинитивов. В зависимости от того, осуществляет ли субстантивированный инфинитив связь с предшествующим или последующим текстом, он является соответ-

ственно средством связи с анафорической (левосторонней) и катафорической (правосторонней) направленностью. Если субстантивированный инфинитив, как средство межфразовой связи, стоит в начале предложения и граничит с предшествующим текстом, то он выполняет левостороннюю (анафорическую) связь. В примере субстантивированный инфинитив *das Verhalten* выражает контекст предшествующих предложений и контактно связан с ними.:

Vorläufig genügt es festzuhalten, dass dem Artikulieren der Äußerung Denkvorgänge, also kognitive Prozesse, vorangehen. Der Sprecher plant offenbar bei jeder Äußerung, an wen sie gerichtet ist, was mitgeteilt werden soll, welchem Ziel die Äußerung dienen soll, z.B. einer Bitte, einer Frage, einer Aufforderung etc. Das alles lässt sich unter das sprachliche Verhalten unterordnen.

Отсылочные причастия и инфинитивы как единицы-сигналы указывают, как последующие или предыдущие высказывания должны логически включаться в процесс коммуникации, а значит демонстрируют умение автора текста строить логическую проекцию на адресата. В научном тексте это является формой воздействия на адресата, обращение к его памяти, интеллектуальной способности воспринимать и перерабатывать доводы, переходя к другим теоретическим положениям, чтобы акцептировать заключения и обобщения.

Таким образом, включение единиц типа субстантивированных причастий и инфинитивов вписывается в отражение рационального мышления, характеризующего научный текст.

УДК 811.112.2'37

Н. В. Куценко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СЕМАНТИКИ КОСВЕННЫХ ПОБУЖДЕНИЙ С ЯЗЫКОВЫМИ ЕДИНИЦАМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются возможности выражения компонентов семантической структуры косвенных побуждений языковыми единицами в немецком языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантическая структура; компоненты значения; директивные высказывания; интерпретация.*

Исследователи не раз обращали внимание на взаимосвязь семантической структуры высказывания и языковых единиц, воплощающих определенное намерение говорящего в речи [1, л. 24; 2, с. 352]. Знание скрытой семантики высказывания приобретает большую роль при анализе речевых актов

с имплицитными смыслами, так как истинная интенция говорящего нередко является в них глубоко скрытой и требует привлечения дополнительной информации для ее правильной интерпретации.

Целью данной работы является рассмотрение специфики семантической структуры высказывания в процессе реализации косвенных побуждений в немецком языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи семантики высказываний и языковых средств, позволяющих говорящему эксплицировать определенное намерение. Материалом для исследования послужили 756 высказываний с семантикой скрытого побуждения, отобранных из немецкоязычной художественной литературы. Основные методы исследования – семантический, компонентный и контекстуальный анализ.

В качестве основных конститuentов побуждения в целом исследователи называют: 1) действие, направленное в будущее, в момент коммуникации еще не реализованное, но объективно возможное; 2) желание говорящего, чтобы слушающий совершил данное действие; 3) право говорящего побудить слушающего к выполнению действия; 4) способность адресата выполнить директиву [1, л. 15]. Анализ практического материала показывает, что данные семантические компоненты находят отражение в языковой структуре косвенного высказывания. Так, возможность выполнения действия, содержащаяся в косвенном побуждении, реализуется посредством форм сослагательного наклонения, например:

Es wäre keine schlechte Idee, ihn mit unseren Waren bekannt zu machen. Wahrscheinlich interessiert er sich dafür. ‘Это была бы неплохая идея, познакомить его с нашими товарами. Возможно, он этим заинтересуется’.

Конъюнктив здесь свидетельствует о некоторой неуверенности говорящего в возможности заключения необходимого контракта. Данная форма показывает также нереализованность действия и его направленность в будущее. Как видно из примера, сослагательное наклонение реализует еще функцию усиления вежливости. Особенностью немецкого языка является то, что для выражения побуждения существует форма кондиционалис 1 (она имеет также название *würde-Form*), например:

Würdest du mit mir nach Deutschland fahren? ‘Ты поехал бы со мной в Германию?’

Посредством такого вопроса говорящий эксплицирует особенно вежливую просьбу, исключаящую оказание давления на слушающего. Данная конструкция относится к конвенциональным средствам выражения косвенной просьбы.

Важной частью семантической структуры высказывания является *желание* говорящего, чтобы действие было совершено, заинтересованность в реализации действия. Данный компонент находит проявление в использовании, прежде всего, оптативных конструкций, например:

Ich hätte gern eine Tasse Tee. ‘Я бы хотела чашку чая’.

Оптативные конструкции позволяют говорящему выразить желание, которое служит логической основой для вывода интенции просьбы. Данная интерпретация становится уместной, если ситуация общения позволяет рассматривать высказывание в качестве побуждения. Оптатив используется в немецком языке преимущественно в повседневном общении между коммуникантами с равным социальным статусом и имеет различные варианты выражения (*ich möchte, dass, ...* ‘я бы хотела’; *mein Wunsch ist jetzt...* ‘мое желание теперь...’; *ich träume davon dass...* ‘я мечтаю о том, чтобы...’; *mein Traum ist, dass ...* ‘моя мечта...’).

Одним из конституентов семантической структуры косвенных побуждений является право говорящего оказывать давление на слушающего. В повествовательных высказываниях с косвенным побуждением данный компонент чаще всего выражается формами индикатива:

Du machst das sofort. Du gehst ins Büro und bringst alle nötigen Dokumente. ‘Ты это сделаешь сейчас же. Ты пойдешь в офис и принесешь все документы’.

Форма индикатива позволяет сформировать достаточно категоричное побуждение, которое обусловлено уверенностью говорящего в выполнении действия, так как оно представляется как уже вполне реализуемое.

Способность коммуниканта выполнить побуждение – важный компонент семантической структуры высказывания, инструментом его языкового воплощения является модальный глагол *können*, например:

Könntest du mir behilflich sein? Ich muss schnell umziehen. ‘Ты не мог бы оказать мне помощь? Я должен быстро переехать.’

При использовании сослагательного наклонения модального глагола *können* говорящий показывает интерес к способности адресата выполнить просьбу, что также повышает уровень речевого этикета коммуникативного акта.

Таким образом, семантические компоненты косвенных побуждений коррелируют с языковыми единицами при реализации директивного намерения в речи. Такие компоненты, как возможность совершить действие, желание говорящего, чтобы адресат совершил действие, право говорящего оказывать давление на слушающего и способность адресата выполнить директив выражаются, прежде всего, в формах сослагательного наклонения, кондиционалис 1, в оптативных конструкциях, а также при использовании индикатива глагола в структуре косвенных побуждений. Учет языковых средств и авторских ремарок при анализе отдельных компонентов семантической структуры высказывания позволяет выявить скрытое побуждение, а также правильно интерпретировать его настоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лейтане, М. Б.* Роль фонетических средств в выражении модального значения настоятельности: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Б. Лейтане. – Минск, 1988. – 220 л.

2. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике : сб. науч. ст. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 349–383.

УДК 811.112.2'362

Т. В. Майсюк

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМИ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Данное исследование посвящено изучению морфолого-синтаксических и функционально-семантических характеристик сложноподчиненных предложений с определительной связью, а также изучению синкретизма данных придаточных.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, определительная связь, определительное придаточное предложение, синкретизм, полифункциональный тип, атрибутивность.

Исследования определительных предложений в различных лингвистических аспектах, несмотря на их достаточную изученность, по-прежнему сохраняют свою актуальность. Во-первых, не во всех работах одни и те же грамматические структуры считаются определительными придаточными. Во-вторых, наименее изученным аспектом является синкретизм определительных придаточных в немецком языке. Так, на материале немецкого языка данное явление было изучено только в функционально-прагматическом поле. Отсутствуют также сопоставительные работы, изучающие это явление на материале немецкого и русского языков.

Материал настоящего исследования составил корпус из 481 примера употребления сложноподчиненных предложений (СПП) с придаточным определительным в немецком языке, полученный методом сплошной выборки из романов Г. Гессе «Степной волк», С. Цвейга «24 часа из жизни женщины», и корпус из 379 примеров употребления данных предложений в русском языке из романов А. Беляева «Борьба в эфире», И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев».

Из всего проанализированного практического материала 348 немецкоязычных примеров (72,4 %) и 210 русскоязычных примеров (55,4 %) представляют собой монофункциональные определительные придаточные предложения, выражающие только атрибутивные значения. Остальные примеры можно отнести к полифункциональному типу придаточных, поскольку наряду со значением атрибутивности они выражают и другие смысловые отношения: изъяснения, пространства, времени, сравнения, условия и пр. Тем не ме-

нее, такие предложения принято относить к СПП с определительной связью, т.к. при анализе учитывается прежде всего морфолого-синтаксическая природа опорного слова, присубстантивность придаточного предложения.

Реализация того или иного дополнительного значения обусловлена, с одной стороны, семантикой имен существительных, определяемых придаточными, с другой стороны, средствами связи придаточной части с главной. Так, как в немецком, так и в русском языках в главном предложении определительно-изъяснительных СПП в качестве опорного слова используются отвлеченные имена существительные со значением восприятия, волевых и эмоциональных состояний, мыслительной деятельности, речи и подобные, связанные происхождением или семантикой с соответствующими глаголами и сохранившие способность к управлению, а также словосочетания, соответствующие по значению глаголам (типа русск. *дать слово, делать вид, прийти к заключению*): *Es ist mir eine Ehre, daß Sie mir so viel Vertrauen schenken.* ‘Для меня большая честь, что вы мне так доверяете [1]; *Распространяй по городу слухи, что я все еще нахожусь у одра тетеньки в Воронеже* [2].

Использование того или иного грамматического показателя приводит к осложнению определительно-изъяснительных придаточных дополнительными семантическими оттенками. Так, русск. союз *будто* привносит в структуру оттенки модального значения недоверности, сомнения, нереальности; союзное слово *как* подчеркивает характер действия, способ его совершения и т.д.: *Во всех знакомых поддерживай уверенность, будто я нахожусь в Воронеже у одра тетеньки* [2]; *Эль ... сделал указания, как управлять этим необычно простым по конструкции летательным аппаратом* [3].

Как в немецких, так и в русских СПП с синкретичными значениями атрибутивности и пространства (пример 1) / атрибутивности и времени (пример 2) в главной части стоят имена существительные с пространственной/ временной семантикой. Еще одним важным показателем реализации пространственного/ временного типа являются союзные слова/ сочетания местоимения с предлогом со значением локальности/ времени, которые связывают обе части предложения и выполняют функцию обстоятельства места/ времени:

1) *Dabei deutete er auf den Vorplatz der Wohnung im ersten Stock, wo eine Witwe wohnte.* ‘При этом он указал на крыльцо квартиры на первом этаже, где жила вдова’ [4]; *Но из дворницкого рта, в котором зубы росли не подряд, а через один, вырвался оглушающий крик* [2].

2) *Er setzte seinen fünfzigsten Geburtstag als den Tag fest, an welchem er sich den Selbstmord erlauben wolle.* ‘Он отметил свой пятидесятилетний юбилей как день, когда он хотел покончить жизнь самоубийством’ [4]; *В ту минуту, когда на протянутой через весь зал проволоке начала спускаться Агафья Тихоновна* [2].

На реализацию значения сравнения указывают соответствующие союзы, напр. немецкие союзы нереального сравнения *als, als ob, als wenn*; русск. *словно, (как) будто*. Отметим, что в русском языке при выражении подобия

используются вопросительные местоимения *какой, который*, часто в сопровождении указательного местоимения *тот* с частицей *же* в главной части. Однако частица *же* и слово *самый* могут не называться, но подразумеваться, ср.: *Великий комбинатор издал (тот же самый) звук, какой производит кухонная раковина, всасывающая остатки воды* [2].

В качестве основных показателей дополнительного значения следствия выступают союзы нем. *dass*, русск. *что* и указательные слова нем. *so, dermaßen*; русск. *такой* перед именем существительным: *Und dann geschah etwas so Furchtbares, daß es kaum wiederzuerzählen ist...* ‘А затем произошло нечто настолько ужасное, что его трудно пересказать...’ [1]; *Острый металлический нос корабля пробил стену огромной толщины с такой лёгкостью, что я не почувствовал даже толчка, как будто эта стена была сделана из картона* [3].

Отличительным признаком придаточной определительной со значением условия является сочетание имени существительного с предлогом *unter der Bedingung* в главной части и союза *dass* в придаточной: *Ich versprach ihm Geld für die Reise und die Auslösung des Schmuckes, freilich nur unter der Bedingung, daß er noch heute abreise.* ‘Я пообещал ему деньги на поездку и выкуп драгоценностей, правда, только при условии, что он уедет сегодня же’ [1].

Таким образом, результаты исследования показывают, что СПП с придаточной определительной в русском языке чаще выражают дополнительные значения в отличие от СПП немецкого языка. Так, в русском языке – это 44,6 %, в то время как в немецком языке – 27,6 %.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в художественных текстах немецкого языка чаще встречаются определительные придаточные с дополнительными значениями изъяснения, места и времени, реже – со значениями следствия и условия, тогда как в русском языке преобладают определительные придаточные со значениями места, следствия, изъяснения, реже – времени и сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zweig, S. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau / S. Zweig.* – Berlin : e-artnow, 2016. – 54 S.
2. *Ильф, И. Двенадцать стульев / И. Ильф, П. Петров.* – СПб. : Азбука, 2015. – 385 с.
3. *Беляев, А. Р. Борьба в эфире / А. Р. Беляев.* – М. : Директ-Медиа, 2016. – 125 с.
4. *Hesse, H. Der Steppenwolf. / H. Hesse.* – Berlin : Aufbau-Verlag, 1963. – 277 S.

С. В. Паремская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА *an*

Анализируются основные диахронические изменения в семантике предлога *an*; выявлен процесс сужения пространственного значения предлога.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *предлог; семантика; пространственные отношения; диахронические изменения.*

Для выражения пространства и пространственных отношений могут использоваться разные части речи, как полнозначные, так и служебные, а также фразеологические единицы и поговорки. С точки зрения семантики одним из наиболее значимых и интересных средств выражения пространственных отношений являются предлоги. Их изучение не только в современном языке, но и в диахронии позволяет выявить закономерности пространственного восприятия, преломленного в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий, через которую человек «видит» и «рисует» окружающий его мир. Изучение предлогов в диахроническом аспекте представляется актуальным в связи с недостаточной его изученностью.

В работе представлены результаты анализа диахронических изменений значения предлога *an*. Анализ проводился на основе онлайн-словарей разных периодов развития немецкого языка с использованием сравнительно-исторического метода.

Предлог *an* 'у, при, около, возле, близ, на, в' относится к группе самых древних, так называемых первообразных предлогов немецкого языка. В. Гримм и Я. Гримм высказывают предположение, что еще в санскрите существовало слово *ani* со значением 'post, secundum, nach', которое обозначало 'близость к чему-либо, нахождение около чего-то' [1]. Из санскрита это слово было заимствовано во многие индоевропейские языки. В немецком языке, начиная со средневерхненемецкого периода, оно существует в форме *an*.

Изначально предлог *an* обозначал, согласно данным словаря Г. Пауля, пространственный контакт, соприкосновение, но в рамках немецкого языка постепенно приобрел и другие, переносные значения. Установлено, что на всех этапах развития немецкого языка – от древневерхненемецкого до нововверхненемецкого – этот предлог являлся многозначным. Так, уже в древневерхненемецком языке он мог выражать пространственное, темпоральное, модальное, инструментальное и объектное значения.

В современном немецком языке *an* является наиболее частотным предлогом, служащим для выражения пространственного значения [2, с. 62]. Пространственное значение этого предлога не является гомогенным. Оно включает в себя локальное и дирекциональное значения, каждое из которых складывается из своих, более точных значений.

В процессе исторического развития произошло сужение пространственной семантики предлога. Так на более ранних этапах развития языка предлог *an* употреблялся в локальном значении при обозначении контакта сверху: ср.: в древневерхненемецком периоде: *sie sizzent an dinemo stuole* 'они сидят на твоём стуле'; в средневерхненемецком периоде: *in deme himile unde an der erden* 'в небе и на земле'; *die bluomen entspringet an der heide* 'на лугу появляются цветы'; в ранневерхненемецком периоде: *das er an der erden lag* 'что он лежал на земле'. В настоящее время в аналогичных контекстах используется предлог *auf* 'на'.

Предлог *an* употреблялся ранее также при обозначении локальных отношений внутри чего-либо, т.е. отношений включения: ср.: в древневерхненемецком периоде: *an dinemo buoche uuerdent sie alle geschriben* 'в твоей книге они все были написаны'; в средневерхненемецком периоде; *an den buochen, dem brive lesen/ schriben* 'читать/ писать в книгах, в письме'; в ранневерхненемецком периоде: *an dem schatten wachsen* 'расти в тени', *am bet liegen/ ruhen/ sterben* 'лежать/ отдыхать/ умирать в кровати'. В современном немецком языке в подобных случаях употребляется предлог *in* 'в'.

В ходе эволюции изменилось и употребление предлога *an* в локальном значении с наименованиями лиц как центром локализации: ср.: в средневерхненемецком периоде *ich suoche helfe an dich* 'я ищу помощи у тебя', в ранневерхненемецком *ain reicher (...) was ain kaufman und hett ain groÙe gesellschaft an im* 'один богатч... был торговцем и у/вокруг него было большое общество'. В первом случае в современном немецком языке используется предлог *bei* 'у', а во втором – *bei* 'у' или *um* 'вокруг'.

Также ранее *an* употреблялся там, где сейчас вообще употребляется беспредложная конструкция: ср.: в средневерхненемецком периоде *an den arm nemen* в значении 'обнимать', в настоящее время данному выражению соответствует глагол *umarmen* 'обнимать'.

Таким образом, диахроническое исследование семантики предлога *an* показало, что в процессе развития немецкого языка наблюдаются изменения его локального значения. Установлены изменения в сторону сужения этого значения, что могло быть вызвано переосмыслением пространственных ситуаций и обусловленным этим перераспределением функций между локальными предлогами. Проверка этой гипотезы и выявление закономерностей в развитии системы предлогов немецкого языка станет предметом нашего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deutsches Worterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Electronic resource]. – Mode of access: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#1>. – Date of access: 05.09.2022.

2. Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

УДК 81.161'42:070(476)

А. А. Биюмена, к.ф.н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ В БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЕ

Рассматривается диалогичность как прагматическая категория печатного медиадискурса. Анализируется потенциал прецедентных феноменов как способа экспликации диалогичности в прессе Беларуси.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиадискурс, пресса, диалогичность, прецедентный феномен.*

Медиадискурс представляет собой особое коммуникативное пространство, характеризующееся массовым адресатом и социальной значимостью информации, в котором формируется медиакартина мира как его специфическая проекция, отражающая и создающая социальную реальность. Медиадискурс выполняет важные социальные функции, включающие в себя формирование ценностных ориентаций общества, социализацию индивидов, интеграцию и консолидацию общества.

Функционирование медиадискурса детерминировано рядом экстралингвистических факторов – идеологическими установками конкретного общества, политической, социокультурной, экономической, демографической ситуацией и т. д. Дихотомия «свои – чужие» выступает в роли фундаментальной оппозиции медиакommunikации, определяющей выбор тактико-стратегического и языкового репертуара для репрезентации тех или иных объектов и распределение аксиологически маркированных знаков в медиатексте. Конститутивными особенностями медиадискурса являются ритуализованность и экспрессивность, аксиологичность и социальная оценочность.

Прагматические категории медиадискурса – это его фундаментальные характеристики, обеспечивающие эффективность коммуникации и прагматического воздействия на реципиента. При этом диалогичность представляет собой макрокатегорию, на которой базируется установление контакта между адресантом и адресатом медиатекста и поддержание субъект – субъектных отношений между ними, что, в свою очередь, лежит в основе реализации других прагматических категорий в пространстве медиадискурса.

Диалогичность является базовым свойством газетного текста, предполагающим адресованность журналистских материалов читательской аудитории и нацеленность на ее ответную реакцию.

Один из типов диалогичности в прессе – интертекстуальная диалогичность как связь данного текста с другими текстами, соотнесенность отдельного текста с определенным текстовым типом как моделью производства и восприятия аналогичных текстов [1, с. 64]. Интертекстуальность манифестирует текстовую открытость, отражающую «процесс “разгерметизации” текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми / смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [1, с. 176].

Мы проанализировали **прецедентные феномены (ПФ)** в 210 заголовках статей, опубликованных в белорусских республиканских, областных, районных, городских газетах. Результаты исследования показывают, что значительная доля прецедентных феноменов в материалах печатных изданий является отсылками к художественным произведениям советского периода, что обусловлено ориентацией газет на «своего» читателя.

Так, 12,4 % всех ПФ материале исследования отсылают читателя к фильмам и мультфильмам советского периода: *Он обещал – он вернулся* («Союз», 25.06.2020); *Прыгажуня, разумніца, адказны чалавек* («Витебские вести», 28.01.2020), *Пес Барбос и необычный спрос* («Минский курьер», 03.06.2020); *Свой среди своих* («Мінская праўда», 17.12.2019); *Единственная и неповторимая* («Кричевская жизнь», 25.06.2018); *Обыкновенное чудовище* («Минский курьер», 03.12.2021); *Последние из могикан* («Народная газета», 03.12.2021); *Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен* («Гомельская праўда», 03.12.2020).

Более четверти всех прецедентных феноменов в материале исследования (28,1%) – это строки из песен, популярных в СССР: *Дорогие мои земляки...* («Кричевская жизнь», 25.06.2018); *Материнское сердце – не камень* («Кричевская жизнь», 18.06.2018); *На недельку... Я уеду...* («Лунінецкія Навіны», 01.08.2017); *Отслужи как надо и учись* («СБ-Беларусь сегодня», 06.06.2020); *Школьной ярмарки краски* («Сельская газета», 28.08.2018); *Мои года – мое здоровье* («Витебские вести», 29.02.2020); *Чуть помедленнее гоним* («Сельская газета», 28.08.2018); *Солнечный круг* («Минский курьер», 05.06.2020).

Также в проанализированных заголовках встречаются названия и строки из литературных произведений советского периода, в том числе, написанных для детей (2,9 %): *Утиная пехота* («Минский курьер», 02.06.2020); *А у нас в квартире газ!»* («Кричевская жизнь», 13.02.2021);

Использование ПФ в медиадискурсе выполняет информативную и аргументативную функции, усиливает выражаемые идеи, оценки и экспрессивную насыщенность журналистского произведения и служит средством эстетического воздействия на аудиторию. Функционируя в пространстве прессы, прецедентные феномены выполняют также функции привлечения внимания адресата, передачи смысла сообщения и создания эффекта комического. Их использование в заголовках нередко выполняет людическую (игровую функцию) – создатель текста вовлекает адресата в игру, целью которой является припоминание цитаты и ее источника, побуждение реципиента к активной мыслительной работе.

В рамках рассмотрения медиакommunikации как равноправного диалогического общения адресанта и адресата весьма значимой нам представляется парольная функция прецедентных единиц, заключающаяся в демонстрации принадлежности автора текста к той же социальной группе, что и читатели, моделировании общности адресанта и адресата через понимание имплицитных смыслов и коннотаций [2; 3, с. 29] – читатель, «откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы “своим”, “посвященным”. Таким образом, читатель и автор образуют своего рода “команду”, группу единомышленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от “непосвященных”» [4, с. 143–144]. Таким образом, рассматриваемые единицы служат фактором солидаризации, объединения адресата и адресанта на основе общего жизненного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2009. – 248 с

2. *Верховцова, Т. О.* Лингвокультурные особенности функционирования прецедентных феноменов в заголовках газет (на материале русскоязычной прессы Беларуси) / Т. О. Верховцова // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2008. – № 1. – С. 49–53.

3. *Каминская, Т. Л.* Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Т. Л. Каминская ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 45 с.

4. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 207 с.

УДК 821.112.2(436)-2.09

Т. Г. Барычэўская

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

РОЛЯ ЭКСПЕРЫМЕНТА Ў ТВОРЧЫМ СТАНАЎЛЕННІ П. ХАНДКЕ

Разглядаецца індывідуальны падыход знакамітага аўстрыйскага драматурга Петэра Хандке да выкарыстання эксперыментальных мастацкіх сродкаў на прыкладзе ранняй гутарковай п’есы аўтара “Прадказанне”.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *эксперымент; традыцыя; тэатр; развіццё; мова; метафара.*

Драматургічны эксперымент – шматмерная з’ява, чые актуальныя праявы ніколі не былі замкнёныя ў рамках нацыянальнай тэатральнасці. Яго заўсёды жывілі і натхнялі як сінхронныя працэсы ў развіцці сусветнай

драмы, так змена культурных і моўных характарыстык грамадства. Адным з выдатных узораў таго, як пошукі якасна новага падыходу да тэатра прывялі аўтара шляхам эксперыменту да статусу класіка нацыянальнай літаратуры, з’яўляецца шматгранная творчасць лаўрэата Нобелеўскай прэміі па літаратуры 2019 года, аўстрыйскага драматурга, паэта, празаіка і публіцыста Петэра Хандке (Peter Handke, нар. у 1942).

П. Хандке паспрабаваў свой талент у многіх галінах культуры і літаратурных напрамках і заўсёды ўдала пазбягаў нават адцення эпігонства, аднак усе яго творы сведчаць аб уменні ацаніць і выкарыстаць здабыткі мінулага. Нават тыя канцэпцыі, да якіх драматург падыходзіць досыць крытычна (напрыклад, эпічны тэатр Б. Брэхта), пакінулі выразны адбітак на яго прафесійным стылі – так, у раннім нарысе “Вулічны тэатр і Тэатральны тэатр” (1968) П. Хандке сцвярджае: “Брэхт – гэта той пісьменнік, што даў мне падставу для роздуму” [1, с. 51] (*тут і далей пераклад на беларускую мову наш. Т.Б.*).

Вядомы аўстрыйскі літаратуразнаўца Вендэлін Шмідт-Дэнглер лічыць, што ўнёсак П. Хандке ў працэс развіцця аўстрыйскай літаратуры бачны ўжо па тым, што драматург заўсёды згадваюць тады, калі справа ідзе аб глабальным эксперыменце: “Здаецца, што менавіта ён пачынаў кожную “новую хвалю”, ён зрабіў гэта уласным прынцыпам – ужываць пры працы над кожным творам новы стыль ці займаць новую пазіцыю <...>. Гэта прывязвае аўтара да (магчыма, фатальнага) прынцыпа інавацыі” [2, с. 255].

Петер Хандке пачаў сваю творчую кар’еру з таго, што зараз назвалі б добрым PR-крокам: у 1966 годзе ён на прынстанскім пасяджэнні “Группы 47” папракнуў сваіх знакамітых калег-літаратараў у кансерватызме і творчым бяссілі. Але неўзабаве аўтар сам зрабіўся надзвычай рэфэрэнтнай асобай у літаратурным сусвеце, а таксама лаўрэатам шматлікіх узнагарод. Пры гэтым аўстрыйскі драматург не толькі ішоў шляхам лінейнага эксперыментальнага развіцця тэатральнай п’есы як літаратурнага жанру, але паралельна выходзіў за рамкі апісальнай функцыі мовы-сродку, каб паказаць яе самакаштоўнасць. Ідэю “ўсеабдымнасці” мовы аўтар пачаў распрацоўваць ужо ў сваіх ранніх гутарковых п’есах: “Прадкажанне” (“Weissagung”, 1964), “Самаабвінавачванне”, (“Selbstbeziehung”, 1965), “Крыкі аб дапамозе” (“Hilferufe”, 1967) і “Каспар” (“Kaspar”, 1968).

На прыкладзе даволі кароткага (13 старонак) твора “Прадкажанне” бачна, як малады аўтар спалучае традыцыю і інавацыю дзеля дасягнення сваіх творчых мэтай. Так, эпіграфам да п’есы П. Хандке абірае цытату з верша знакамітага рускага паэта Восіпа Мандэльштама “Той, што знайшоў падкову (Піндарычны ўрываек)” (1923): *З чаго пачаць? / Усё траішчыць і гойдаецца. / Паветра дрыжыць ад параўнанняў. / Ніводнае слова не лепшае, чым іншае, / Зямля гудзе метафарай* [3, с. 51]. Радкі эпіграфа ўяўляюць сабой квінтэсенцыю галоўнай думкі драматурга – метафары падчас замянаюць разуменню сапраўднай сутнасці з’явы ці прадмета, адцягваючы ўвагу на сябе і патрабуючы веры і нават паслухмянасці.

Пазней П. Хандке назаве сваю п'есу, што складаецца з банальных таўталагічных сентэнцый, прадэкламаваных паасобку і ва ўнісон чатырма чытальнікамі (*Мухі будуць мерці, як мухі* [3, с. 53]; *Яўрэй будзе таргавацца, як яўрэй* [3, с. 55]; *У тэатры вы будзеце падавацца сабе, як у тэатры* [3, с. 57]), фармальным вопытам, без якога ў яго творчасці было б больш свабоды. Але гэты вопыт каштоўны эксперыментальным аўтарскім стаўленнем да класічных мастацкіх сродкаў: метафарызм П. Хандке адрозніваецца ад больш традыцыйнага ўспрымання гэтага сродка іншымі аўтарамі і набліжаецца да пастулатаў абсурдызму. Падобным жа чынам звяртаецца да “народных мудрасцяў” і чэшскі драматург-абсурдыст Вацлаў Гавел у сваім творы “Свята ў садзе” (1963), дзе праз прызму паводзінаў сям’і Прудэкаў падаецца вострая сатыра на барацьбу функцыянераў рознага калібру за ўладу: В. Гавел кантрастна абыгрывае метафару, ужываючы побач з агульнавядомымі выразамі прыдуманых аўтарам абсурдных “прымаўкі”-пароды.

Самі чытальнікі ў п'есе “Прадказанне” пазначаныя як “a, b, c, d”, што выклікае асацыяцыі з п'есай “Эмігранты” (1973) прадстаўніка польскага тэатра абсурду Славаміра Мрожака, дзе галоўныя героі – гэта “AA” ды “XX”. Такі прыём, безумоўна, дапамагае ў пэўнай ступені нівеліраваць персанажы і падкрэсліць іх “штучнасць”, што даволі характэрна для антытэатральнай эстэтыкі. Але калі С. Мрожак універсалізуе вобразы, набліжаючы іх адначасова да горкаўскіх “герояў дна” і бекетаўскіх Уладзіміра і Эстрагона, то П.Хандке ставіць сабе яшчэ некалькі мэтай: па-першае, ён пазбаўляе дэкламатараў персанальнасці, каб перанесці акцэнт на іх словы, па-другое – атрымлівае магчымасць для своеасаблівай “разбіўкі” тэкста на сола, дуэт, трыя і хор.

Такі прыём уяўляе сабой паралельны эксперымент з жанравай формай і дазваляе стварыць дадатковы візуальны аспект тэксту: на апошніх дзвюх старонках сказы ідуць “лесвіцай”. Гэты авангардысцкі элемент – праява аўтарскай зацікаўленасці стылем “канкрэтнай паэзіі”, якому аддалі даніну і іншыя драматургі і пісьменнікі-эксперыментатары сярэдзіны і другой паловы XX ст. Асабліва гэта тычыцца прадстаўнікоў так званай “Венскай групы” (Ханс Карл Артман, Фрыдрых Ахляйтнер і іншыя), што існавала ў 50-х – 60-х гг. XX ст. Іх творчая канцэпцыя была, як і ўсе тагачасныя новаўвядзенні, даволі холадна ўспрынятая большай часткай аўстрыйскай публікі, але аўтары рашуча прытрымліваліся радыкальнай тэндэнцыі разглядаць мову адначасова як аптычны і як акустычны матэрыял. Менавіта так яе ўспрымае і Хандке, працягваючы адначасова традыцыю знакавага аўстрыйскага драматурга першай паловы XX ст. Эдэна фон Хорвата.

Заўсёды лічылася, што “канкрэтная паэзія” дае літаратару магчымасць адчуць сябе адначасова і мастаком, але П. Хандке даволі рана прыходзіць да ўласнай высновы адносна ролі эксперымента ў сваёй творчасці: “Словы, з якіх складаюцца гутарковыя п'есы, даюць не малюнак свету, а паняцце аб свеце” [3, с. 95]. Як свярджаў вядомы беларускі даследчык А. А. Гугнін: “Па

Хандке, мова дыктуе чалавеку паводзіны” [4, с. 140], і таму нельга разглядаць творчы падыход аўстрыйскага драматурга як механічную фармальную гульню з радкамі. Эксперымент дзеля эксперымента не задавальняе аўтара – ён эксперыментуе з моўнымі мастацкімі сродкамі, каб падкрэсліць асноўную ідэю і прымусіць рэцыпіента (чытача ці глядача) ярчэй успрыняць сэнс словаў і змяніць хоць нешта ва ўласным стаўленні да жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. *Handke, P. Ich bin ein Bewohner des Elfenbeinturms / P. Handke.* – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1972. – 234 S.
2. *Schmidt-Dengler, W. Bruchlinien. Vorlesungen zur österreichischen Literatur 1945 bis 1990 / W. Schmidt-Dengler.* – Salzburg und Wien : Residenz Verlag, 1995. – 559 S.
3. *Handke, P. Publikumsbeschimpfung und andere Sprechstücke / P. Handke.* – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1979. – 97 S.
4. *Гугнин, А. А. Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография / А. А. Гугнин.* – Новополоцк ; М. : Науч. центр славян.-герм. исслед. ИС РАН, 2000. – 207 с.

УДК 811.111'362

И. В. Дмитриева

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

В. В. Павлова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной работе показаны различия в способах вербализации информации о метеорологических процессах носителями английского и русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метеорологический процесс; явление; глагол; безличность, синтаксис.

Основным средством языковой репрезентации ситуации считается предложение, которое своим лексическим составом и синтаксической структурой вербализует передаваемую информацию. Выявление специфики языковой объективации денотативных ситуаций разного типа представляется весьма актуальным, так как способствует формированию целостной системы взглядов о семантико-синтаксических механизмах языковой репрезентации ситуаций в разных языках. Материалом для анализа послужили предложения, отобранные методом сплошной выборки из художественных произведений американ-

ских и британских авторов, а также тексты их переводов на русский язык. Основными методами исследования стали синтаксический и семантический анализ предложения, компонентный анализ лексических единиц, а также сопоставительный анализ.

Метеорологические процессы могут быть представлены как динамически (развивающиеся во времени), так и статично-номинативно, что соотносится с использованием соответствующих глаголов и имен существительных. Особенностью синтаксического употребления метеорологических глаголов в английском языке является их преимущественное использование в конструкциях SV с формальным безличным *it* в позиции подлежащего: *It rained all day* 'дождь шел весь день'. С точки зрения структурной организации такие примеры относятся к двусоставным предложениям, однако семантическая опустошенность элемента в позиции подлежащего указывает на обезличенность называемого процесса. Это позволяет говорить о синкретичности процесса, именуемого метеорологическим глаголом, и соответствующего ему метеорологического явления, номинация которого может осуществляться именем существительным.

Наряду с отмеченными выше употреблениями для вербализации метеорологических ситуаций в английском языке могут использоваться конструкции SV, где в позицию субъекта помещается существительное, называющее метеорологическое явление, например: *The thunder sounded in the distance* 'Вдалеке гремел гром'. В таких предложениях с определенной регулярностью в правосторонней комплементации глагола представлен или сирконтант, характеризующий способ протекания процесса, условия развертывания ситуации (SVCirc): *A light breeze blew gently* 'нежно дул легкий ветерок'; или комплемент к подлежащему, указывающий на характеристику называемого явления: *The valley mists were thick* 'туманы в долине были густыми'. Из этого следует, что использование в позиции подлежащего существительных, называющих метеорологические явления, предпочтительно в случаях, когда говорящему необходимо подчеркнуть характеристику процесса или явления.

При сопоставлении английских предложений с их официальными литературными переводами на русский язык было выявлено, что для вербализации информации о метеорологических процессах в русском языке используются преимущественно назывные предложения или двусоставные предложения с подлежащим, выраженным существительным со значением метеорологического явления.

Анализ комбинаторики лексико-семантических единиц, называющих метеорологические явления, с учетом их внутригруппового деления по семантическому признаку позволил установить, что в русском языке для существительных, обозначающих выпадение осадков, характерно их употребление в сочетании с глаголом *идти*:

It sleeted the next day, but as the wintry twilight drew on the icy particles stopped falling and a cold wind blew 'на следующий день шел мокрый снег, но когда сгустились зимние сумерки, ледяная крупа перестала сеяться с неба и задул холодный ветер'.

But it poured and you almost never put the top down ‘Но шел сильный дождь и вы почти так и не отрыли вверх машины’.

Являясь глаголом перемещения в пространстве, глагол *идти* подчеркивает динамику данных метеорологических процессов и предполагаемое ими перемещение частиц.

Помимо глагола *идти*, в двусоставных предложениях с существительными, обозначающими метеорологические явления в позиции субъекта, в качестве предиката могут употребляться глаголы общей семантики *быть* и *происходить*:

Kelly, the weekend Courtney disappeared, it poured the whole time ‘Келли, на тех выходных, когда Кортни пропала, весь день был ливень’.

He'll look after you, even if it thunders ‘он защитит тебя, когда будет гроза’.

When it rains, landslides cover people's houses and it floods – people are dying because of this ‘когда идут дожди, оползни накрывают людские жилища, происходят наводнения - люди гибнут’.

Следует отметить, что двусоставные безличные английские предложения оригинала могут быть представлены односоставными назывными русскими предложениями, которые подчеркивают не процессуально-динамический, а фактуальный характер метеорологических явлений:

But it doesn't just rain... it storms! ‘и не просто дождь, а ливень!’

Кроме того, аналогами английских сложноподчиненных предложений с метеорологическими глаголами в придаточной части при переводе на русский язык регулярно становятся простые предложения с метеорологическими существительными в качестве второстепенных членов предложения:

Is she still nervous when it thunders? ‘Все ещё боится грома?’

When it floods, we can swim or go fishing ‘Во время прилива купаемся или рыбачим’.

Безличные конструкции, как в английском, так и в русском языке характерны для употреблений с глаголами *to drizzle* ‘моросить’, *to mizzle* ‘накрапывать, моросить’, *to sprinkle* ‘брызгать мелким дождем’, моросить, накрапывать’, которые в обоих языках обладают единым компонентом значения «перемещение мелких частиц».

Таким образом, было установлено, что информация о метеорологических ситуациях по-разному вербализуется в речи носителей английского и русского языков. В языковой картине мира носителей английского языка метеорологическое явление и метеорологический процесс представлены раздельно, о чем свидетельствует сосуществование в системе английского языка лексических пар глагол-существительное (*to rain – rain, to snow – snow*). При этом разделение на семантически полнозначный субъект процесса (агентив) и собственно процесс в структуре английского предложения не является обязательным, что проявляется в преобладающем использовании безличных конструкций с метеорологическими глаголами в позиции предиката. В русском языке, напротив, можно отметить доминирование номинативных субстантивов-существительных (*дождь, снег*) при отсутствии соответствующих

глагольных единиц, а также последовательное вербальное членение метеорологических ситуаций на агентив и собственно процесс, что отражается в преимущественном использовании определенно-личных двусоставных конструкций.

УДК 811.111'42

Н. В. Копытко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

РОЛЬ ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ГЕРОЯ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РАССКАЗЕ ДЖ. К. ОУТС «ОБЕЗДОЛЕННЫЕ»

Рассматриваются особенности эмотивного компонента в языковой картине мира персонажей художественной литературы. Представлена специфика англоязычной лексики, связанной с выражением эмоций в художественном дискурсе.

Ключевые слова: эмотивный компонент, картина мира, герой-интеллектуал, эмоциональное состояние субъекта, эмоциональная картина мира, эмотивная лексика.

Эмоциональный компонент является важной составляющей языковой картины мира, поскольку именно в процессе рационального осмысления и вербализации субъективного эмоционального опыта индивида происходит ее становление и развитие. В нашем исследовании предпринята попытка выявить специфику англоязычной лексики, связанной с выражением эмоций, и ее роль в передаче авторского замысла в художественном дискурсе на материале рассказа современной американской писательницы Джойс Кэрол Оутс (Joyce Carol Oates, род. в 1938 г.) «Обездоленные» («The Bereaved», 2018). Основной темой рассказа является преодоление душевной боли и чувства утраты после смерти близкого человека.

В центре повествования – Макс и Ребекка Нидхэмы, интеллектуалы средних лет, которые узнают о трагической смерти Дафны Нидхэм, двадцатидвухлетней дочери Макса от первого брака, живут под гнетом этой утраты, все больше отдаляясь друг от друга. Пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, преодолеть отчаяние и раскол в семейных отношениях, они отправляются в круиз по Центральноамериканскому побережью Тихого океана и путешествуют по островам Галапагос – экзотическим местам, которые никак не связаны с воспоминаниями о Дафне. Значимо, что, Дж. К. Оутс помещает своих героев-интеллектуалов в заведомо неинтеллектуальное окружение и наблюдает за тем, как они ведут себя в нем, постоянно акцентируя внимание читателя на их эмоциональных реакциях, особенно на эмоциональном состоянии Ребекки, точка зрения которой является в повествовании доминантной.

Остановимся подробнее на следующих эмоциональных состояниях главных героев рассказа: чувстве утраты, вины, страхе, депрессии, ощущении безысходности, отчаяния, безутешности и обездоленности: *We should go away. Separately. <...> Rhymes with desperately* 'Нам нужно куда-нибудь съездить. По отдельности. <...> Рифмуется с отчаянно'. Последнее эмоциональное состояние передается уже словом *bereaved* 'обездоленный', вынесенным в заглавие рассказа и представляющим его идейно-смысловую доминанту, ориентирующую читателя на восприятие художественного произведения с точки зрения изображенных в нем эмоций главных героев, связанных с невозможной утратой.

Согласно Кембриджскому словарю, слово *bereaved* означает «the person or people whose close relation or friend has recently died» [1]. В Большом Новом англо-русском словаре приводятся следующие варианты перевода этого слова: 'потерявший родственников', 'осиротевший' [2, с. 222]. Этимологический словарь указывает на происхождение данной лексической единицы от древнеанглийского *bereafian* 'лишать, отнимать силой, захватывать, грабить' [3]. Интересно, что в семантической парадигме изображения эмоциональных реакций Макса и Ребекки реализуются все эти значения, отражающие эмоциональную составляющую их картины мира.

Наряду с предельной эмоциональностью, отличающей картину мира главных героев в их нелегкой жизненной ситуации, ее характерной чертой является ярко выраженная контрастность, которая реализуется, прежде всего, на композиционном уровне. Рассказ построен на контрастах, которые представлены на разных повествовательных уровнях. На уровне персонажей интеллигентная и состоятельная семья Нидхэмов (*middle-aged, Caucasian, clearly educated and well-to-do, "fit"* [кавычки Дж. К. Оутс] 'средних лет. Белые, несомненно образованные и состоятельные, «обычные»' [4]) противопоставлена другой семье на корабле, которую Ребекка про себя называет «семьей с фотографий Дианы Арбус». Д. Арбус была знаменитым американским фотографом, героями снимков которой часто становились люди с физическими отклонениями. Неудивительно, что характеристика этой семьи изобилует негативно окрашенной эмоциональной лексикой: *obese* 'толстый', *shapeless* 'бесформенный', *whining voices* 'ноющие голоса', *the girl's protruding tongue* 'постоянно высунутый язык девочки', *the freak-family* 'семья уродцев' [4]. В один из моментов, когда их круизная группа посещает с экскурсией тюрьму на одном из островов залива Чирики, Ребекка мысленно восклицает, что «таких людей, как они, должны держать в заключении» [4].

На пространственном уровне: противопоставление северного и южного полушарий, экзотичность Галапагосских островов, в пространственном контексте которых происходит «анимализация» персонажей через сравнение их с животными и персонификация поведения животных, в частности, поведения обезьян-ревунов на одном из островов.

Таким образом, семья Нидхэмов переживает глубокий психологический кризис. К чувству утраты у Ребекки добавляется чувство вины за то, что она не откликнулась на просьбу падчерицы о помощи, просто удалив ее сообщение с телефона и ничего не сказав об этом мужу. Она вновь переживает эту ситуацию нравственного выбора того, остаться ли в стороне или вмешаться и помочь, когда становится свидетельницей отчаянной попытки Натали – девочки-подростка из «семьи с фотографий Дианы Арбус» прыгнуть в океан с палубы их круизного лайнера. Этот момент в рассказе можно рассматривать как кульминационный, поскольку все эмоции главной героини достигают здесь максимального накала. Ребекка бросается на помощь подростку, но вместо благодарности слышит лишь упреки и оскорбления ее властного и бесцеремонного отца. Однако ни реакция находящейся в состоянии аффекта девочки, ни реакция ее грубияна-отца не становятся препятствием на пути выхода Ребекки из состояния депрессии после смерти Дафны. Это своеобразная шоковая терапия, которую ей суждено испытать, чтобы жить дальше, разрушив ледяную стену отчуждения между ней и мужем.

В этом плане глубоко символична развязка рассказа, представленная в заключительном абзаце. Когда Ребекка отчаивается преодолеть отчуждение мужа и помочь ему избавиться от горя, вызванного утратой единственного ребенка, она предлагает ему расстаться. Но тут происходит неожиданное: Макс берет ее за руку (на протяжении всего рассказа подчеркивается отсутствие какого бы то ни было контакта между ними) и предлагает продолжить их совместную жизнь. Эта необычная сцена примирения супругов представлена на фоне заката над океаном, где «алеющее небо» автор сравнивает с потрепанным и изорванным холстом» [4]. Далее Дж. К. Оутс описывает Ребекку и Макса, крепко держащихся за руки, как «пловцов, которые тонут вместе, рука об руку» [4]. Подобные сравнения заставляют читателя думать о неминуемо приближающемся конце, но важно то, что на пути в Вечность герои остаются вместе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bereaved>. – Date of access: 20.09.2022.

2. Новый Большой англо-русский словарь = New English-Russian Dictionary : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. – 8-е изд. стер. – М. : Рус. яз., 2003. – 3 т.

3. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com/word/bereave>. – Date of access: 18.09.2022.

4. *Oates, J. C. Beautiful Days* [Electronic resource] / J. C. Oates. – New York : Ecco/ Harper Collins Publishers, 2018. – Mode of access: https://www.online_readfreebooks.com/en/Beautiful-Days-Stories-173513/18. – Date of access: 10.09.2022.

В. А. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

Е. А. Крамышева

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТИФЛОКОММЕНТАРИИ К СЕРИАЛУ *KU'DAMM 56*

На материале немецкоязычного тифлокомментария к телесериалу *Ku'damm 56* (ZDF, 2016) в настоящей работе исследуются способы вербализации категории пространства как сюжетобразующего элемента.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *тифлокомментирование; аудиодескрипция; категория пространства; пространственная картина мира; вербализация пространства.*

Пространство представляет собой одну из важнейших фундаментальных категорий, лежащих в основе сознания и мировосприятия человека. Категория пространства является неотъемлемой частью картины мира, в частности, языковой: «В языке отражаются как универсальные черты восприятия пространства, так и различия, связанные с особенностями образа жизни людей и их материального производства» [1, с. 85]. Пространство способно взаимодействовать с другими универсальными категориями: пространство и время образуют пространственно-временной континуум, или хронотоп [2, с. 234–240].

Люди с нарушением работы органов зрения воспринимают мир и, в частности, пространство иначе. Чтобы адаптировать и сделать доступной визуальную информацию для данной категории людей, применяется тифлокомментарий, под которым понимается аудиальная информация, подготовленная с целью замещения визуальной [3, с. 62]. Ключевым моментом является «создание сбалансированного, не нарушающего восприятие оригинального фильма текста-описания мест происходящих событий, персонажей фильма, их действий и реакций» [4, с. 14].

На материале тифлокомментария к немецкоязычному сериалу *Ku'damm 56* (ZDF, 2016), повествующем о молодом поколении 50-х гг. (период после окончания Второй мировой войны, известный как немецкое экономическое чудо), нами предпринимается попытка анализа особенностей вербализации пространства в тифлокомментарии как особом способе концептуализации действительности.

Одна из сюжетных линий сериала посвящена драматическим взаимоотношениям героев: мать с дочерьми живет в западном Берлине, отец же по идеологическим соображениям живет в восточном Берлине. Восточный Берлин в сериале противопоставляется западному Берлину, его укладу жизни.

Пространство здесь не только выполняет функцию фона для происходящих событий, но и заключает в себе культурно релевантную информацию, необходимую для развития и правильного восприятия сюжета. Отразить это задача тифлокомментатора.

Обратимся к анализу фрагментов.

(1) *In Ostberlin. Gerd sitzt mit einer Zeitung in einer Kneipe.*

Во фрагменте (1) употреблен топоним – *Ostberlin*, т.е. восточный Берлин. Это первое указание на восточный Берлин в сериале: до этого основным местом действий был западный Берлин. При смене места действия на экране необходимо задать новые координаты, чтобы зритель с нарушением зрения мог ориентироваться в происходящих событиях. Указание на то, что действие теперь разворачивается в восточном Берлине (выражено предложной группой *in Ostberlin*), вызывает у зрителя в том числе определенные ассоциации, связанные с культурно-историческими событиями того периода. Далее следует указание на непосредственное положение героя в пространстве: Герд, отец, находится в пивном заведении (*sitzt in einer Kneipe*). Употребление неопределенного артикля (*in einer Kneipe*) свидетельствует о том, что это место для зрителя новое. Так как далее во фрагменте отсутствуют иные конкретизирующие место пояснения, можно сделать вывод, что эта локация (*Kneipe*) не столь значима для сюжета в целом.

(2) *Caterina faltet einen Brief auf, darin steht in Maschinenschrift: „Gerd Schöllack ist im August 1954 aus der Kriegsgefangenschaft zurückgekehrt“. Die derzeitige Wohnanschrift: Wollankstraße 44 in Berlin-Pankow, Lehrer an der 5. Grundschule Berlin-Friedrichshain.*

Фрагмент (2) сообщает, что Катерина, мать семейства, читает оповещение об освобождении из плена ее мужа, которого вся семья считала погибшем на войне. В озвученном тифлокомментатором оповещении содержится текущий адрес проживания и место работы мужчины. В тифлокомментарии присутствует ряд топонимов, которые указывают на конкретное место нахождения героя в восточном Берлине: *Wollankstraße, Berlin-Pankow* и *Berlin-Friedrichshain*.

(3) *Er deutet auf eine Stuhlreihe. Einander zugewandt setzen sie sich, zwischen ihnen ist ein Platz frei.*

Во фрагменте (3) пространство выражается режиссером в виде некой метафоры, которую тифлокомментатор умело интерпретирует. Катерина и Герд не виделись с тех пор, как тот ушел на фронт, это первая встреча мужа и жены, которые, очевидно, теперь находятся по разные стороны, как в прямом смысле, так и в переносном. Герд, осознавший ужасы войны и свое участие в этом, хочет искупить свои грехи, поэтому он живет в восточном Берлине и работает учителем в школе. Катерина тоже преподает, но в школе танцев для взрослых в западном Берлине. Катерина – часть капиталистического общества, для нее важен статус и положение в обществе, безбедная жизнь и удачное замужество дочерей; Герд, разделяя раньше позицию Катерины, теперь осознал, что такая жизнь ему не подходит, он обращается к вопросам нравственности и пытается загладить свою вину перед человечеством, работая на благо общества. Теперь между некогда близкими людьми

пропасть, которая уже не позволит им понять друг друга. Это отражается и в описании места действия в тифлокомментарии. Герд показывает на ряд стульев (*er deutet auf eine Stuhlreihe*), где каждый может выбрать место и занять его. Катерина и Герд садятся (*setzen sich*), хотя их положение можно назвать обращённым к друг другу (*einander zugewandt*), между ними остается свободный стул (*zwischen ihnen ist ein Platz frei*). Через описание пространства и местоположения героев в нем тифлокомментатору удастся передать непосредственный конфликт героев.

В заключении следует отметить, что пространство в тифлокомментарии способно не только служить «хранилищем» объектов и фоном действий, но и сообщать огромный пласт культурно значимой информации, а также выступать в качестве сюжетобразующего элемента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ноздрина, Л. А.* Поэтика грамматических категорий : курс лекций по интерпретации художественного текста / Л. А. Ноздрина. – М. : ТЕЗАУРУС, 2004. – 212 с.
2. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. *Ваньшин, С. Н.* Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых : инструктивно-методическое пособие / С. Н. Ваньшин, О. П. Ваньшина ; под общ. ред. вице-президента ВОС В. С. Степанова, канд. пед. наук С. Н. Ваньшина. – М. : Логосвос, 2011. – 61 с.
4. *Анищенко, А. В.* Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией среде / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 9 (838). – С. 11–22.

УДК 811.112.2'42

Н. В. Лавринович

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск, Беларусь

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЧНОГО ОТКАЗА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются средства реализации категоричного отказа на материале художественных текстов немецкого языка. Описываются способы интенсификации категоричности в ситуации отказа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *отказ; категоричное высказывание; языковые средства; интенсификаторы; прагматика.*

Ввиду конфликтной природы отказа партнеры по коммуникации зачастую стремятся к нивелированию его негативных последствий при помощи разнообразных митигативных средств. Однако в процессе взаимодействия

подобная коммуникативная установка не всегда является приоритетной. Нередко в силу определенных обстоятельств конфликт интересов собеседников обостряется, и они прибегают к использованию категоричных высказываний – безапелляционных, однозначных, демонстрирующих незыблемость принятого решения [1, с. 94]. Сигнализируя о решительной неготовности говорящего идти на компромисс, категоричный отказ одновременно транслирует и чрезмерно негативное отношение говорящего к волеизъявлению собеседника, а, в ряде случаев, и к самому собеседнику, что влечет за собой разнообразные прагматические эффекты: от обиды и раздражения до разрыва коммуникации.

Как показывает материал исследования, одним из наиболее употребительных средств демонстрации категоричности в немецком языке являются отрицательные наречия *nie* ‘никогда’, *niemals* ‘никогда’, *nimmer* ‘никогда’, *auf keinen Fall* ‘ни в коем случае’, *keinesfalls* ‘ни в коем случае’ и др. В семантике упомянутых слов содержится указание на то, что действие не произойдет никогда и ни при каких обстоятельствах. Явное акцентирование невозможности или нежелания выполнения побуждения собеседника повышает интенсивность категоричного отказа, являясь сигналом сфокусированности автора отказа на своих переживаниях. Например: - „*Also nun, sei doch nicht so, Kind! Lass dir deine Suppe schmecken!*“ - „*Diese Suppe esse ich nie!*“

Схожий «насыщенный» прагматический эффект в процессе реализации отказа достигается использованием предложно-субстантивных конструкций и устойчивых выражений с отрицательными словами: *um keinen Preis* ‘ни за что’; *unter keinen Umständen* ‘ни при каких обстоятельствах’; *unter keiner Bedingung* ‘ни в коем случае’; *nicht um alles in der Welt* ‘ни за что на свете’; *Das kommt gar nicht in Frage!* ‘Это даже не обсуждается!’; *Davon kann gar keine Rede sein.* ‘Об этом не может быть и речи.’ и др.

Данным конструкциям, имплицитно транслирующим отрицательное отношение говорящего к собеседнику либо к стимулирующей реплике, изначально свойственна высокая степень категоричности и экспрессивности. Свое применение они, как правило, находят в тех случаях, когда говорящему необходимо выразить эмоциональное отношение к словам собеседника. Например: – „*Geh doch allein!*“ – „*Das kommt gar nicht in Frage!*“

В ряде случаев в подобные высказывания включаются интенсификаторы *gar*, *mehr*, *wieder*, что усиливает и без того резко категоричную прагматику отказа. Например: – „*Bleib hier!*“, *wispert Anton.* – „*Auf gar keinen Fall.*“

Повышение интенсивности категоричного отказа наблюдается также в восклицательных предложениях, в которых языковые средства, выражающие интенцию говорящего, приобретают сильную негативную окраску. Например:

– „*Maria, leck Fett, Butter ist teuer.* – „*Nein!*“ *Großmutter nimmt wütend das kleinste Stückchen Schwarte von Marias Teller.*

Высокая степень категоричности отказа, эксплицирующая полную убежденность говорящего в правильности такой реакции, достигается также благодаря лексическому повтору языковых средств реализации отказа. При этом коммуникация приобретает ярко выраженную негативную тональность,

демонстрируя широкий спектр отрицательных эмоций (нетерпение, возмущение, раздражение и т.п.). Так, в следующем примере усиление интенсивности отказа происходит за счет многократного повторения отрицания *nein* 'нет': „*Also, noch mal. Nein, nein, nein, nein. 1 000 Mal Nein!*“

Кроме того, в ходе анализа исследовательского материала выявлено, что повышению интенсивности категоричного отказа способствует вариативный повтор языковых средств его выражения. Подобные усложненные высказывательные комплексы с семантикой отказа могут быть прагматически нацелены как на явное обострение конфликта, так и на умышленную дискредитацию собеседника. В таких случаях они характеризуются достаточно широким спектром эмоций недовольства и низкой степенью контроля говорящего над своими эмоциями. Каждое последующее прямое средство реализации отказа, входящее в состав комплекса, как правило, повышает степень его категоричности, вплоть до максимальной. Например:

„*Sie sind heute wieder an der Staatsoper und kennen gewiss viele einflussreiche Leute, deren Wort was gilt. Sprechen Sie für Carl! Helfen Sie ihm!*“ – „*Nein!*“ *brüllte Pappke auf, als peinigte ihn ein großer Schmerz. „Nie! ... Ich habe nichts mehr mit ihm gemein! Er ist selber schuld, dass es so mit ihm gekommen ist! Keine Hand rühre ich für ihn!*“

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что немецкий язык обладает достаточно вариативным набором языковых средств, которые при их реализации в художественном тексте повышают степень категоричности соответствующих высказываний и их прагматику. Прагматическая функция таких средств выражения отказа сводится, главным образом, к выражению негативно-эмоционального состояния говорящего, его неготовности к компромиссу и, как следствие, прерыванию коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спицина, Н. С. Изменение степень категоричности высказывания / Н. С. Спицина // Казанская наука. – 2018. – № 6. – С. 94–97.

УДК 811.112.2'33'42

А. А. Максимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ПОНЯТИЕ ВИДЕОВЕРБАЛЬНОСТИ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-МЕМЕ

В современной лингвистике одним из масштабных и перспективных объектов исследования является гастрономическая культура. В нашем исследовании рассматриваются видеовербальные тексты, представляющие ряд новых вербальных типов общения, использование которых влияет на восприятие текста реципиентом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *текст, видеовербальный текст, вербальные и визуальные составляющие, гастрономический интернет-мем.*

Интернет-мем – это идея, образ и объект культуры, вызывающий резонанс у большого количества пользователей сети интернет в связи с определенным событием [Щурина 2012: 160–170]. Представленная инновационная идея была предложена Ричардом Докинсоном в 1970-х гг.

Интернет-мем обладает последовательной структурой, состоящей из ряда предложений, объединенных мыслью и логическим расположением языковых средств. Благодаря этому текст составляет единицу значения, обусловленной некой темой, проблемой, фактическим объектом или формой. Такие тексты призывают реципиента к определенной реакции.

Понятие «текст» в современной лингвистике многозначно. Однако зарубежные и отечественные ученые едины во мнении, что текст представляет собой смысловую, упорядоченную структуру, которая включает в себя ряд предложений, объединенных логическим расположением с помощью языковых средств.

В лингвистике нет единого определения для понятия «текст». Различают креолизованные, поликодовые, гетерогенные, лингвовизуальные, мультимодальные, семантически обогащенные, видеовербальные тексты и т.д.

Разнообразие видеовербальных текстов в современном мире велико. Интернет-мем является одним из таких типов текстов. В интернет-мемах наблюдается разный способ соединения вербальных и визуальных составляющих, он зависит от замысла автора, от идеи, которую он хочет донести до реципиента.

Невербальная информация интернет-мема оказывает значимое воздействие на интерпретацию текста. Визуальная часть доминирует над текстом. Изображения могут помочь представить текст более содержательным, живым, доступным и запоминающимся.

Вербальные компоненты интернет-мема являются незаменимыми для

восприятия видеовербального текста. Текст интернет-мема поддерживает содержание изображения, акцентирует внимание адресата, имеет тесную связь с ним. Компоненты связаны друг с другом, их следует воспринимать как единый текст.

Рассмотрим взаимодействие двух негетерогенных частей на примере гастрономического немецкоязычного интернет-мема.

Рис. 1 „MENSCHEN DIE HUNDE ESSEN SIND BARBARISCH? BITTE ERZÄHL MIR NOCH MAL, DASS DU EIN BESSERER MENSCH BIST, WEIL DU NUR KÜHE, SCHWEINE, HÜHNER UND FISCH ISST.“

В визуальной части изображен улыбающийся мужчина в костюме, с большим бантом и шляпой. Это Вилли Вонка из фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика». Данный герой способен осуществить мечту любого

ребенка. Владелец фабрики разыгрывает билеты, которые дадут детям возможность посетить фабрику, но во время экскурсии нужно соблюдать жесткие правила, чтобы получить награду. Вербальная составляющая представлена в виде текста: „MENSCHEN DIE HUNDE ESSEN SIND BARBARISCH? BITTE ERZÄHL MIR NOCH MAL, DASS DU EIN BESSERER MENSCH BIST, WEIL DU NUR KÜHE, SCHWEINE, HÜHNER UND FISCH ISST“ (Люди, которые едят собак варвары? Пожалуйста, скажи мне еще раз, что ты лучше, потому что ты ешь только коров, свиней, цыплят и рыбу). Грамматической особенностью мема является суффикс сравнительной степени прилагательных „besserer.“ Прилагательное „besser“ является исключением и не требует суффикса -er, но автор использует этот суффикс для более яркой эмоциональной окраски. Адресант не ставит запятые, что является синтаксической ошибкой, которая допускается для высмеивания пользователей сети, не использующих пунктуацию верно.

Инверсия в риторическом вопросе „MENSCHEN DIE HUNDE ESSEN SIND BARBARISCH?“ использована с целью усиления выразительности речи и эмоционально-экспрессивного значения сказанного. Стоит отметить отсутствие пунктуации, что свойственно разговорному стилю. Продуцент обращается к реципиенту на «du», такое обращение считается неформальным, зачастую используется для сближения отправителя и получателя.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что вербальные и визуальные компоненты в интернет-меме должны гармонизировать и дополнять друг друга, благодаря этому раскрывается образный и содержательный смысл послания, задуманный автором. Взаимодействие этих компонентов дает больше информации и позволяют подчеркнуть креативность идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пищальникова, В. А. Формирование новых когнитивных структур в Массмедиа / В. А. Пищальникова // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков : сб. науч. ст. / под общ. ред. М. В. Пименовой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 71–77.
2. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6. – С. 115–123.
3. Bergmann, R. Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft / R. Bergmann. – Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 2005. – 431 S.
4. Drühl, S. Komisches in der antiken Kunst / S. Drühl. – Bielefeld : Kerber Verlag, 2008. – 288 S.
5. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет коммуникации [Электронный ресурс] / Ю. В. Щурина // Филология. – 2012. – № 3. – С. 160–171. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii>. – Дата доступа: 14. 09. 2022.

6. Meme: Die Kunst des Remix [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.amadeu-antonio-stiftung.de/w/files/pdfs/meme-internet.pdf>. – Date of access: 17.09.2022.

УДК 811.521'36'42

В. А. Медюлянова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

О КАТЕГОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается такая категория в японском языке, как коммуникативная ответственность, под которой с лингвистической точки зрения в рамках настоящей работы понимается совокупность видов, способов и средств маркирования сферы ответственности говорящего за правдивость его сообщения.

Ключевые слова: коммуникативная ответственность; эпистемический; декларативная модальность; правдивость высказывания.

Феномен коммуникативной ответственности не является широко и часто обсуждаемым в научном лингвистическом дискурсе, но упоминается в работах по исследованию речевых актов, эпистемических предпосылок высказывания и прочих модальных аспектов речевой деятельности. Выражая идею коммуникативной ответственности автора высказывания на примере цитации, А. Н. Баранов пишет, что «произнося речевой акт как «свой», мы берём на себя ответственность за то, какие изменения он произведёт в реальности и, конечно, в сознании *адресата*. Произнося же высказывание как «чужое», мы снимаем с себя, по крайней мере, часть коммуникативной ответственности» [1, с. 115–116].

Под языковой категорией коммуникативной ответственности в рамках данной работы понимается совокупность видов, способов и средств маркирования сферы ответственности говорящего за правдивость его сообщения. Иначе говоря, маркеры этой категории показывают, берет говорящий на себя ответственность за сказанное либо дистанцируется от нее. Приведем три примера утверждений:

- (1) *Маша любит яблочный пудинг.*
- (2) *Маша сказала, что любит яблочный пудинг.*
- (3) *Маша, видимо, любит яблочный пудинг.*

Если эти три сконструированных предложения «погрузить» в дискурс, то получится, что в примере (1) говорящий заявляет о вкусах субъекта *Маши*, не приводя никаких оснований для своего высказывания, и берет ответственность за правдивость сообщения на себя, как бы предлагая верить на слово. В примерах (2) и (3) говорящий, эксплицируя основания для пропозиции, объективирует смысл сказанного и тем самым дистанцируется от ответственности за правдивость утверждения.

Исследование данной категории представляется особо актуальным для японского языка, имеющего на разных уровнях множество эвиденциальных, презумптивных и иных маркеров, посредством которых обозначаются эпистемические основания для высказывания. Японские исследователи отмечают, что предложения, не содержащие эвиденциальные, презумптивные и прочие модальные элементы, следующие за заключительным глаголом или предикатной связкой *desu*, *da* либо их формально-стилистическими вариантами, в речи звучат довольно декларативно, несмотря на их грамматическую безупречность [2, p. 78]. Эти наблюдения позволяют определить подобные единицы речи как предложения с декларативной модальностью.

Таким образом, декларативная модальность предполагает утверждение, ответственность за истинность которого говорящий берет на себя, что выражается в японском предложении наличием в нем глагола или связки *desu* (либо ее формально-стилистических вариантов) в конечной позиции и одновременное отсутствие эвиденциальных, презумптивных и других частиц либо лексических средств, маркирующих основание для пропозиции и тем самым смягчающих категоричность высказывания. Рассмотрим следующие пары примеров с декларативной модальностью (сконструированные предложения (4), (6)) и без нее (аутентичные примеры из японского устного дискурса (5), (7)).

(4) **O-tenki ga ii desu*. '[Я заявляю, что] погода прекрасна'.

(5) *O-tenki ga ii desu ne*. 'Погода прекрасна, [не правда ли?]'.

(6) **Kon'ya wa kyokuchou no o-taku de wain no kai desu*. '[Я заявляю, что] [у меня] сегодня вечеринка в доме начальника отдела'.

(7) *Kon'ya wa kyokuchou no o-taku de wain no kai desu kedo*. '[Вообще-то] [у меня] сегодня вечеринка в доме начальника отдела'.

Все приведенные выше предложения являются грамматически верными. Однако фраза (4) едва ли может использоваться в дискурсе, поскольку игнорирует точку зрения адресата. Вместо нее используется фраза (5), содержащая контактоустанавливающую частицу *ne*, указывающую «на просьбу говорящего подтвердить некоторое общее знание или согласиться с ним» [3, с. 460]. Фраза (6) является ответом на вопрос *Какие у Вас планы на сегодня?* и в таком виде может предполагать следующий дополнительный смысл, вытекающий из декларативности высказывания: *Не рассчитывайте на меня* и т.п., что невежливо. Поэтому говорящий употребляет после связки *desu* суггестивную частицу *kedo* (пример (7)), восходящую к противительному союзу *no*, смягчающую категоричность сказанного [3, с. 467–468].

Таким образом, с учетом определения декларативной/недекларативной эпистемической модальности японского предложения, которая характеризуется соответственно отсутствием/наличием эксплицитных оснований для пропозиции и может выражаться грамматически, представляется правомерным постулировать существование в японском языке грамматикализованной категории коммуникативной ответственности. Маркеры данной категории

показывают, берет говорящий ответственность за правдивость сказанного на себя, утверждая что-либо безосновательно, либо дистанцируется от этой ответственности, частично эксплицируя (насколько это возможно сделать с помощью грамматических показателей) основание для своего утверждения. Значительный инвентарь лексико-грамматических средств рассмотренной категории, широко представленных как в системе языка, так и на коммуникативно-дискурсивном уровне, свидетельствует о важности разграничения сферы ответственности за сказанное в японской национально-языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Заметки о *дескать* и *мол* / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.
2. Trent, N. Linguistic coding of evidentiality in Japanese spoken discourse and Japanese politeness : diss. ... Dr. of Philosophy / N. Trent. – Austin, 1997. – 471 p.
3. Алпанов, В. М. Теоретическая грамматика японского языка : в 2 кн. Кн. 1 / В. М. Алпанов. – М. : Наталис, 2008. – 560 с.

УДК 811.112.2'42

Л. Н. Неборская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 'ВЕДЬМ'» (XVII В.) КАК ВТОРИЧНЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Рассматриваются структурные особенности речевого жанра «протокол допроса», способы и средства передачи речи участников допроса, устанавливается зависимость этих характеристик от экстралингвистических факторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *протокол, судебный процесс, правовая система, речевой жанр, структура, речь.*

Протоколы допросов XVI-XVII вв. как материал лингвоисторических исследований попадают в фокус внимания лингвистов с 90х-годов XX века. Гетерогенный характер данного типа текста связан с влиянием на их структурные и содержательные характеристики экстралингвистических факторов: их институциональный характер, зависимость от функции и адресата, региональные особенности и, наконец, исторический и социокультурный контексты. Очевидно, что более детального прояснения требуют языковые характеристики текста протокола допроса, обусловленные его речевыми признаками.

Речевой жанр – исторически сложившийся в определенной сфере общения устойчивый тип текста, для которого характерно единство формы и содержания, обеспечивающее целенаправленное социальное взаимодействие людей в типических ситуациях общения. Под т.н. первичным речевым жанром понимается жанр устного непосредственного общения в любой сфере деятельности. Вторичный письменный речевой жанр является производным от первичного речевого жанра, вбирает его в себя и трансформирует. Таким образом, письменно зафиксированный в том или ином варианте протокол допроса представляет собой вторичную, производную форму.

Как отмечает Дементьев В.В., вторичные речевые жанры «оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к истории языка, истории речи и коммуникативной культуры. ... Само по себе исследование эволюции жанра является исследованием по истории языка: можно проследить во времени и конвенционализацию различных жанровых форм, и тем самым становление явлений, концептуализированных лексикой и грамматикой языка из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов [1, с. 173].

XVI–XVII вв. – это время наиболее интенсивного судебного преследования за колдовство («охота на ведьм») на территории Европы, жертвами которого стали от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, причем около половины сожжений «ведьм» приходится на территорию современной Германии. Причиной такой судебной активности историки считают два фактора: распространение верований в колдовство среди населения и развитие судебно-правовой системы Германии, предполагающее совершенствование институтов судопроизводства [2, с. 219–236].

В современном судопроизводстве под ведением протокола понимается «преобразование определенных событий в обязательную письменную форму в соответствии с установленными критериями отбора» [3, с. 7–23]. Очевидно, что современный протокол судебного допроса это гомогенный текст, поскольку составляется в соответствии с требованиями к форме и содержанию, установленными законодательно. В противоположность этому, «протокол допроса» в т.н. ранний период Нового времени не настолько стандартизирован и может быть представлен такими вариантами, как, например, стенограмма (Mitschrift), чистовая копия (Reinschrift) и копия (Abschrift). Без специального изучения и привлечения дополнительных документальных свидетельств или сопровождающего процесс материала, не всегда возможно определить вариант, а, следовательно, степень влияния на текст личности составителя текста протокола. Тем не менее протокол допроса 17 в. можно определить как текст информативного жанра, который разработан в юридическом процессе для юридических целей и выполняющий познавательную и удостоверительную функции.

С развитием инквизиционного процесса в позднем Средневековье протоколы допросов заняли центральное место как средство документирования и легитимации в судопроизводстве. Судебная власть теперь действовала

официально, а протоколы допросов имели функцию документирования истины и служили доказательством законности процедуры.

В качестве практического материала был выбран 16-страничный текст допроса Анны Штарк (Anna Stark (Strarck), повитухи из региона Курмайнци, хранящийся в городском архиве г. Майнца и датируемый 1627 годом [4]. Текст представляет собой запись устных ответов на 98 вопросов. Последовательность ответов соответствует последовательности вопросов, которые зафиксированы в отдельном юридическом документе «*Specialia Interrogatoria*» («Каталог специальных вопросов»), где напротив каждого ответа стоит соответствующий номер вопроса. Вводная часть протокола представляет собой ответ на первые пять вопросов: Кто, когда, где, каким образом подверг обвиняемую соблазну пойти на преступление. Эта часть содержит также информацию о том, как выглядел злой дух (*der böße Geist, der böße Feindt*) и почему обвиняемая не прогнала его святым словом, именем Иисуса (*Ob sie sich nicht vor ihme entsetzet, auch sich gegen Ime mit dem heyligen Creütz, dem Namen Jesu oder andern Christlichen wortten gesegnet*). Основная часть допроса представляет фиксацию ответов обвиняемой на вопросы: какие преступные действия она совершила, описание свадьбы с сатаной, требование назвать имена гостей на этой свадьбе, описание других сатанинских празднеств и всех их участников. В заключительной части обвиняемой предлагается для облегчения совести и в качестве спасения от ужасного греха (*difses erschrecklichs hauptlasters*) признать вину во всех обвинениях и согласиться со смертным приговором (*Sagt Ja: Und diese Ihre bekandtnus seye // die rechte Warheit, darauf sie lebe[n] und sterbe[n] wölle*).

Структурирование текста организуется также посредством т.н. колонок с маргиналиями (маргинальных колонок), располагающимися слева от основного текста и содержащие пометки комментирующего (*Findet sich also*) или разъясняющего характера к отдельным фрагментам допроса (*Weiln die Frau selbst geholfen alß ist mit Ir freyt.; Paul Arnolds weib ist verstorben*).

Одним из важных структурирующих элементов является наречие *item* 'далее' [5], выполняющее функции вводного элемента при перечислении.

В центре анализируемого текста находятся показания только обвиняемой, ссылки на показания свидетелей отсутствуют. Таким образом, в тексте маркируется только речь обвиняемой, имеющая вопросно-ответную структуру. Средствами передачи устных показаний Анны Штарк является: 1) косвенная речь, вводимая глаголом речи *sagen* и трансформированная в форму конъюнктива 1 или 2: Вопрос 9: *Ob sie sich schriftlich oder mündtlich auch mit was formal Worten dem bößen feindt ergeben, Item ob solches vff ein gewisse Zeitt, oder in ewigkheit beschehen*. – Ответ 9: *Sagt, hab sich dem teuffel midt leib Vnd Seel // sein Zu sein Versprochen. //* Вопрос 5: *Ob sie sich nicht vor ihme entsetzet, auch sich gegen Ime mit dem heyligen Creütz, dem Namen Jesu oder andern Christlichen wortten gesegnet*. – Ответ 5: *Sagt, hedte sich wohl entsetzt, aber kein // Creutz gemacht*; 2) косвенные структуры без вводного глагола речи: Вопрос 20: *Hab ihr ein Zeichen auff dem Kopf midt // der Handt geritzt, der meister so es besichtiged* - Ответ 20: *Hab ihr ein Zeichen auff dem Kopf midt // der Handt ge-*

ritzt, der meister so es besichtigedt; 3) конструкции с глаголом речи, содержащие ответ на общий вопрос: Вопрос 45: *Ob nicht gemeinlich vff walpurgis vnnd Pffingsten ihre Zusammenkunfften gehalten werden* – Ответ 45: *Sagt, Ja*.

Таким образом, представленный образец протокола допроса «ведьмы» является письменной фиксацией акустически и визуально осуществляющейся в момент записи устной речи (Mitschrift). Структура текста допроса отражает структуру предписывающего юридического документа – каталога вопросов. Сопутствующая информация комментирующего или разъяснительного характера представлена в минимальном объеме, не описывается эмоциональное состояние допрашиваемой. Кроме того, в тексте допроса нет указаний на участие в процессе других лиц. Трансформация устной речи в письменную осуществляется на грамматическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дементьев, В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

2. *Behringer, W.* Meinungsbildende Befürworter und Gegner der Hexenverfolgung (15–18. Jahrhundert) / W. Behringer // *Hexen und Zauberer. Die große Verfolgung – ein europäisches Phänomen in der Steiermark.* – Graz ; Wien, 1987. – S. 219–236.

3. *Niehaus, M.* Textsorte Protokoll. Ein Aufriß / M. Niehaus, H.-W. Schmidt-Hannisa // *Das Protokoll. Kulturelle Funktionen einer Textsorte.* – Frankfurt a. M., 2005. – S. 7–23.

4. Hexenprozesse in Kurmainz [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.hexenprozesse-kurmainz.de/quellen/stadtarchiv-mainz/dieverhoerprotokolle/anna-stark.html>. – Date of access: 17.09.2022.

5. Duden Wörterbuch [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.duden.de/rechtschreibung/item>. – Date of access: 17.09.2022.

УДК 811.112.2'38'42

О. Е. Рымкевич

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

МОДАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (на материале немецкого языка)

Исследуется семантический потенциал модальных маркеров неопределенности в дискурсе современных немецкоязычных СМИ. Модальность актуализирует информацию и модифицирует смыслы.

Ключевые слова: *модальность; модальные маркеры; семантика неопределенности; дискурс СМИ; прагматическое воздействие.*

В дискурсе современных СМИ находят реализацию как минимум две общепризнанные стратегии: информирования читательской аудитории и воздействия на нее, главным образом, с целью убеждения. В своем стремлении воздействовать на адресата отправитель информации не столько аргументирует приводимые факты, сколько прибегает к эмоционально-экспрессивному воздействию на читателя, выражая при этом в явной форме свое собственное отношение к сообщаемому, намереваясь, в конечном итоге, сформировать у аудитории аналогичную позицию к транслируемой информации. При этом личная точка зрения автора в большой степени базируется на мнении социума – определенных общественных или социальных групп, партий, объединений и т.д. Этим обстоятельством обусловлена многоаспектность (многослойность) модального плана текстов газетной публицистики, в которых оказываются представленными разнообразные оттенки модальности – от реальности до ирреальности, от выражения категорической достоверности до сомнения. Все они, эксплицитно или имплицитно, участвуют в вариативном воплощении авторской интенции.

Модальность обладает уникальным свойством модифицировать смыслы, нередко меняя их конфигурацию и управляя процессом «распаковки» заложенного в тексте смыслового содержания, становясь неотъемлемой характеристикой текстового пространства исследуемого дискурса. Ингерентно присутствующая различным модальным средствам выражения достаточно широкая палитра значений специально предназначена в языке для модальной акцентуации и аранжировки объективного ядра информации и в целом способна обеспечить достижение, с одной стороны, «эффекта» семантической определенности (модальность реальности, модальность категорической достоверности) и, с другой стороны, семантической неопределенности (модальность ирреальности, модальность сомнения). Модальные маркеры категорической достоверности, обеспечивающие модально-семантическую определенность текстовой информации в дискурсе немецких СМИ, отличаются константностью семантики и эксплицитно выполняют функцию убеждения адресата (например, модальные слова *bestimmt* ‘определенно’, *sicher* ‘несомненно’, *natürlich* ‘конечно’, *tatsächlich* ‘действительно’ и др.). Семантика же модальных маркеров неопределенности менее стабильна, изменчива, «размыта» и актуализируется лишь в контексте (например, модальное слово *wohl* ‘пожалуй, вероятно, может быть’, *vermutlich* ‘предположительно, вероятно’ и др.).

Общеизвестной характеристикой дискурсивного пространства СМИ является соответствие актуального содержания информации постоянно меняющимся событиям, фактам, ситуациям и обстоятельствам. Аналогично изменчивый, вариативный характер присущ и личностно-эмоциональному фактору, сопровождающему интерпретацию объективной информации. Функциональный аспект модальности в дискурсе современных немецкоязычных СМИ в его актуальной представленности связан с реализацией семантики как определенности, так и неопределенности, однако следует отметить, что в текстовом воплощении наряду с открытой «лозунгово-призывной» тональностью убеждения (например, модальный глагол *müssen* ‘необходимо, надо’) все более часто представленными оказываются модальные маркеры неуверенности, ирреальности, сомнения и проч. В таких случа-

ях личное мнение автора, как правило, не высказывается напрямую, оно по большей части «вуалируется», скрываясь за другими мнениями в общем пространстве неопределенности. Прагматическое воздействие на адресата осуществляется при этом более тонко, скорее имплицитно, поскольку адресат сам антиципирует, домысливает возможное развитие событий и отношений, делая свои собственные выводы.

Семантический аспект неопределенности конституируется в исследуемом текстовом пространстве при использовании модальных маркеров ирреальности, в конкретном выражении, сослагательным наклонением (Konjunktiv II), равно как и модальными средствами со значением неуверенности, невозможности, предположительности, сомнения и др. В подобных случаях доминантным становится субъективно-личностный фактор, в то же время темпоральная составляющая предикации как отнесенности сообщаемого к действительности сдвигается в сторону обобщенности и неопределенности. Например:

*Paddeln auf dem Neckar statt plantschen in Ägypten: So wie Sabrina Scholz aus Ludwigsburg geht es **wohl** vielen in diesen Zeiten. Die alleinerziehende Mutter sorgt sich wegen der steigenden Kosten. <...> Die Krankenpflegerin hat wenig Rücklagen, und sie **weiß** noch **nicht**, wie hoch Stromrechnung und Nebenkostenabrechnung diesmal werden. **Vielleicht** wird auch noch die Miete erhöht* (Tagesschau. 19.09.2022).

В данном фрагменте, в самом зачине текста, модальные маркеры представлены модальными словами и глаголом. Модальные слова *wohl* ‘пожалуй’ и *vielleicht* ‘возможно’ своей семантикой предположительности создают контекст неопределенности и неуверенности, который поддерживается и глагольной формой с отрицанием *weiß nicht* ‘не знает’. С помощью названных модальных средств автор статьи апеллирует к общеизвестному знанию коллективного адресата о сложившейся в ФРГ ситуации для среднего класса. Далее в контексте по мере смыслового развертывания статьи автор использует глаголы в сослагательном наклонении (Konjunktiv I и II) для передачи косвенной речи, а именно, ссылаясь на данные немецкого института экономических исследований. Например:

*<...> Doch gerade die untere Mittelschicht **sei** aber weiterhin stark von den steigenden Preisen **betroffen** – und die noch darunter liegenden Einkommensgruppen sowieso. <...> am stärksten **seien** die Kosten für Energie und Nahrung **gestiegen**. Insbesondere Menschen, die wenig verdienen, **müssten** also einen immer größeren Anteil ihrer Einkünfte allein für laufende Kosten und Grundbedürfnisse **ausgeben**. <...> Das **betreffe** rund ein Fünftel der Bevölkerung* (Tagesschau. 19.09.2022).

Формы конъюнктива позволяют автору в определенной степени дистанцироваться от передаваемой информации, модальная перспектива при этом меняется, а заложенная ранее в контексте ситуация неуверенности и неопределенности вариативно поддерживается.

Функциональный диапазон модальных маркеров семантической неопределенности в дискурсе немецкоязычных СМИ достаточно широк. Они наполняют семантику текстов модальными оттенками, контактно или ди-

стантно взаимодействуя друг с другом, обеспечивают единый ракурс прочтения и интерпретации информационного поля. Активно востребованными являются модальные глаголы, модальные слова, форма будущего времени (Futur I) в значении предположения. Например:

Im kommenden Jahr werde das Bruttoinlandsprodukt (BIP) voraussichtlich um 0,7 Prozent zurückgehen, teilte das IfW Kiel am Donnerstag mit (Tagesschau. 08.09.2022).

Приведенный пример демонстрирует линию взаимодействия семантически схожих модальных маркеров (сочетание *werde zurückgehen* с *voraussichtlich*), коррелирующих друг с другом и выражающих в совокупности вероятностное предположение о снижении в ФРГ ВВП в будущем году. Схожая семантика вероятности, возможности реализуется модальными глаголами *dürfen* и *können* в их субъективно-модальном значении. Например:

Die Inflationsrate dürfte der Prognose zufolge im nächsten Jahr auf ein Rekordhoch von 8,7 Prozent steigen, im laufenden Jahr erwartet das IfW Kiel eine Teuerung von 8,0 Prozent. <...> Die Inflation könnte das Vermögen vieler Deutschen weiter schrumpfen lassen (Tagesschau. 08.09.2022).

"Insgesamt könnte die Inflationsrate im Herbst eine Größenordnung von 10 Prozent erreichen", heißt es im aktuellen Monatsbericht der Bundesbank (Zeit Online. 22.08.2022).

В данных примерах модальные глаголы употреблены в сослагательном наклонении, что способствует актуализации семантики предположительной возможности и переводит восприятие адресатом событийной информации в неопределенный и трудно предсказуемый план.

Таким образом, модальные маркеры семантической неопределенности активно востребованы в дискурсе современных немецкоязычных СМИ. Они актуализируют информационное содержание и модифицируют смыслы в задуманном автором интенциональном ракурсе, а также, выдвигая на передний план субъективно-личностный фактор, стимулируют мыслительную активность адресата, формируя у него, в конечном итоге, соответствующую отношенческую позицию.

УДК 81'42

Е.Ю. Садовская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ОБ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНКЕ В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются имплицитные оценочные суждения в межпоколенческом дискурсе. Основанием для вынесения оценочных суждений с разными аксиологическими знаками является обращение к социальному контексту.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *оценка; межпоколенческий дискурс; социальный контекст; имплицитный.*

Неотъемлемой частью любого вида человеческой деятельности является оценивание кого- или чего-либо: «Оценка говорящим предметов, действий и свойств окружающего мира, своих поступков и действий партнеров по коммуникации, положительное или отрицательное отношение к предмету речи – характернейшая черта речевой деятельности человека» [1]. Спектр оцениваемых предметов и явлений широк; в качестве объекта оценки могут выступать, прежде всего, индивиды, их личностные качества и переживания, хотя также могут оцениваться материальные предметы, исторические события и т.п. Особое внимание начинает привлекать оценка в малоизученных дискурсах, в частности, в межпоколенческом дискурсе, так как, несмотря на изученность категории оценки в целом, ранее особенности имплицитной оценки применительно к вербальному взаимодействию представителей разных поколений не рассматривались.

Под оценкой понимается «... языковая категория, выражающая отношение говорящего к объекту действительности в зависимости от того, насколько удовлетворены его потребности, желания, интересы или цели, то есть, познавая мир и взаимосвязь реального мира в практической деятельности, человек не просто отражает явления действительности и их признаки и качества, но одновременно отражает свое отношение к реальной действительности, причем отношение человека к предметам, явлениям обусловлено конкретным историческим состоянием практики.» [2]. Межпоколенческое общение часто сопровождается вынесением оценочных суждений коммуникантами по отношению друг к другу. Оценка может эксплицироваться, но может также носить имплицитный характер, в частности, при обращении говорящего к обстоятельствам, событиям, явлениям и условиям жизни коммуницирующих поколений, т.е. социальному контексту. Под социальным контекстом понимаем социокультурное пространство (в терминологии Л.С. Выготского), т.е. «то, что реально окружает человека в социальной группе или в обществе и оказывает на него определенное влияние» [КС]. Влияние на поколение как на социальную группу могут оказывать, в частности, исторические события, политические изменения, трансформация экономической парадигмы, смещение приоритетов в сфере образования и культуры и т.п.

Прежде всего, в случае межпоколенческого оценивания внимание акцентируется на участии (либо неучастии) поколения адресата в каких-либо политических событиях и мероприятиях:

«...С Советом Федерации произошло то же что и, с президентской властью... смена поколений Вы и...нынешний спикер Миронов – люди другого поколения, нежели Строев. Причем ваше поколение в большинстве своем не проходило горнило предвыборных баталлий, не боролось за кресло депутата или губернатора... – Я был депутатом, но на безальтернативной основе в советский период. – Может ли это новое поколение развернуть страну? – Я бы не хотел противопоставлять поколения: хорошие – плохие (Сергей Минаев. Профи вместо Князей (2002) // «Вечерняя Москва», 14.03.2002).

Отсутствие политической активности со стороны поколения адресата имплицитно подразумевает его отрицательную оценку адресантом, т.к., по мнению говорящего, поколение адресата не обладает нужными знаниями и опытом.

Обращение к историческим событиям и изменениям в социально-политическом строе являются еще одним основанием для оценивания поколения (в данном случае адресанта):

«А потом это поколение стало уходить, не оправдав надежд, которые на него возлагало мое поколение – потерянное поколение, прожившее счастливые годы «оттепели» (Евгений Гусятинский, Никита Михалков. Разные уровни лжи // «Русский репортер», № 15 (143), 22–29 апреля 2010).

Новые экономические реалии, изменившееся отношение к деньгам и стремление к улучшенному качеству жизни и комфорту также отражаются в межпоколенческом диалоге:

«Теперь ваше поколение думает уже не о том, где взять хлеб, а о том, чтоб он выглядел хорошо!» (А. В. Кузнецов. Огонь // «Юность» № 3–4. 1969).

Оценочное суждение говорящего о поколении адресата, озабоченного внешней стороной жизненных реалий вместо концентрации на трудолюбии и необходимости работать, предполагают имплицитную оценку с отрицательным аксиологическим знаком.

Образ жизни и отличающиеся ценности поколения адресата являются следующим основанием для вынесения пейоративного оценочного суждения адресантом, который осуждает примитивные (на его взгляд) потребности и материальные интересы поколения адресата, имплицитно оценивая реципиента:

«Все для желудка... для двенадцатиперстной кишки... Набить брюхо и обставиться цацками... А я... мое поколение... Все, что у вас есть, это мы построили» (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013).

Одной из актуальных тем является уровень образования; поколению адресанта безразлична степень образованность поколения адресата. Недостаточность знаний и низкий уровень образованности выступают основанием для негативной оценки адресанта:

«Мало ли чего ты не слышал, – снисходительно говорил он сразу, – ваше поколение вообще отличается неважным уровнем знаний, некачественностью полученного образования, и нам придется беспощадно бороться против ваших предрассудков», – вдруг объявлял он мне войну поколений» (Анатолий Ким. Белка (1984)).

В процессе межпоколенческого взаимодействия коммуниканты могут также обращаться и к иным аспектам жизни взаимодействующих поколений, что подтверждается иерархией тем в контекстах с лексемой «поколение» в Национальном корпусе русского языка: политика и общественная жизнь;

искусство и культура; философия; путешествия; частная жизнь; бизнес, коммерция, экономика, финансы; досуг, зрелища и развлечения; армия и вооруженные конфликты; история; наука и технологии; здоровье и медицина.

Таким образом, в межпоколенческом общении в качестве предмета оценивания выступают поколения адресанта и адресата. Обращение к социальному контексту используется как основание для вынесения оценочных суждений взаимодействующих поколений. Особенностью оценки является ее имплицитный характер, а аксиологический знак определяется при обращении говорящего к таким сферам жизни поколения, как политика, экономика и образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л. П. Человек как объект оценки средствами русской устно-разговорной речи [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – № 3 (34). – С. 9–33. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-obekt-otsenki-sredstvami-russkoy-ustno-razgovornoj-rechi>. – Дата доступа: 19.09.2022.

2. Данилова, Р. Р. Категория оценки как способ выражения антропоцентризма в лингвистике [Электронный ресурс] / Р. Р. Данилова // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 23. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-otsenki-kak-sposob-vyrazheniya-antropotsentrizma-v-lingvistike>. – Дата доступа: 18.09.2022.

3. Контекст социальный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/socialnyi-kontekst.html>. – Дата доступа: 18.09.2022.

УДК 811.112.2'42

М. Г. Симакова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается метафора в политическом дискурсе. Представлены особенности функционирования тематической метафоры в политической речи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политический дискурс; метафора; эмоциональное воздействие; скрытое сравнение; тематическая метафора.

Специалисты в области современной политической коммуникации отмечают все возрастающую выразительность современной политической речи. На первый план выходят яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра, индивидуальность стиля.

Политический дискурс является одним из наиболее интересных типов дискурса. Язык политического дискурса отражает реальную политико-экономическую и социально-культурную ситуацию в стране, он изменяется вместе с ней и оказывает воздействие на нее.

В основу данного исследования положены тексты устных выступлений политиков ФРГ (А. Меркель, Г. Коль), которые объединены общей тематической направленностью – речи политиков о Второй мировой войне. Выбор в качестве материала анализа текстов устных выступлений не случаен, так как технологии речевого воздействия наиболее применимы и эффективны в процессе устной речи, непосредственного контакта автора и реципиента.

Сфера политической коммуникации, по идее, должна быть «запретной зоной» функционирования метафоры, т.к. речь публичного политика должна быть ясной, однозначно воспринимаемой реципиентом. Но, как только центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, что в политической жизни случается чрезвычайно часто, запрет на метафору снимается. Политическая речь более проницаема с точки зрения уникального и индивидуально-употребления, допускает использование более сложных, нетривиальных авторских тропов и, соответственно, оказывает более сильное воздействие на реципиента. Сфера выражения эмоций и эмоционального воздействия вносит в политическую речь элемент творчества, фантазии, артистизма, а вместе с ним и метафору.

Nicht ein Europa der Mauern kann sich über Grenzen hinweg versöhnen, sondern ein Kontinent, der seinen Grenzen das Trennende nimmt. Gerade daran mahnt uns das Ende des Zweiten Weltkrieges [1].

Необходимость консолидации и объединения общих усилий всего континента для достижения мира является неотъемлемым условием для того, чтобы предотвратить в будущем события, подобные Второй мировой войне.

Метафора апеллирует к эмоциям реципиента. В окружении сложной лексики она выступает в выгодном свете и становится куда более заметной, благодаря исключительной образности. Но политическая метафора всецело зависит от буквального значения слов, т.е. первичное или буквальное значение слов остается действенным и в их метафорическом употреблении.

Alle die staunenerregenden Erfolge Hitlers waren insgesamt und jeder für sich eine nachträgliche Ohrfeige für das Weimarer System [1].

Die Ohrfeige как неприятие и вызов, свойственные человеческой натуре, в данном случае ярко характеризует отношения, сложившиеся между двумя противоречащими и взаимоисключающими политическими режимами – диктатурой Гитлера и Веймарской Республикой. Прежде чем будет раскрыто значение данной метафоры в конкретном контексте политической речи, непременно возникнут ассоциации на уровне первичного значения слова.

Метафора заставляет нас обратить внимание на некоторое сходство между предметами. Можно сопоставить метафоры со сравнениями, так как сравнения прямо говорят то, к чему метафоры нас только подталкивают.

Сравнение говорит, что существует сходство, и оставляет нам самим найти некоторую общую черту или черты; метафора эксплицитно не утверждает сходство, но если нам ясно, что это метафора, то перед нами стоит задача поиска общих черт. Поэтому политическую метафору иногда определяют в качестве скрытого сравнения.

... der Versailler Vertrag war wirklich nur noch ein Fetzen Papier und das Deutsche Reich mit einem Mal die Hegemonialmacht des alten Kontinents [1].

Версальский договор приравнивается к клочку бумаги по своему значению и силе действия – «настолько бесполезен, как ...».

Следует отметить, что в политическом дискурсе достаточно сложно выделить традиционные виды метафоры, так как такой подход более характерен для художественного стиля. Наше исследование показало, что всего лишь 35% метафор можно соотнести с классификацией по традиционным видам. Метафора, характерная для политического дискурса, чаще имеет определенную тематику и основывается на аналогиях с явлениями из разных сфер деятельности человека:

– с дружбой:

Ich dachte, wir wollen hier diskutieren und dass die Friedensfreunde vor allen am Frieden Interesse haben [2].

– растением:

Viele Millionen Flüchtlinge und Vertriebene wurden aufgenommen. Im Laufe der Jahre konnten sie neue Wurzeln schlagen [2].

– преступлением:

Im Rückblick wird deutlich, meine Damen und Herren, dass zwischen 1933 und 1938 tatsächlich eine Revolution in Deutschland stattfand - eine Revolution, in der sich der Rechtsstaat in einen Unrechts- und Verbrechenstaat verwandelte... [1].

– строительством:

Hitler hatte ihn nie vor der Öffentlichkeit verschwiegen, sondern das ganze Volk zum Werkzeug dieses Hasses gemacht [1].

– инфекцией, заболеванием:

Unzählige amerikanische Bürger haben damals mit ihren privaten Mitteln uns Deutsche, die Besiegten, unterstützt, um die Wunden des Krieges zu heilen [1].

– производством:

In der Folge entstehen die Fabriken des Todes; aus den "Gaswagen" werden Gaskammern und Verbrennungsöfen, während die Erschießungen weitergehen [1].

Тематика политической метафоры разнообразна и пересекается с разными сферами человеческой деятельности. Метафоризация, основанная на аналогиях, обладает большой экспрессивной силой. Кроме экспрессивного компонента тематическая метафора содержит информационный элемент, т.е. определенная тематика облегчает процесс восприятия и осмысления метафорического значения, делает его более доступным, ограничивая сферу различного переосмысления.

Метафорическое моделирование является наиболее действенным средством представления и оценки действительности. Метафора как особый способ мышления и восприятия мира способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе и стать важным средством формирования представлений. Включаясь в систему образов, используемых для пропаганды тех или иных идей, метафора начинает функционировать на уровне конструирования символического пространства социума, становится материалом формирования коллективных представлений и идеологических доктрин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kohl, H.* Ansprache anlässlich der Öffnung des Brandeburger Tor am 22. Dezember 1989. Manuskript nach Hörübertragung [Electronic resource] / H. Kohl // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung (Hrsg.) : Helmut Kohl. Bilanzen und Perspektiven. Regierungspolitik 1989-1991. – Bd. 1. Reihe Berichte und Dokumentationen. – Bonn, 1992. – Mode of access: http://www.mediaculture-online.de/PolitischeRhetorik.files/kohl_berlinrede.pdf. – Date of access: 17.01.2018.

2. *Merkel, A.* Regierungserklärung von Angela Merkel [Electronic resource] / A. Merkel // Die Bundesregierung. – Bonn, 2005. – Mode of access: <http://www.REGIRUNGonline/RegierungserklärungvonBundeskanzlerinAngelaMerkel.htm>. – Date of access: 29.04.2018.

УДК 811.112.2'42

М. А. Соколюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

РАЗГОВОРНИКИ XIX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале русско-немецких «разговоров»)

Рассматриваются особенности языковой картины мира в разговорниках XIX века. Анализируются представленные в разговорниках коммуникативные практики, стереотипы, формулы вежливости и пословицы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая картина мира; разговорники; коммуникативные практики; стереотипы; формулы вежливости; коммуникативное поведение.

Любой язык фиксирует значимые для языкового сообщества элементы культурной идентичности. На основе описания языковых коммуникативных практик можно выявить пусть и ограниченную (временем или языковым материалом), но показательную для конкретного периода языковую картину мира, которая «воплощается» как на уровне лексики, так и на уровне целых

текстов. В рамках нашего исследования языковая картина мира анализируется на материале разговорников XIX в., охватывающих период с 1810 по 1900 гг.

Отсутствие работ, исследующих языковую картину мира с помощью текстов разговорников (в XIX в. они носили название «разговоры»), определяет актуальность исследования. Между тем, разговорник предоставляет интересный и необычный языковой материал для анализа коммуникативного поведения языкового сообщества в определенную историческую эпоху, что является следствием основной функции данного типа текста – обеспечить «некоторый минимум общения в заранее очерченных коммуникативных ситуациях» [1, с. 172]. Разговорник, таким образом, ориентируется в первую очередь на коммуникативные интересы пользователя [2, с. 154].

Для описания отраженной в текстах разговорников языковой картины мира использовался метод контекстного анализа, благодаря которому языковые единицы отбирались и рассматривались с опорой не столько на их значение, сколько на функцию, что определило и прагматическую направленность исследования. Применение этого метода позволило также выделить схожие языковые единицы в разных изданиях и соотнести их с общим, более широким контекстом – рассмотреть их в контексте культуры XIX в. Помимо прочего, использовался метод выборки и описательный метод, которые предопределили отбор релевантного языкового материала и его совокупное (в соотнесенности с другими единицами) описание.

Языковая картина мира безусловно выстраивает иерархию ценностей. Если говорить о представленных в разговорниках ценностях, то они, являясь одновременно и нормами этикета, выдвигают на первый план определенные качества, которые ценятся или порицаются в человеке. К положительно оцениваемым качествам относятся, например, услужливость, искреннее желание помочь (*Ваш слуга всепокорный; Ваша покорнейшая служанка; Я жалею, что мне нечего лучшего вам поставить. Когда б я знал, что вы меня посетите, я б приготовил что-нибудь получше*), скромность (*– Вы уже говорите довольно хорошо [по-французски]. – Вы мне льстите*), честность (*Для чего ж ты даешь слово, когда не можешь сдержать? Есть ли солжешь, то ты более на меня работать не будешь*), дух джентльменства (*Потчивайте наперед сих дам*), дружелюбие (*Мы с друзьями обходимся без чинов*), гостеприимство (*– Я прошу вас с нами отобедать. – Я не хочу вам быть в тягость. – Вы делаете нам честь и удовольствие; – Вы не едите, не пьете. – Я ел за двоих*).

Разговорники XIX в. отличаются преувеличенно (с точки зрения современных норм коммуникации) вежливым отношением к собеседнику, что выражается в большом количестве «готовых» формул вежливости: *Честь имею вам, сударыня, желать доброй ночи; До удовольственного свидания; Окажите мне милость (любовь); Вы мне сделаете чувствительное удовольствие*. Разговорники позволяют проследить также ситуативную привязку

формул вежливости: при приветствии – вопрос о здоровье (о здоровье и собеседника, и его родственников), передача приветия (*Прошу засвидетельствовать мое почтение дома*), обед в гостях – непременно выражение похвалы всем блюдам (*Я ж сему обеду сделаю похвалу, хорошо поевши*). В некоторых ситуациях наблюдается даже готовность услужить в ущерб собственным интересам: *Я вас уверяю, что мне в том убыток, но мне не хочется вам отказать*. Разговорники тем самым создают впечатление, что подобная, представляющаяся нам даже немного высокопарной, форма вежливости – условие успешной коммуникации. При этом в разговорах о третьем человеке нередко встречаются диалоги, которые нарушают современные нормы этикета, но в те времена, очевидно, считались нормой и относились к коммуникативному минимуму: *Не пойдет ли она скоро замуж? – И так, отец его теперь вдовец! – Я чаю, он им не долго пробудет. – Он опять скоро женится*. В современных разговорниках или даже в разговорниках XX в. подобные диалоги не встречаются, что может свидетельствовать об изменении норм коммуникативного поведения.

Неоспоримым является тот факт, что религиозность играла в жизни человека XIX в. более значимую роль, отсюда и гораздо большее количество языковых единиц с лексемой «Бог» (*Здорова, благодаря Бога. Она родила мальчика (сына) (ей Бог дал сына). Здоровы, слава Богу*) и даже определенного рода религиозные «наставления»: *Садитесь за стол. Молитесь Богу; Возьмите свою Библию, прочтите в ней главу*.

Неотъемлемая составляющая языковой картины мира людей определенной эпохи – закрепленные в языке (в коммуникативных практиках) стереотипы. Во всех проанализированных нами разговорниках встречаются стереотипы о погоде. Так, в главе о весне находим следующие фразы: *Нынешний год у нас нет весны. Это походит на зиму. У всех еще топят печи. Попеременно бывает снег и дождь. Времена года перемешались*. Примечательно, что высказываний о теплой весне в разговорнике не наблюдается. Нередки и национальные стереотипы, для изданий XIX в. характерен, например, стереотип о голландском качестве: *– Где вы его [лексикон] купили? – Я его выписал из Парижа (из Лейпцига). – У меня есть изданный в Голландии. – Печать Голландская гораздо лучше Немецкой. Покажите мне лучшее, какое у вас есть, Голландское полотно*.

Таким образом, анализируя языковую картину мира через призму разговорников XIX в., мы говорим, прежде всего, не о закрепленных в языке лексемах, а о стереотипных языковых практиках, которые, по нашему мнению, также являются частью языковой картины мира определенного языкового сообщества. Дальнейшее исследование, особенно сопоставительного характера, позволит не просто зафиксировать особенности языковой картины мира на определенном этапе развития общества, но и сравнить языковые картины мира разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Жанр разговорника: между текстом и языком / Б. Ю. Норман // *Жанры речи.* – Саратов : Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 171–186.
2. *Дубинин, С. И.* Военный разговорник для солдат вермахта: динамика текстотипа / С. И. Дубинин // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология.* – 2016. – № 3-2. – С. 153–161.

УДК 811.112.2'27'42

М.Н. Тришина

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ НЕМЕЦКОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА (на примере концепта «Flüchtling»)

В статье рассматриваются метафорические репрезентации концепта «Flüchtling» в немецкой картине мира. Отмечается многообразие метафорических моделей, структурирующих данный концепт.

К л ю ч е в ы е с л о в а: когнитивная метафора; метафорические модели; лингвоэкология; миграционная лингвистика; оценочность.

Междисциплинарный характер лингвистических исследований, обозначившийся в современной научной парадигме, способствует всё более тесному взаимодействию различных областей лингвистики. В данной работе предпринимается попытка продемонстрировать такие корреляции между когнитивной лингвистикой, лингвоэкологией и миграционной лингвистикой.

Актуальность темы обусловлена тем, что в современном западном мире с тревожной периодичностью вспыхивают миграционные кризисы, которые приводят к увеличению числа вынужденных переселенцев (Flüchtling). Особенно остро эта проблема стоит в Германии.

«Миграционная лингвистика призвана исследовать языковые и социолингвистические аспекты миграционных процессов, которые находят своё отражение в ситуациях языкового контакта и трансфера культуры» (Ср.: «Schwerpunkt der Migrationslinguistik ist die Erforschung der sprachlichen und soziolinguistischen Aspekte von Migrationsprozessen und den daraus resultierenden Situationen von Sprachkontakt und Kulturtransfer») [1].

По этой причине концепт «Flüchtling» становится едва ли не базовым концептом современного миграционного дискурса. В фокусе нашего внимания находятся метафорические репрезентации концепта.

Как отмечает В.В. Новичкова, одним из наиболее действенных механизмов познания многих концептов остаётся метафора. Ср.: «По своей важности в когнитивном освоении действительности и формировании концептуальной системы мира метафора может быть сравнима с одним из главных рычагов сознания» [2, с. 2].

В данной работе мы обозначим контуры метафорической организации концепта «Flüchtling» как интегративной составляющей немецкого миграционного дискурса, выявим специфику данных репрезентаций в этом дискурсе.

Привлечение к анализу концепта «Flüchtling» сферы лингвоэкологии и эколингвистики (мы, вслед за А.П. Сковородниковым, разграничиваем сущность этих терминов) обусловлено тем, что выявленные метафоры заставляют задуматься о «здоровье языка», о защите общества от речевой агрессии [3]. Кроме этого, как показывают результаты исследования, нередко областью-донором для метафорических моделей выступают понятия, интегрированные в сферу экологической лингвистики.

Эмпирическим материалом исследования послужили примеры, заимствованные из интернет-источников, в которых через разные дискурсивные форматы, в том числе и в научной коммуникации, обсуждается данная проблематика.

Анализ выявленных метафор позволил сгруппировать их в самостоятельные метафорические блоки (модели): болезни и медицины («*Fremde Völker hausen hier wie einst die schwarze Pest*» ‘чёрная чума’ и др.) [5, S. 214]; фауны («*Halts Maul, Kamel-treiber*» ‘погонщик верблюдов’; «*Sau-Ausländer*» ‘иностранцы свиньи’) (1); воды («*Flüchtlingsströme*» ‘потоки мигрантов’, «*Flüchtlingswelle*» ‘волна мигрантов’ oder “*Flut an Flüchtlingen*» ‘номок мигрантов’) (2); стихийные природные явления (W. Schäuble über Flüchtlinge: «*Lawinen kann man auslösen, wenn irgendein etwas unvorsichtiger Skifahrer an den Hang geht und ein bisschen Schnee bewegt*» ‘лавины мигрантов’) (3);

Результаты исследования показывают, что большинство выявленных метафор обладают негативной оценочностью. Эти выводы подтверждаются данными исследователя Й. Рике: «*Solche Metaphern erzeugen so zwar Angst und Bedrohlichkeit, evozieren aber nur ein „schwaches Bild“ vom Migranten*») [4].

А. Матиас, видит в подобных метафорах тенденцию «дегуманизации» («*Dehumanisierung*») данной социальной группы [5].

Перспективным представляется дальнейшее исследование концепта «Flüchtling» в немецком языке, например, через призму анекдотов и других высказываний с «юмористической тональностью» (по В.И. Карасику), в которых, по нашим предварительным наблюдениям, также фиксируется (в основном негативное) отношение к мигрантам.

Подобное негативное отношение может проиллюстрировать следующая шутка: «*Warum machen Flüchtlinge keine Tore? Weil sie keinen Pass bekommen*» ‘Почему мигранты не забивают голы? Потому что они не получают пас (паспорт)’) [6].

Возвращаясь к нашему замечанию о взаимовлиянии дискурсов, отметим ещё одно интересное явление – привлечение спортивных метафор для нужд политической коммуникации (ср. термин «спортизация», подробно рассмотренный в работе Р.В. Белютина [7]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stehl, T.* Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik / Т. Stehl. – URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5530/file/moku01_S33_52.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

2. *Новичкова, В. В.* Метафора как когнитивный рычаг эволюции смысла / В. В. Новичкова. – М., 1991. – 10 с.

3. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 384 с.

4. Wieso Wörter wie “Flüchtlingswelle” so gefährlich sein können. – URL: https://www.rnz.de/nachrichten/metropolregion_artikel,-Metropolregion-Wieso-Woerter-wie-Fluechtlingswelle-gefaehrlich-sein-koennen-_arid,126022.html (дата обращения: 10.05.2022).

5. *Mathias, A.* Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch in rechtsextremen Musikszenen / А. Mathias. – Frankfurt am Main : Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. – 336 S.

6. Flüchtling-Witze. – URL: <https://schlechtewitze.com/fl%C3%BCchtling> (дата обращения: 10.05.2022).

7. *Белютин, Р. В.* Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса / Р. В. Белютин. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019. – 336 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. „Halt’s Maul, Kamel-treiber“. – URL: <https://11freunde.de/artikel/halts-maul-kameltreiber/2466919> (дата обращения: 10.05.2022).

2. Wieso Wörter wie “Flüchtlingswelle” gefährlich sein können. – URL: https://www.rnz.de/nachrichten/metropolregion_artikel,-Metropolregion-Wieso-Woerter-wie-Fluechtlingswelle-gefaehrlich-sein-koennen-_arid,126022.html (дата обращения: 10.05.2022).

3. “Lawine”, “Strom”, “Ansturm” – so negativ sprechen wir über Flüchtlinge. – URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/fluechtlinge--lawine--strom-und-ansturm-so-negativ-wird-ueber-asylbewerber-gesprochen-6551130.html> (дата обращения: 4.09.2022).

А. Н. Угринович

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ТОЖДЕСТВА И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Приводится анализ функционирования разноуровневых средств выражения отношений тождества и противоположности в разножанровых текстах немецкоязычных СМИ.

Ключевые слова: *тождество; противоположность; категория компаративности; комментарий; репортаж.*

Отношения тождества и противоположности, возникающие в результате логической операции сравнения, являются объектом исследования как формальных, так общественных и гуманитарных наук. Вместе с тем свое языковое выражение данные отношения находят в рамках категории компаративности, которая обобщает все виды и способы сравнения. Для сопоставления предметов и объектов необходимо наличие у них общего признака, на основании которого можно установить характер возникающих между ними отношений. В словаре по логике тождество определяется, как «отношение между предметами (реальными или абстрактными), которое позволяет говорить о них как о неотличимых друг от друга, в какой-то совокупности характеристик (напр., свойств)» [1, с. 237]. Н. Д. Арутюнова считает тождество категорией, которая выражает равенство предмета, явления с самим собой или некоторых других предметов. О предметах А и В говорят, что они являются тождественными, «если и только если А обладает каждым свойством, которым обладает В, и наоборот» [2, с. 53]. В свою очередь, Ю. Д. Апресян противоположными называет такие вещи, если «А находится с другой оси симметрии данного предмета, чем В, и на том же расстоянии от него, что В» [3, с. 286]. Под противоположностью Аристотель понимает наибольшее различие между свойствами сравниваемых объектов, считая, что «законченное различие есть наибольшее различие, ибо за пределами такого различия ничего нельзя найти у вещей, различающихся по роду или по виду» [4, с. 260].

Актуальным представляется анализ функционирования средств выражения отношений тождества и противоположности в немецких и австрийских комментариях и репортажах. Методом сплошной выборки и контекстуального анализа из разножанровых текстов национальных онлайн-газет ФРГ и Австрии был составлен корпус разноуровневых средств выражения тождества и противоположности общим количеством 2181 микроконтекст. Количественный подсчет и распределение отобранного корпуса средств выявили, что средства выражения отношений противоположности преобладают в немецких и австрийских комментариях в сравнении с репортажами, а средства выражения тождества чаще встречаются в репортажах рассматриваемых СМИ.

К наиболее частотным средствам выражения тождества из выборки относится (не)распространенное приложение; простое предложение с глаголом *sein* 'быть'; конструкции с приравнивающим именительным и винительным падежом (*Gleichsetzungsnominativ, -akkusativ*); а также части речи с семантикой тождества: *Die meisten sind allein in der Klinik von Niamey, der Hauptstadt des westafrikanischen Landes Niger* [Wiener Zeitung, 29.08.2020]. 'Большинство из них одни в клинике в Ниамее, столице западноафриканской страны Нигер'. "*Vorsicht vor dem Feind – der Syrer ist dein Feind*" [Wiener Zeitung, 28.10.2014]. 'Остерегайся врага – сириец твой враг'. *Moldau galt in der Sowjet-Zeit als Kornkammer der UdSSR* [Wiener Zeitung, 20.05.2014]. 'В советское время Молдова считалась житницей СССР'. *Sie eint der Kampf gegen denselben Gegner* [Wiener Zeitung, 29.08.2020]. 'Их объединяет борьба с одним и тем же противником'.

К наиболее частотным средствам выражения противоположности относится превосходная степень сравнения прилагательных и наречий; дериваты с префиксами *anti-, il-, a-, un-* и др.; сложное предложение с союзами *aber, sondern, während*; части речи с семантикой противоположности: *Dreizehn Stunden dauerte seine längste Operation* [Wiener Zeitung, 29.08.2020]. 'Его самая длинная операция длилась тринадцать часов'. *Sie lassen sich in offizielle und inoffizielle Klubs unterteilen* [Spiegel, 05.12.2021]. 'Их можно разделить на официальные и неофициальные клубы'. *Die Schule ist vorbei, aber das Erwachsenenleben kann nicht beginnen* [Spiegel, 03.12.2021]. 'Школа закончилась, но взрослая жизнь не может начаться'. *Wir hätten seit Jahren wissen müssen, dass Putin und seine Schergen Praktiken in petto haben, die das genaue Gegenteil von „sauberem“ Krieg sind* [Kurier, 03.04.2022]. 'Мы должны были знать годами, что у Путина и его приспешников в рукаве есть методы, которые полностью противоположны «чистой» войне'.

Результаты распределения средств выражения исследуемых компаративных отношений можно объяснить жанровой спецификой рассматриваемых типов текстов. Комментарий как аналитический публицистический жанр текста нацелен на передачу авторской оценки и анализ причинно-следственных связей происходящих событий. Поэтому для аргументации собственной позиции, а также выявления последующих тенденций автором чаще акцентируются противоположные свойства объектов. В репортаже, наоборот, журналист заинтересован в максимально объективном и детальном отображении ситуации с места событий. Следовательно, важнее представляется показать общие черты и тождественные признаки объектов для целостного восприятия реципиентом транслируемой картины.

Еще одним интересным фактором для дальнейшего анализа закономерностей функционирования объекта исследования является лингвокультурный аспект. В настоящей выборке заметно, например, численное преобладание средств выражения отношений тождества в австрийских комментариях и репортажах в сравнении с немецкими текстами, тогда как в разножанровых текстах СМИ ФРГ употребительнее средства выражения противоположности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивин, А. А.* Логический словарь : ДЕФОРТ / А. А. Ивин, В. Н. Переверзев, В. В. Петров. – М. : Мысль, 1994. – 268 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
3. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Яз. рус. культуры : Вост. лит., 1995. – 472 с.
4. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель. – М. : ЭКСМО, 2015. – 442 с.
УДК 811.161.1'367.7'42

А. В. Чигирь

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Рассматриваются основные средства выражения эвиденциальности в русском языке. Представлены особенности функционирования маркеров эвиденциальности в текстах российских и белорусских СМИ.

Ключевые слова: эвиденциальность; семантика; русский язык; средства массовой информации.

Несмотря на то, что термин «эвиденциальность» впервые был использован еще в начале 20-го века, данная грамматическая категория долгое время не рассматривалась как универсальная. Впервые независимость данной категории обосновал Роман Якобсон, который в своей статье рассмотрел категорию эвиденциальности на примере русского языка.

Опираясь на распространённый в современной лингвистике подход, разработанный В. А. Плунонгом, к семантическому полю эвиденциальности можно отнести маркеры, основной функцией которых является ссылка на источник информации о сообщаемой ситуации. Иными словами, употребляя в своём сообщении эвиденциальный показатель, говорящий поясняет, каким образом он получил сообщаемые сведения [1, с. 338].

Занимаясь исследованием категории эвиденциальности, М. Ю. Григоренко установила, что эвиденциальные маркеры в русском языке представлены лексическими и синтаксическими единицами. Говоря о средствах выражения категории эвиденциальности в русском языке, необходимо упомянуть, что самыми частыми являются лексико-семантические группы глаголов речемыслительной деятельности, глаголы чувственного восприятия и образованные от них деепричастия. Также особенно распространены предикативные наречия, заканчивающиеся на -о, и слова-категории состояния (*ясно, явно, понятно, очевидно*), а также субъектно-авторизирующие средства

и имена существительные. Модальные частицы (*мол, дескать, якобы, де*) и вводно-модальные компоненты в роли маркеров категории эвиденциальности встречаются реже [2, с. 7–16].

Для проведения практического анализа специфики функционирования средств выражения эвиденциальности в русскоязычной прессе были отобраны комментарии и репортажи из новостных интернет-порталов БЕЛТА, Sputnik.by и Известия, приблизительно одинакового объема (прибл. 3500 словоформ для каждого вида текстов), содержащие средства выражения эвиденциальности. Общий корпус отобранного материала на русском языке составил 340 средств выражения категории эвиденциальности.

Проанализировав функционирование маркеров эвиденциальности в текстах белорусских интернет-СМИ, можно отметить, что самым распространёнными из них являются лексико-семантические группы глаголов речемыслительной деятельности, чья относительная частотность в комментариях и репортажах составила около 50 %: *Специалист подробно рассказала о системе развития и стимулирования женской активности* [3].

Несмотря на то, что М. Ю. Григоренко в своей работе не упоминала прямую речь и цитацию как отдельное средство выражения эвиденциальности, результаты сопоставительного анализа позволили выделить их как независимый маркер эвиденциальности, который, продемонстрировал достаточно высокую употребительность (27% в комментариях, и 42% в репортажах белорусских СМИ), например: *“Зажмите в ладони это сердечко, – Иван протягивает поролоновый реквизит. – Подуем. Раскрываем кулак”* [4].

Менее частотными в белорусских масс-медиа явились существительные, обозначающие источник информации (22 % в комментариях и 9 % в репортажах). Следует также отметить, что для текстов белорусских СМИ характерно сочетание всех трёх вышеперечисленных элементов: глагола речемыслительной деятельности, цитации или прямой речи и существительного, обозначающего источник информации: – *Производство солода включает в себя несколько процессов, – рассказывает начальник солодо-венного цеха Галина Михович. – Это приемка, очистка, сортировка, хранение ячменя. Сырье поступает на предприятие автомобильным транспортом или по железной дороге. Далее идет этап первичной очистки и сортировки сырья на новом современном высокотехнологичном оборудовании. После – хранение в силосах* [5].

Категория эвиденциальности в белорусских СМИ также маркируется при помощи вводно-модальных слов и наречий, а в репортажах также встречаются лексико-семантические группы глаголов чувственного восприятия: *Нередко от зрителей можно услышать: “Да все тут понятно! Все это ловкость рук, в которых спрятаны магниты, леска и другие прибабасы”* [4].

Что касается российских масс-медиа, то здесь лидирующим средством выражения эвиденциальности стали существительные, указывающие на источник информации (39,5 % в комментариях, 36 % в репортажах). Лексико-семантические группы глаголов речемыслительной деятельности также очень широко представлены в текстах российских интернет-СМИ (27 % в комментариях и 38,4 % в репортажах). Прямая речь и цитация занимают третье место по представленности в текстах российских авторов (12,5 % в комментариях и 15,2 % в репортажах). В отличие от текстов белорусских авторов, триада «глагол речемыслительной деятельности + цитация или прямая речь + существительное, обозначающее источник информации» не была представлена в комментариях российских авторов, будучи ограничена присутствием только в репортажах, что может быть объяснено стремлением авторов к наиболее полной и быстрой передаче информации: из одного сверхфразового единства читатель может сразу узнать об описываемом событии со ссылкой на источник информации. Глагол речемыслительной деятельности в такие моменты выступает связкой между цитацией или прямой речью и именем существительным.

Необходимо также отметить, что относительная частотность вводно-модальных слов и наречий в российских СМИ по сравнению с белорусскими практически в три раза выше в комментариях и в четыре раза в репортажах: *По ее собственному признанию, начиная свой путь в политике, Меркель всё время оказывалась в меньшинстве: молодая женщина среди опытных, маститых политиков-мужчин, уроженка ГДР, дочь пастора в консервативной партии видных западногерманских аристократов, промышленников и землевладельцев, лютеранка в католическом истеблишменте* [6].

Для выражения категории эвиденциальности российские авторы также используют предикативные наречия, заканчивающиеся на -о, которые имеют инференциальное значение, то есть указывают на то, что источником сообщения послужило умозаключение говорящего, например: *Очевидно, что коалиционные переговоры пройдут непросто и будут сопровождаться закулисными диалогами, торгом и политическими компромиссами* [6]. Относительная частотность этого маркера эвиденциальности составила 8 % в комментариях и 1,6 % в репортажах. Такая разница объясняется тем, что репортажи ставят своей целью в первую очередь рассказать читателю о произошедшем событии, а авторы комментариев предлагают анализ этих событий, который невозможен без логических умозаключений.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что существуют определённые различия между средствами выражения категории эвиденциальности, которые белорусские и российские авторы предпочитают употреблять в своих текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плунгян, В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.
2. *Григоренко, М. Ю.* Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Ю. Григоренко ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2011. – 22 с.
3. Женское предпринимательство в Беларуси [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/kommentarij-zhenskoe-predprinimatelstvo-v-belarusi-perspektivy-i-slozhnosti-461392-2021>. – Дата доступа: 29.08.2022.
4. Репортаж о фокуснике из Гомеля – основателе "Школы магии", который несет в мир частичку добра [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/regions/view/reportazh-o-fokusnike-iz-gomelja-osnovatele-shkoly-magii-kotoryj-neset-v-mir-chastichku-dobra-457638-2021>. – Дата доступа: 29.08.2022.
5. Слаженно, прибыльно, эффективно [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/regions/view/slazhenno-pribylno-effektivno-457041-2021>. – Дата доступа: 29.08.2022.
6. Прыжок в историю: политолог Евгения Пименова – о главных итогах «эры Меркель» и новых политических перспективах для ФРГ [Электронный ресурс] // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1226245/evgeniia-pimenova/pryzhok-v-istoriiu>. – Дата доступа: 29.08.2022.

УДК 811.112.2'42

Т. С. Щербина

Калужский Государственный Университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СЕКСИЗМА В НЕМЕЦКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье анализируются языковые репрезентации явления «сексизм» в немецкой спортивной языковой картине мира. В работе представлены случаи проявления сексизма в высказываниях разных субъектов спортивной коммуникации.

Ключевые слова: спортивный дискурс, спортивная языковая картина мира, гендерная оппозиция, сексизм, дискриминация.

С давних пор человек был неразрывно связан с различными видами и формами физической активности. Впоследствии они стали оформляться в многочисленные состязания, соревнования, турниры, поединки. Так возник спорт, со временем возведённый до статуса мирового глобального феномена.

Развитие спорта неизбежно сопровождалось развитием спортивной коммуникации, *спортивного дискурса*. В настоящее время, рассуждая о спортивном дискурсе, специалисты отмечают: «дискурс претендует на включение в спортивное языковое пространство в том случае, если в любом виде общения из трёх элементов коммуникации (субъект, адресат, содержание общения) хотя бы один прямо или опосредованно «высветит» спортивную тематику» [1, с. 60].

Спортивный дискурс складывается из массива субдискурсов. Помимо этого, спортивный дискурс зачастую пересекается с официально-деловым, военным, политическим, юмористическим дискурсом [2, с. 103–105]. Данная дискурсивная практика образует *спортивную языковую картину мира* и характеризуется различными отношениями имеющихся в рассматриваемом виде дискурса субъектов: спортсменов, тренеров, общественных деятелей и др.

Применительно к заявленной тематике особого внимания, на наш взгляд, заслуживает оппозиция «*Mann-Frau*» в контексте спортивного и околоспортивного коммуникативного пространства.

В настоящее время исследование спортивного дискурса в проекции противопоставления мужчины и женщины приобретает всё большую популярность. Интерес к данной проблеме проявляется и в научных работах по вопросу исследования языка спортивной коммуникации на предмет гендерной оппозиции.

Непосредственное либо опосредованное участие женщин в спорте зачастую сопровождается дискриминацией по гендерному признаку в отношении последних. Такое неравенство имеет разные формы проявления, одной из которых становится *сексизм*.

Языковая дискриминация в отношении женщин может проявляться в разных формах.

Поскольку узкие рамки статьи не позволяют продемонстрировать весь проанализированный эмпирический материал, в работе мы отразим наиболее яркие примеры.

«...*Dass die Gesellschaft scheinbar gar nicht im Kopf hat, dass auch eine Frau Männer trainieren könnte oder auch Verantwortung auf Bundesebene für Männer haben könnte. Das finde ich schon schade und auch ein bisschen traurig*».

В данном примере немецкий тренер, бывшая прыгунья с шестом К. Адамс, говорит о сексизме в отношении женщин-тренеров. В обществе глубоко укоренился стереотип о том, что женщина, несмотря на факт спортивных достижений в прошлом, не может тренировать мужчин, а также не готова нести ответственность за мужчин-игроков.

Дискриминация в отношении женщин-болельщиц футбола имплицирована во многих речёвках, скандируемых мужчинами во время матчей:

«...*Wo ist denn dein Freund? Erklär doch mal Abseits! Auszieh'n, auszieh'n!*»

В высказывании наглядно демонстрируется пренебрежительное отношение к женскому полу в вопросе «понимания футбола», а также фиксируется факт сексуализации женщины. Посредством использования фраз ‘А где же

твой парень? Ну-ка, попробуй, объясни, что такое «вне игры!» девушка представляется глупой, ничего не понимающей в правилах футбола. Команда ‘Раздевайся!’ в примере демонстрирует весьма специфическое отношение к девушке, пришедшей на стадион. Для мужчин-болельщиков она не более чем объект вождления.

Дискриминирующий оттенок в отношении женщины в спортивном дискурсе демонстрируется и в некоторых «тематических» анекдотах.

«- *Wie heißen die Hooligans beim Frauenfußball? – Always Ultras!*»

В представленном анекдоте унижается женский футбол и его почитатели. В футбольной среде болельщики традиционно делятся на разные группы, одной из которых являются «хулиганы» (hools), предпочитающие отстаивать честь любимой футбольной команды за пределами стадиона – в драках с фанатами других клубов и пр. Подобным «хулиганам» в женском футболе в анекдоте даётся название, аналогичное наименованию средств женской гигиены американского бренда Procter&Gamble «Always Ultra». Следовательно, «хулиган» в лице женщины рассматривается как неполноценный член футбольного клуба, который не в состоянии должным образом защищать честь футбольной команды, фанатом которой он является.

Представленной проблематикой данное исследование не ограничивается. Интересным представляется рассмотрение сексизма в иных, не освещённых в рамках данной статьи, проекциях. Примерами таких проекций могут быть: проявление вербальной агрессии к женщине-судье, женщинам-представителям спортивных команд, критика женщин-комментаторов на спортивных форумах и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белютин, Р. В.* Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.04 / Р. В. Белютин. – Смоленск, 2019. – 485 л.

2. *Зильберт, А. Б.* Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А. Б. Зильберт // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. – М., 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.

УДК 811.112.2'42

Л. М. Якубёнок

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТСКИХ РЕЧЕЙ

Целью настоящего исследования является проследить особенности употребления устойчивых сочетаний различного вида в текстах адвокатских речей и выявить закономерности их использования в немецкоязычном судебном дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *устойчивые сочетания; фразеологизмы; оценочность; интенция; судебный дискурс.*

Адвокатская речь является примером убеждающей, манипулятивной речи. Для осуществления интенции оправдания подзащитного и дискредитации процессуальных оппонентов судебные ораторы прибегают к целому спектру языковых средств воздействия: средствам объективной и субъективной модальности, положительной и отрицательной оценочности, риторическим вопросам, разнообразным средствам отрицания, экспрессивной лексике и средствам экспрессивного синтаксиса. Исследованные немецкоязычные адвокатские речи начала 21 века свидетельствуют об отходе немецких юристов от норм официально-делового и научного стилей („Kanzleideutsch“) при составлении защитительных речей: наряду с юридическим обоснованием совершенного деяния и выдвинутого обвинения в речах содержится авторская оценка положения дел, и для ее выражения используется тем более экспрессивно-окрашенные средства, чем громче и публичнее процесс, на котором юристы-ораторы выступают в роли защитника. Тем самым можно утверждать, что современным немецкоязычным текстам адвокатских речей присущи черты публицистического, официально делового и в ряде случаев художественного стилей.

Стратегия защиты осуществляется преимущественно двумя тактиками: оправдания действий подсудимого и дискредитации предъявляемого обвинения (манипулятивное противопоставление «свой-чужие»). В смысловой структуре судебного дискурса большое значение играет категория оценочности. На службе создания положительно-окрашенных контекстов оправдания и отрицательно-оценочных блоков дискредитации находится и такое языковое явление как устойчивые сочетания, далее УС. УС с трудом поддаются дефиниции и классификации [1, с. 9]. Признаком УС является, прежде всего, то, что оно состоит из более чем одного слова. Второй немаловажный признак УС состоит в том, что их значение не выводится (или выводится частично) из значений его составных частей. И что они, как правило, имеют фиксированную, лишь ограниченно изменяемую структуру. Спорным является отнесение к УС немецких номинализированных конструкций типа отглагольное существительное + десемантизированный глагол (Funktionsverbgefüge), например *zum Ausdruck bringen = ausdrücken* ‘выражать’, однако ввиду того, что эти сочетания имеют значения одного слова, мы будем относить их к разряду УС. Таким образом, в рамках данного исследования мы будем анализировать следующие виды УС:

1. оценочно-нейтральные УС:

а) номинализированные конструкции с десемантизированным глаголом (Funktionsverbgefüge) типа *Hilfe leisten = helfen* ‘оказывать помощь = помогать’;

б) полусвободные УС типа существительное + глагол *eine Rolle spielen* ‘играть роль’, существительное в родительном падеже или с предлогом *aus meiner Sicht* ‘с моей точки зрения’;

2. оценочные и экспрессивно-оценочные УС: фразеологизмы/идиомы разных синтаксических форм, содержащие образность, сравнение, перенос значения, экспрессию типа *an den Haaren herbeiziehen* ‘притянуть за уши’.

3. УС на латинском языке типа *a priori* 'изначально'.

Для анализа УС использовались немецкоязычные адвокатские речи по политическим преступлениям (обвинение в участии в террористических группировках) и экономическим преступлениям (обвинение в халатном руководстве фирмой, приведшем ее к банкроту). Методом сплошной выборки из текстов речей было отобрано по 60 контекстов, содержащих УС разных видов. Все отобранные УС проверены на их наличие в словаре DUDEN. Redewendungen. Приведем некоторые результаты анализа:

1. Различное количественное соотношение разных видов УС в речах с разной тематикой:

– политические преступления: оценочно нейтральные УС – 50 %, экспрессивно-оценочные УС – 50 %, латиноязычные 0 %.

– экономические преступления: оценочно нейтральные УС – 68 %, экспрессивно-оценочные УС – 30 %, латиноязычные 2 %.

Как видно, речи по защите обвиняемых в террористической деятельности содержат равное количество как безоценочных, так и оценочных УС. Речи же в защиту обвиняемых в преступной экономической деятельности содержат большее количество безоценочных УС и латинские устойчивые сочетания, что является следствием меньшей эмоциональности и гласности процессов данного типа и их большем соответствии «канцелярскому стилю», привычному для немецкого судопроизводства.

2. Количественное преобладание некоторых УС над другими. Наиболее часто в речах использованы следующие УС:

– номинализированные конструкции: *zum Ausdruck bringen* (5), *in Frage stellen* (3), *außer Kraft setzen* (2); *von etw. Gebrauch machen* (2), *in Kauf nehmen* (2);

– полусвободные УС: *meines Erachtens* (4), *eine Rolle spielen* (2), *einen Wert legen* (2), *aus meiner Sicht* (2), *Hilfe leisten* (2), *die Absicht haben* (2);

– фразеологизмы: *aus der Luft greifen* (5), *in guten Treuen* (4), *nur auf dem Papier stehen* (3), *auf der Hand liegen* (3), *nach Treu und Glauben* (2), *an der Nase herumführen* (2), *das Rubikon/die Grenze überschreiten* (2), *mit offenen Karten spielen* (2).

3. Наличие в текстах речей специфических для юридического/судебного дискурса УС, статус которых частично определен эмпирическим путем: *in guten Treuen* (наличие в словаре), *nach Treu und Glauben* (наличие в словаре), *durch die Maschen des Gesetzes schlüpfen* (наличие в словаре), *als Deckmantel dienen / in den Deckmantel (eines ordentlichen Strafprozesses) hüllen* (собственное наблюдение), *die Plaudertasche auf seine Seite ziehen* (собственное наблюдение), *nahe liegen* (собственное наблюдение), *zum Freispruch führen* (собственное наблюдение), *den subjektiven Tatbestand erfüllen* (собственное наблюдение).

4. Количественное соотношение положительно- и отрицательно окрашенных фразеологизмов:

– политические преступления: положительно-оценочные фразеологизмы типа *j-m zur Seite stehen, auf Gedeih und Verderb, j-m etw. in die Wiege legen* – 10%, отрицательно-оценочные типа *durch die Maschen des Gesetzes schlüpfen, an der Nase herum führen, mit zweierlei Maß messen, aus dem Ärmel schütteln* – 90%;

– экономические преступления: положительно-оценочные фразеологизмы *mit offenen Karten spielen, etw. aufs Spiel setzen, nach Treu und Glauben* – 19%, отрицательно-оценочные фразеологизмы *etw. unter den Tisch wischen, an den Haaren herbeiziehen, aus der Luft greifen, Kopfschütteln erregen* – 81%.

Как видно, юристы чаще прибегают к отрицательно-окрашенным фразеологизмам с целью дискредитировать процессуальных оппонентов. Экспрессивно-оценочные УС наилучшим образом служат интенции подчеркнуть несостоятельность тезисов обвинителей.

Таким образом, проведенный анализ позволил прийти к некоторым конкретным результатам, касающимся использования УС в судебном дискурсе, и могущим дать импульс для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden. Bd. 11 : Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – 3., überarb. u. aktual. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl, 2008. – 959 S.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В ПЕРЕВОДЕ

УДК 811.133.1'255.2

Е. Е. Везубова

О. А. Фрейдсон

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА И ЯЗЫКА ПЕРЕВОДА (на материале названий французских праздников)

Работа посвящена анализу специфики перевода названий французских праздников и связанных с ними атрибутов на русский язык. Эти лексемы несут в себе социокультурный компонент, который не всегда легко распознать.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая картина мира; лингвокультурология; лингвокультура; переводческие трансформации; геортонимы.

Национальная языковая картина мира представляет сложенную веками совокупность концептов и категорий концептосферы, которые выражены в языке. Возросший интерес к изучению различных аспектов национальных картин мира и важность календарных праздников как лингвокультурных компонентов обуславливают актуальность данного исследования.

Названия календарных праздников и их атрибутов являются частью «разделяемой культуры», сближающей говорящих на одном языке, проникнуть в который иностранцу порой нелегко [2, с. 117]. Поэтому культурное содержание геортонимов (языковых единиц, обозначающих имена праздников, памятных дат, торжеств [1, с. 48]) представляет сложности при переводе.

Основные проблемы, которые выявляются при анализе перевода геортонимов, сводятся либо к социокультурным, либо к собственно языковым причинам [7, с. 723]. К первым относят незнание «культурного референта»: связанных с праздниками обычаев и традиций, символического значения названия праздника, а также различное значение праздников в разных культурах. К языковым причинам относится отсутствие названия праздника в языке перевода. Рассмотрим эти проблемы на примере французских праздников, их названий и их атрибутов.

Зачастую геортонимы образуют богатые ассоциативные связи. Например, *Râques* 'Пасха' ассоциируется у француза с колокольчиками, шоколадными яйцами и пасхальным ягненком; *le premier Mai* 'Первое мая' – с ландышем; *Noël* 'Рождество' – с елкой, рождественским поленом, индейкой с каштанами; *L'Épiphanie* 'Богоявление' – это пирог волхвов, боб, выборы короля.

«Символический» компонент значения лексем, обозначающих атрибуты праздников, в толковых или переводных словарях, как правило, не указывается. Например, для лексемы *muguet* ‘ландыш’ в толковом словаре Le Robert приводится лишь дефиниция «*plante aux petites fleurs blanches en clochettes*» ‘цветок с маленькими белыми цветками в форме колокольчиков’ [5]. Однако известно, что во французской культуре ландыши ассоциируются с Первомаем, демонстрациями, и являются символом счастья. Например, заголовок *1er Mai: Sarkozy plante ses mugnets sur les pavés* [6] (дословно: ‘Первое Мая: Саркози сажает свои ландыши на мостовой’) можно интерпретировать как ‘Саркози призывает своих сторонников выйти на первомайскую демонстрацию’.

Особое внимание при переводе следует обращать на лингвокультуремы, основанные на общекультурных ценностях, но по-разному представленные в разных культурах. Таковой, например, является *L’Épiphanie* ‘Богоявление’ – один из древнейших христианских праздников, посвященный событиям, связанным с рождением Иисуса Христа. В ходе истории смысл праздника претерпел изменения, и он по-разному отмечается у разных народов. Например, в русской православной культуре в это время освящают воду, купаются в прорубях. Во французской католической культуре праздник Богоявления смешался с языческим древнеримским праздником Сатурналии. 6 января французы едят традиционный пирог *galette des Rois* ‘пирог волхвов’, а также *tirent les rois* ‘вытягивают королей’, то есть выбирают короля/королеву праздника, как во времена Древнего Рима. Зная эти лингвокультурные особенности, фразу из репортажа канала France 3 *En janvier, les têtes couronnées fleurissent: c’est la fête des rois!* [2] (дословно ‘В январе расцветают коронованные головы: это праздник королей!’) можно интерпретировать как ‘В январе французы выбирают королей: праздник Епифании!’.

Если взять один из русских атрибутов праздника Богоявления, например, *крещенские морозы*, то при переводе на французский язык используется имплицитный референт *сильные морозы* (‘*froid rigoureux*’), поскольку упоминание праздника может быть непонятно.

Лингвокультуремы, обозначающие ассоциации с праздником Пасхи у французов, – это колокола и шоколадные яйца. Согласно легенде, перед Пасхой колокола отправляются в паломничество в Рим. Возвращаясь, они раскидывают угощения: шоколадные яйца, фигурки кроликов и курочек.

В 2022 году весенние праздники пришлись на важное событие в жизни Франции: выборы президента. Привлекая внимание к предвыборной кампании, французские СМИ активно использовали названия праздничных атрибутов. Например, в пасхальном выпуске газеты *La Tribune* встречаем заголовок: *Cette année à Pâques, il y a quelque chose qui cloche*. Интересна игра слов, основанная на омонимии существительного *cloche* (‘колокольчик’), и глагола *clocher* (‘хромать, ковылять, идти не по плану’). Эту фразу можно было бы перевести: ‘В этом году на Пасху что-то пошло не так’, но важно сохранить культурный компонент *колокольчик*: ‘В этом году что-то случилось с пасхальным колокольчиком’. Поиски яиц в саду сравниваются с анализом программ кандидатов в президенты: *Chercher les oeufs dans les projets des*

deux finalistes de la présidentielle, voici le programme du week-end [3] ('Искать яйца в проектах двух финалистов президентских выборов: вот программа на выходные').

Анализ проблем перевода геортонимов показывает важность учета представления о языковой картине мира другого народа. Следует учитывать характеристику имени собственного, соотносить с ним имеющиеся референты, по возможности использовать имеющийся эквивалент (полный или частичный) либо комментировать имплицитный культурный элемент на языке перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
2. Galisson, R. De la langue à la culture par les mots / R. Galisson. – Paris : CLE International, 1991. – 191 p.
3. France. – URL: <https://france3-regions.francetvinfo.fr/occitanie/ce-que-vous-devez-savoir-deguster-votre-galette-rois-173797.html> (дата обращения 09.09.2022).
4. La Tribune. – URL: <https://www.latribune.fr/opinions/editos/cette-annee-a-raques-il-y-a-quelque-chose-qui-cloche-914219.html> (дата обращения: 30.08.2022).
5. Le Petit Robert de la langue française. – URL: www.lerobert.com (дата обращения: 29.08.2022).
6. Le Point. – URL: https://www.lepoint.fr/debats/1er-mai-sarkozy-plantе-ses-muguets-sur-les-paves-28-04-2012-1456243_2.php (дата обращения: 18.08.2022).
7. Soriano, S. Les fêtes au fil des mois : problèmes de traduction / S. Soriano // Écrire, traduire et représenter la fête / E. Real, D. Jiménez, D. Pujante, A. y Cortijo (eds.). – València : Univ. de València, 2001. – P. 723–733.

УДК 811.112.2'373

Т. В. Внук

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Я. В. Савошинская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

«СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставляются фразеологические единицы с компонентами, относящимися к сердечно-сосудистой системе человека (сердце, вена, кровь), в немецком и русском языках.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *фразеологизмы; семантика; сопоставительный анализ; соматизмы.*

Фразеологические единицы (ФЕ) являются специфическими единицами языка, поскольку возникают на пересечении языка и культуры [1, с. 70] и представляют собой «сгустки» информации об окружающем мире и месте человека в нем. В результате осмысления жизненного опыта у каждого человека в отдельности и у этноса в целом формируется определенная картина мира, которая затем отражается в языковой (в том числе и во фразеологической) картине мира. Именно фразеологизмы дают яркую и ёмкую характеристику физических, психических, морально-этических, интеллектуальных качеств человека.

Важнейшую роль здесь играют соматические фразеологизмы, то есть ФЕ, основными компонентами которых являются наименования частей тела или внутренних органов человека. Поскольку отличительной особенностью соматических фразеологизмов от других ФЕ является существование большого количества аналогов в различных языках [2, с. 53], то объектом данного исследования стали соматические фразеологизмы немецкого и русского языков, имеющие в своем составе компоненты, которые относятся к сердечно-сосудистой системе (в немецком языке это *Ader, Blut, Herz*, в русском – *вена, кровь, сердце*). Цель исследования – сравнение семантики исследуемых фразеологизмов с точки зрения заложенных в них характеристик человека.

Анализ 110 ФЕ показал, что в материале исследования лидирует компонент *Herz* ‘сердце’ (47% от общего количества). Такие фразеологизмы обозначают, прежде всего, любовь, доброту, душевность. Помимо этого, через компонент *Herz* в немецком языке передаются следующие положительные чувства и характеристики человека: радость (*Das Herz flattert* ‘Сердце поет’); щедрость (*von ganzem Herzen* ‘от всего сердца’); храбрость, мужество (*sich ein Herz fassen* ‘набраться смелости’); сопереживание (*sich etw. zu Herzen nehmen* ‘принимать близко к сердцу’); доверие (*sein Herz ausschütten* ‘излить душу’). Однако данный компонент представлен и во ФЕ с негативными характеристиками: черствость человека (*kein Herz haben* ‘быть бессердечным’); страх (*Das Herz fiel in die Hose* ‘Душа ушла в пятки’); тоска (*schweren Herzens* ‘с болью в сердце’); нелюбовь (*Gezwungene Ehe – des Herzens Wehe* ‘Насильно мил не будешь’); страдание (*Das Leid frisst an dem Herzen* ‘Горе терзает душу’). Соотношение ФЕ с компонентом *Herz* с положительной и отрицательной оценкой – 59,4 % и 40,6 % соответственно.

В русском языке ФЕ с компонентом *сердце* отражают следующие положительные характеристики: любовь, тёплые чувства (*сердце моё, отдать сердце кому-либо, запасть на сердце*); щедрость (*от чистого сердца*); чистота намерений (*открыть сердце*); пылкость человека (*горячее сердце*); храбрость (*львиное сердце*). Такие единицы составляют 40% от фразеологизмов с данным компонентом. 60%, однако, отражают негативные чувства и характеристики человека: душевная боль (*камень на сердце, нож в сердце, сердце разрывается*); холодность человека (*каменное сердце*); страх, испуг (*сердце оборвалось, сердце в пятки ушло*); волнение, беспокойство (*с замиранием сердца, сердце не на месте*); нежелание (*скрепя сердце, с тяжёлым сердцем*).

Вторым по частотности компонентом в материале является *Blut* ‘кровь’ (33,8 % от общего количества ФЕ). Фразеологизмы немецкого языка имеют следующие значения: проявление характера (*Das liegt im Blute* ‘Это уже в крови’; *heißes Blut haben* ‘обладать пылким темпераментом’, *Das Blut verleugnet sich nicht* ‘Характер дает о себе знать’); сильные эмоции (*j-m bis aufs Blut zusetzen* ‘допечь, донять кого-либо’, *Das Blut stand ihm bis zu den Ohren* ‘покраснеть до ушей’), молодость, наивность (*einfältiges Blut* ‘наивный ребенок’, *junges Blut* ‘молодежь, молодой человек’); пролитие крови (*j-m Blut abzapfen* ‘пустить кровь кому-либо’, *sein Blut lassen* ‘проливать свою кровь’, *im Blute ersticken* ‘потопить в крови’); сочувствие (*armes Blut* ‘бедное дитя, бедняжка’). Соотношение ФЕ с положительными и отрицательными значениями составляет 21,7 % и 78,3 % соответственно.

В русском языке среди фразеологизмов с компонентом *кровь* преобладают единицы с отрицательной оценкой (60 %): тяжёлый труд (*даваться кровью и потом, кровавый пот*); сильное волнение (*Кровь кипит, Кровь бросилась (кинулась) в голову*); убийство (*жажда крови, обогреть руки в крови*); сильный страх (*Кровь стынет в жилах*). Положительная оценка выявлена в 40 % ФЕ с данным компонентом: самопожертвование (*до последней капли крови, проливать кровь*); родство (*плоть и кровь, узы крови, кровь от крови*); красота и здоровье (*кровь с молоком*).

Фразеологизмы с компонентом *Ader* ‘вена, артерия’ также достаточно частотны (19,2 % от общего количества ФЕ). 38,5 % немецких ФЕ имеют положительную оценку: удача (*eine ergiebige Ader* ‘золотая жила’, *auf eine Ader stoßen* ‘напасть на жилу’); щедрость (*eine freigebige Ader haben* ‘быть щедрым по натуре’); наличие таланта (*eine Ader für etw. haben* ‘иметь склонности к чему-либо’). Негативную оценку несут в себе 61,5 % немецких ФЕ: характер, эмоции человека (*eine leichte Ader haben* ‘быть легкомысленным’, *Er hat keine gute Ader* ‘ни одной хорошей черты нет в ком-либо’); отнять деньги (*j-n zur Ader lassen* ‘заставить раскошелиться, обобрать кого-либо’).

В русском языке компонент *вена* часто заменяется лексемой *жила*. Положительные значения: избыток сил и энергии (*Кровь играет в жилах*); большая удача (*напасть на золотую жилу*). Однако чаще ФЕ с данным компонентом демонстрируют негативное значение: непосильная работа (*тянуть жилы*); страх, тревога (*Кровь стынет в жилах*); работа без удовольствия (*не в жилу что-либо делать*). Соотношение фразеологизмов с положительным и отрицательным значением: 42,9 % и 57,1 % соответственно.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: среди рассмотренных фразеологизмов в обоих языках лидирует компонент *сердце*, незначительно доминируют единицы с отрицательной оценкой (58,2 %), аналогом немецкого компонента *Herz* часто является русский компонент *душа*, а компонента *Ader* – *жила*. «Сердечно-сосудистые» фразеологизмы немецкого и русского языков в целом довольно схоже передают картину мира данных этносов и характеристики человека в данных этнокультурах. Такие ФЕ свидетельствуют о высокой степени антропологичности фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛИБРИКОМ, 2012. – 456 с.
2. *Куницкая, Н. В.* Дериватология и динамика в романских и германских языках: функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц : межвуз. сб. / Н. В. Куницкая, В. Ф. Мельник, Б. С. Данилов. – Кишинёв : Штиинца, 1989. – 55 с.

УДК 821.111-2.09

Т. Н. Иванова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Университет Аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПЬЕС ДЖ.М. СИНГА, ИХ ПЕРЕВОД И СЦЕНИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РОССИИ

Рассматриваются особенности драматургии ирландского драматурга начала XX столетия Дж.М. Синга, прежде всего его пьесы «Ирландский герой», анализируется ее национальная специфика, а также драматургические идеи и приемы Дж.М. Синга, одного из ярких представителей эстетического и литературного движения Кельтского Возрождения. Сценическая история постановок данной пьесы в России представляет особый интерес. Автор приходит к выводу о том, что российские постановки на основе разных литературных переводов являются межсемиотическими переводами и заслуживают дальнейшего изучения в рамках диалога культур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *Дж.М.Синг, Кельтское Возрождение, язык пьес, межсемиотический перевод, национально-специфическое, диалог культур.*

Статья посвящена восприятию пьес Дж. Синга в России и в большой степени его пьесы “The Playboy of the Western world”, которая впервые была переведена и поставлена в Петрограде в 1915 году и имеет весьма интересную постановочную историю. Название здесь приведено в английском варианте специально, потому что в русском переводе она называлась по-разному, но ни один из переводов названия не дает представления об идее Синга. «Чудо-герой» в переводе М. Потапенко и «Ирландский герой» в переводе Зинаиды Венгеровой, и просто «Герой» в переводе Корнея Чуковского, а в более поздний период пьеса вошла в театральный репертуар в переводе В. Метальникова под названием «Удалой молодец- гордость запада».

Под этим названием она ставилась в ряде театров в России, хотя звучит оно странно и, как представляется, совсем не понятно русскому читателю. И слово Playboy и Запад (когда-то наиболее бедные наиболее культурно-значимые районы) сейчас вызывают совершенно иные ассоциации и нуждаются в пояснении. Видимо поэтому самая свежая постановка в Пермском театре «У Моста» называется «Ирландский герой- гордость запада».

Чем же мы можем объяснить подобный интерес к пьесе Синга в России, какова ее национально-культурная специфика и какие культурные особенности пытались передать постановщики?

Точкой пересечения ирландской и русской культуры стала романтика революции. В Ирландии, которая с 12 века постепенно колонизировалась англичанами, в конце XIX – начале XX столетия, зрели идеи возрождения национального самосознания, которые оформились в литературно-эстетическое направление «Кельтское возрождение» или «Кельтские сумерки». Ряд молодых талантливых поэтов, прозаиков и драматургов решили возродить интерес к историческому гэльскому языку, а также интерес к фольклору и сюжетам, современным для того периода. Идея с возрождением языка получилась, но далеко не сразу, для этого нужно было гораздо больше времени, а вот идея театра и соответствующих национальных пьес оказалась весьма плодотворной.

Создать в Дублине новый, да и еще национальный ирландский театр было почти невозможно, потому что необходимо было получить специальную королевскую лицензию, но все же благодаря энтузиазму молодых и помощи меценатки из Манчестера Анны Хорниман, затея обрела свое воплощение и бывшее здание морга было отдано в долгосрочную аренду и довольно скоро стало Театром Аббатства (The Abbey Theatre), которое существует под таким названием до сих пор. Джон Батлер Йетс, известный к тому времени поэт и одна из центральных фигур Кельтского возрождения сам писал пьесы, в основном на материале романтических и грустных легенд Ирландской мифологии. Он же уговорил молодого журналиста Джона Синга, с которым встретился в Париже, вернуться в Дублин и написать что-то ирландское для нового театра. Уже первая одноактная пьеса Синга «В сумраке долины» оказалась шедевром, но шедевром очень спорным с точки зрения критики.

До Синга Ирландию показывали весьма патриархальной и тихой страной, а над ирландцами подшучивали, потому что они считались необразованными простаками и пьяницами. Женщины должны были изображаться покорными созданиями, полностью покорными воле мужа. У Синга все было совсем иначе. Он с одной стороны использовал какие-то истории, которые услышал от жителей Аранских островов, настоящей Ирландской глубинке с другой стороны акценты и герои были совершенно неожиданными. Жена – независима и она не покоряется воле мужа, а наоборот, уходит с бродягой, выбирает свободу. Критика посчитала, что пьеса дает искаженное представление об ирландских женщинах, хотя в глубине души понимали, что Синг был прав. Другие критики говорили о том, что по силе звучания идеи эта пьеса может сравниться со знаменитой пьесой Ибсена «Кукольный дом».

Синг прожил недолгую жизнь и скончался в 1909 в возрасте 37 лет. Написал всего лишь 7 пьес, причем 7-я была незакончена. По мнению литературоведов «Герой» – это вершина творчества Синга. Сюжет и поведение главных героев отражают стремление к свободе, но весьма необычным образом, главная борьба происходит между отцом и сыном, а также сыном и священником.

В центре пьесы фарсовая трагикомичная ситуация, сначала сын в пылу ссоры ударяет отца лопатой и думает, что убил его. Он хвастается, что теперь он освободился от родительского гнета, и вся деревня начинает его уважать и делает из него героя, потому что этот, всем известный замухрышка не побоялся ни деспота отца, ни полиции, ни священника, т.е. не побоялся рушить имеющиеся устои. Тем самым метафорически отрицаются патриархальные ценности – безоговорочное подчинение родителям и богобоязненность.

Потом оказывается, что отец выжил и кроме шишки ничего с ним не случилось, и деревня опять очень слаженно теряет интерес к тому, которого ненадолго сделала своим героем. но это – трагикомедия, сюжет снова был подслушан на Аранских островах и снова – это не фольклор, а история, которую рассказывали в нескольких деревнях современной Сингу ирландской глубинки. Показана была в пьесе и нищета ирландцев, безысходность их существования, отсутствие надежд, местный паб – единственное развлечение. Особенно стоит отметить особый, яркий язык героев всех пьес Синга, которые говорили не на английском языке, а на англо-ирландском, который Синг записывал у старожилов и умело использовал, смешав его с литературным английским. Этот прием использован во всех его пьесах, что усиливало эффект новой национально-специфической ирландской пьесы. Постановка возымела эффект разорвавшегося снаряда. Спектакли сопровождалась бунтами зрителей, традиционно настроенная часть публики пыталась сорвать представления, приносила специальные дудки, которые заглушали слова, и полиция была не раз вызвана, чтобы навести порядок, а потом какое-то время пьеса не исполнялась.

Впервые «Удалой молодец» была показана в Дублине в 1907 году, а далее в Париже и в Берлине. В России в 1905 совершилась революция и, видимо, бунтарский дух пьесы, привлек революционно настроенную интеллигенцию. В то же время и русский театр той поры искал новые формы и идеи для постановок. Александр Блок писал в 1908 году: «В наши дни мне кажется своевременным отметить тот мало еще заметный поворот, который произошел в русском театральном деле за последние годы. Это – только еще начало и предвестие какого-то большого дела, которое должно совершиться; но все пути к этому делу уже намечены историей...»[1]

В 1915 вышли первые переводы именно этой, самой бунтарской пьесы. Переводчик Зинаида Венгерова сопровождала свой перевод, который вышел под названием «Ирландский герой», обширным предисловием, где объясняла в чем революционный дух произведения. Она упомянула о триумфальных постановках в Париже, очень подробно разъясняла тонкости пьесы и дала обобщенную характеристику литературной ценности ирландского возрождения. Она писала: «Писатели “ирландского возрождения” внесли в выполнение своей задачи близкое, любовное знание и понимание народной жизни. Они сжились с бытом ирландского запада, находясь в постоянном общении с своеобразными типами местного крестьянства; бродягами, заполняющими дороги; крестьянами<...>сельскими рабочими, которые видят единственное свое спасение в эмиграции в Америку. Весь этот мир перенесён в новейшую ирландскую драму вместе с воссозданным в диалоге народным

говором, в котором сверкает народная фантазия и романтизм чувств своеобразно сливается с бунтующим индивидуализмом – основной чертой ирландцев»[2].

В 1915 году в Петрограде была постановка этой пьесы, но, к сожалению, пока не удалось найти информации, какова была ее судьба. Следующий этап постановочной жизни пьесы в России это 1921–1922 год, который считается золотым, потому что изобилует замечательными театральными постановками.

Пьесой Синга заинтересовалась Первая студия МХТ, при этом режиссер А. А. Дикий решили сделать постановку более интернациональной, поэтому заказал Корнею Чуковскому новый перевод и попросил снять слово «ирландский» из названия. Чуковский писал про то, что режиссер Дикий ставил своей задачей «впервые дать произведение Синга без реально-бытовой, национальной окраски, впервые использовать материал, предлагаемый пьесой, для создания спектакля общечеловеческого, а не узконационального».

Чуковский принимал возможность такого подхода, но при этом замечал, что «реально-бытовая окраска никогда не мешала произведениям искусства быть универсальными, и апеллировать ко всему человечеству». [3]

Чуковский очень серьезно увлекся переводом и создал целый ряд примечаний, но многие из них не были приняты.

Но примечания и заметки Корнея Ивановича дают нам очень интересную картину. Он объясняет бунты и попытки срыва спектаклей в Дублине и дает нам понять свою оценку творчества автора.

В современной статье, вышедшей в Дублине, говорится, что актеры, игравшие первые постановки в Дублине были новаторами и бунтарями, которые неустанно трудились, чтобы понять, какова же будет «новая» Ирландия [4].

Постановка Дикого, премьера которой состоялась уже в 1923, тоже была во многом новаторской. Сначала декорации и костюмы были даже заказаны Марку Шагалу, некоторые эскизы хранятся в Центре Помпиду в Париже. Однако, идеи Шагала не понравились слишком большой религиозностью, и Шагала заменили на Александра Радакова, который работал в ту пору в «Сатириконе». Его декорации и грим, однако, ничем не напоминали ирландскую деревню, а костюмы по воле режиссера и вовсе специально были подобраны так, чтобы национальное было затушевано. Театральные журналы реагировали на постановку бурей рецензий, интересный обзор которых представлен в статье театроведа К.В. Ярош [5, с.43–54].

В одной из рецензий, автор, подписавшийся псевдонимом «Конек-Горбунок» отмечал тот факт, что актрисы, игравшие главные женские роли, были скорее похожи на цыганок или испанок, из-за очень яркого макияжа, а не девушек из ирландской деревни, что на сцене появлялись персонажи разных национальностей, что затрудняло восприятие. Но в этом и была попытка сделать пьесу более интернациональной. А про декорации рецензент написал, что актеры играли на фоне журнала «Сатирикон», видимо, потому, что стиль декораций Радакова был слишком узнаваем [6, с. 516–518]. Однако,

были и очень позитивные рецензии, например, журналист и критик Сергей Ауслендер написал, что «весьма искушенный зритель МХАТа аплодировал продолжительно и искренне и что постановщик Дикий и художник Радаков это заслужили вполне» [7, с. 524–525].

Еще одна рецензия за подписью ПИР утверждает, что пьеса не всегда понятна и обвиняет в этом и актеров, и постановщика, и самого автора. Но в то же время рецензии подробно описывают постановку и становится ясно, что спектакль произвел очень яркое впечатление и является совершенно новаторским [8, с. 13–14].

В 1925 году пьеса была поставлена в Александринке, в Петербурге и удивительным образом, критика по-прежнему была недовольна, но совсем другим. Автор рецензии Гайк Адонц, критик пролеткультовского толка и впоследствии политический редактор издательства АН СССР, очень жестко оценивает самого Синга, пьесу считает декадентской, примером «искусства для искусства». Адонц считает, что, как он пишет, «Московские попытки показать «вселенское», «общечеловеческое», то «пьеса явится простым мелким фарсом, немощной потугой на какое-то идеологическое значение» [9, с. 5] Достается от критика и самому Чуковскому, а заодно даже и Хлестакову, образ которого «в наши постепенно теряет свою идеологическую ценность». Главная претензия к пьесе Синга в том, что он не показывает классового пробуждения или сознание угнетенных масс и поэтому на интересы и симпатии сознательного пролетарского зрителя претендовать не может». Поэтому ставить надо как узконациональный, ушедший в прошлое анекдот и фарс. Сейчас читаешь эти строки с улыбкой, но чувствуется, что в момент написания по поводу пьесы было сломано немало копий. Трагическая ирония нашей истории состоит в том, что и Сергей Ауслендер, который хвалил спектакль в Москве и Гайк Адонц, критиковавший постановку в Ленинграде впоследствии были осуждены и расстреляны как враги народа.

А пьеса Синга до сих пор продолжает жить и радовать зрителя, в этом году она была поставлена в Перми (театр «У Моста») под названием «Ирландский герой – гордость Запада» и режиссер-постановщик Сергей Федоров называет ее мощной, а в Синге видит предтечу современного британского драматурга ирландского происхождения Мартина МакДонаха [10].

Помимо прямых постановок пьесы существует огромное количество адаптаций, т.е. пьес, которые были написаны на синговский сюжет, но интерпретированы в другой культуре, начиная с «Нечаянной доблести» Ю.Н.Юрьина в Малом театре в 1923 году и по настоящее время.

Подводя итог, отметив, что все постановки Синга в России – это варианты межсемиотического перевода, несмотря на колебания и странности, именно они показывают, как постепенно и непросто, но очень интересно происходило взаимодействие культур и постижение драматургического и культурного потенциала пьес Дж. Синга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок, А. А. О театре / А. А. Блок // Литература и жизнь : [сайт]. – URL: http://dugward.ru/library/blok/blok_o_teatre.html.
2. Венгерова, З. А. Предисловие / З. А. Венгерова // Современник. – 1915. – Кн. IV. – [Предисл. к кн.: Синг, Дж. М. Ирландский герой : комедия в 3 действиях]. – URL: http://az.lib.ru/s/sing_d_m/text_1907_the_playboy_of_the_western_world-oldorfo.shtml.
3. Чуковский, К. Синг и его «Герой» / К. Чуковский // CHUKFAMILY : [сайт]. – URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/sing-i-ego-geroj>.
4. 1916: Ireland and the Challenge of the Cultural Revolution // Irish Examiner. – URL: <https://www.irishexaminer.com/opinion/commentanalysis/arid-20379197.html> (дата обращения: 01.02.2016).
5. Ярош, К. В. «Под лапой... ласкового НЭПа». «Герой» Дж. М. Синга в Первой студии МХТ. 1922/23 / К. В. Ярош // Театрон. – 2016. – № 2. – С. 43–54.
6. Конек-Горбунок. Путешествия по театрам : [генеральная репетиция] // Театр и музыка. – 1923. – № 4 (17). – С. 516–518.
7. Ауслендер, С. «Герой» / С. Ауслендер // Театр и музыка. – 1923. – № 4. – С. 524–525.
8. Пир. МХАТ. Первая студия. На генеральной – Синга // Зрелища. – 1923. – № 21. – С. 13–14.
9. Адонц, Г. Герой / Г. Адонц // Жизнь искусства. – 1925. – № 12. – С. 4–5.
10. Театр «У Моста» выпустил новый спектакль «Ирландский герой – гордость Запада» // Рифей [сайт]. – URL: https://rifey.ru/news/list/id_114138. – Дата публикации: 01.07.2022.

УДК 811.112.2'25

Н. В. Курбаленко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

К ПЕРЕВОДУ ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ (на материале немецкого и белорусского языков)

Рассматриваются сходства и различия между немецким и белорусским языками при выражении каузации эмоциональных состояний. Описаны некоторые особенности перевода немецкоязычных эмотивных каузативов на белорусский язык.

К л ю ч е в ы е с л о в а: каузативная конструкция, каузация эмоциональных состояний, эмотивный каузатив, лексический каузатив, синтаксический каузатив.

Под *эмотивным каузативом* мы понимаем глагол, описывающий смену эмоционального состояния под воздействием (целенаправленным или произвольным) другого человека или объекта.

Каузация и каузируемое эмоциональное состояние могут быть выражены синтетически, т.е. при помощи одной лексемы, и аналитически, т.е. расчлененно, когда первая часть структуры называет каузативный компонент, а вторая – эмотивный.

Лексический, или синтетический, каузатив (типа русск. *радовать*) образует трехкомпонентную каузативную конструкцию (КК), состоящую из субъекта каузации, объекта каузации и самого каузативного глагола, совмещающего в себе значения каузативности и эмотивности.

Аналитический, или синтаксический, каузатив (типа русск. *вызвать радость*) организует четырехкомпонентную КК, включающую в свой состав субъект каузации, объект каузации, глагол со значением каузации и результат каузации, называющий некое эмоциональное состояние.

Класс глаголов, выражающих каузацию эмоциональных состояний, недостаточно изучен и представляет несомненный интерес для лингвистических исследований.

Материалом исследования послужили примеры эмотивных каузативов из немецкоязычных художественных произведений и их переводов на белорусский язык.

Как показывает проведенное исследование, в немецком языке практически равным образом используются как лексические, так и синтаксические эмотивные каузативы. В качестве операторов каузативной связи в последних используются глаголы *auflösen, bringen, einfließen, erregen, erwecken, machen, (ver)setzen* и др. Результат каузации в таких КК выражается при помощи имени существительного (с предлогом или без), имени прилагательного, а также посредством инфинитива другого глагола, при этом в анализируемых художественных текстах глагольно-именные КК преобладают над глагольно-инфинитивными КК.

Белорусский язык располагает схожими с немецким языком средствами выражения каузации эмоциональных состояний – лексическими и синтаксическими эмотивными каузативами. Четырехкомпонентные КК в белорусском языке образуют глаголы типа *абудзіць, ахапіць, выклікаць, вызваць, давесці, прывесці, прымусіць* и др. Как и в немецком языке, при их использовании преобладает глагольно-именная структура.

Несмотря на наличие в белорусском языке аналогичных способов передачи каузации эмоциональных состояний, сопоставление оригинальных и переводных текстов показывает, что перевод эмотивных каузативов немецкого языка на белорусский язык имеет свои особенности.

Так, при переводе немецких трехкомпонентных КК используются, как правило, эквивалентные им трехкомпонентные КК белорусского языка, организуемые соответствующими лексическими каузативами: *Aus einer schwarzen Gassenschlucht dicht vor mir gespien erschreckte mich ein Mensch...* [1]; *Вынырнуўшы з чорнай пашчы завулка, мяне спалохаў нейкі праходжы...* [2]; *Früher wäre er vielleicht boshaft gewesen, um sie zu ärgern* [3]; *Паней ён, мусіць, гаварыў бы дзёрзкасці, каб назлаваць маму* [4].

Однако при переводе четырехкомпонентных КК немецкого языка используются как четырех-, так и трехкомпонентные КК белорусского языка:

1) *Dieses Schweigen, dieses obstinate kalte Schweigen mit dem Zittern von Hohn auf den Lippen machte sie rasend* [3]; *Гэтае маўчанне са здэкліваю ўсмешкаю на вуснах прыводзіла яе ў шаленства* [4]. *Es hat mich, seit ich es weiß, gelähmt und zur Verzweiflung gebracht* [1]; *З таго часу як я гэта ведаю, яно забівае мяне і ўкідае ў роспач* [2].

2) *... darf uns nicht in Verwunderung setzen* [1]; *Хай нас не здзіўляе...* [2]; *Nur daß seine Mutter nicht ins Zimmer trat, machte ihn wirr* [3]; *Яго бянтэжыла толькі тое, што мама чамусьці не ішла ў пакой* [4].

Такой способ перевода связан, по-видимому, с тем, что синтаксические эмотивные каузативы не получают в белорусском языке такого широкого распространения, как в немецком.

Кроме того, не все КК немецкого языка в нашей выборке переводились на белорусский язык при помощи эмотивных каузативов. В таких случаях в переводе сразу называется результат воздействия субъекта на эмоциональное состояние объекта, при этом самым распространенным способом обозначения эмоционального состояния являются возвратные глаголы и предикативные наречия:

1) *Er hatte sie alle verschreckt* [3]; *Яны ўжо напалохаюцца* [4];

2) *Es hätte mich interessiert, Ihre Meinung, Ihren Widerspruch, Ihr Urteil zu hören* [1]; *Мне было б цікава пачуць вашу думку, вашы пярэчанні, вашы меркаванні* [2].

Среди других способов передачи эмоциональных состояний можно отметить использование имен существительных, наречий или имен прилагательных:

1) *... daß ... der Ausspruch eines Dienstboten oder Trambahnschaffners, ihn begeistern konnte* [1]; *Ён ... мог прыйсці ў захапленне ад якога-небудзь слугі альбо, скажам, трамвайнага кандуктара* [2];

2) *Aber – der jähe Gedanke erschreckte ihn – würde das genügen?* [3]; *Але ці хопіць гэтых грошай?» – раптам спалохана спытаў ён сябе* [4];

3) *Das amüsierte den Baron* [3]; *Гэта здалася барону забаўным* [4].

Таким образом, не являясь близкородственными, немецкий и белорусский языки, демонстрируют схожие черты при передаче каузации эмоциональных состояний. Как в немецком, так и белорусском языках используются лексические и синтаксические эмотивные каузативы. Однако, в белорусском языке лексические эмотивные каузативы получили большее распространение, чем в немецком языке, что отражается на переводе с немецкого языка на белорусский, когда при переводе четырехкомпонентных КК немецкого языка используются как четырех-, так и трехкомпонентные КК белорусского языка.

Вместо передачи каузации эмоционального состояния и использования с этой целью КК в переводе может сразу называться результат воздействия субъекта на эмоциональное состояние объекта. Это происходит с помощью возвратных глаголов, предикативных наречий, имен существительных и прилагательных и других описательных способов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hesse, H. Der Steppenwolf* [Electronic resource] / H. Hesse. – Mode of access: https://bookscafe.net/read/hesse_hermann-der_steppenwolf-142375.html#p1. – Date of access: 15.01.2022.
2. *Гесэ, Г. Стэпавы воўк* [Электронный ресурс] / Г. Гесэ. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/gesse_german-stepavy_vouk-251936.html#p1. – Дата доступа: 15.01.2022.
3. *Zweig, S. Brennendes Geheimnis* [Electronic resource] / S. Zweig. – Mode of access: <http://www.rulit.me/books/brennendes-geheimnis-read-266242-2.html>. – Date of access: 15.04.2021.
4. *Цвэйг, Ш. Пякучая таямніца* [Электронный ресурс] / Ш. Цвейг. – Режим доступа: http://knihi.com/Stefan_Cvajh/Piakucaja_tajamnica.html. – Дата доступа: 14.04.2021.

УДК 811.11'25'373

И. А. Лапицкая

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Т. Ю. Василькова

Выпускник Минского государственного лингвистического университета, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ОРУЖИЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассматриваются способы перевода немецких и английских фразеологических единиц с компонентом «оружие» на русский язык. Анализируются структурные особенности фразеологизмов с компонентом «оружие» в немецком и английском языках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *фразеологическая единица, немецкие фразеологизмы, английские фразеологизмы, русские соответствия, способ перевода.*

Фразеологический фонд языка представляет собой ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, о системе ценностей, общественной морали, об отношении этноса к миру, к другим народам. Проблема перевода фразеологических единиц всегда остро стояла перед переводчиками и продолжает оставаться объектом многочисленных исследований. В современной лингвистике отмечается возрастающий интерес ученых к вопросу перевода фразеологизмов с точки зрения стилистики, лингвокультурологии, а также в сопоставительном аспекте [1]; [2]. В связи с этим актуальным представляется исследование, посвященное изучению особенностей перевода английских и немецких фразеологизмов с компонентом «оружие» на русский язык.

Материалом для проведения исследования послужили 99 фразеологизмов: 51 единица в немецком языке и 48 единиц в английском языке, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского и немецкого языков (Н. Schemann, Longman Dictionary of English Idioms, Л. Э. Бинович, А. В. Кунин). В работе использовались следующие методы: метод количественного анализа, сопоставительный метод, метод компонентного анализа, метод сплошной выборки.

Было выявлено, что доминирующими лексемами в немецких фразеологизмах является компонент *die Waffe*, в английских – компоненты *arms* и *gun*.

Проведенный анализ показал, что фразеологизмы с компонентом «оружие» демонстрируют структурное многообразие. В структурном отношении фразеологизмы с оружейным компонентом более разнообразны в немецком языке и представлены 8 моделями в сравнении с 5 моделями в английском языке. Общей чертой в грамматической структуре фразеологизмов в немецком и английском языках является высокая частотность модели «гл + сущ»: *to jump the gun, den Degen ziehen*. Кроме того, в обоих языках малопродуктивной является модель «сущ. + сущ.».

Было установлено, что среди фразеологизмов с компонентом «оружие» в анализируемых языках самыми распространенными являются процессуальные фразеологические единицы (64,5 % в немецком языке, 61,4 % в английском языке), например: *die Pistole auf die Brust setzen, to take up the cudgels for smb/smith*. Количественное преобладание процессуальных фразеологизмов над другими семантико-грамматическими классами фразеологических единиц (предметных, призначных и др.) может быть обусловлено как общей тенденцией доминирования процессуальных единиц в немецком и английском языках, так и тематикой фразеологизмов, указывающих на активные военные действия.

В ходе анализа особенностей перевода немецких и английских фразеологизмов с компонентом «оружие» на русский язык с опорой на переводные фразеологические словари было выявлено 4 способа перевода данных единиц: полные эквиваленты, частичные эквиваленты, подбор фразеологизмов-аналогов, описательный перевод.

Количественный анализ показал, что наиболее частотными способами перевода фразеологизмов с компонентом «оружие» с английского и немецкого языков на русский являются описательный перевод и перевод с использованием полных эквивалентов.

Описательный перевод используется при передаче 42 % английских фразеологизмов и 47 % немецких фразеологизмов с компонентом «оружие», например: *smoking gun* ‘неопровержимое доказательство вины или причастности к чему-либо’; *den Bogen heraushaben* ‘наконец что-то понять’. С помощью полных эквивалентов чаще переводятся немецкие фразеологизмы (34 %), чем английские (28 %): *die Waffen ruhen lassen* ‘сложить оружие, прекратить огонь’; *to cross swords* ‘скрестить мечи’. Частотность использования фразео-

логизмов-аналогов выше при переводе английских фразеологизмов (17 %) в сравнении с частотностью данного способа при переводе с немецкого языка (12 %): *to go great guns* 'быть на гребне успеха, быть на коне'; *jmdn. mit seiner eigenen Waffe schlagen* 'победить кого-то в его собственной игре'. Образные компоненты в русских аналогах зачастую связаны с различными сферами жизни человека, не только с военной сферой. В несовпадении фразеологической образности проявляется национально-культурная специфика языков. Частичными эквивалентами английские фразеологизмы с компонентом «оружие» переводятся практически в 2 раза чаще (13 %), чем немецкие фразеологизмы (7 %), например: *to rattle the sabre* 'бряцать оружием'; *die Pistole auf die Brust setzen* 'держат пистолет у виска'.

Таким образом, английские и немецкие фразеологизмы с компонентом «оружие» гетерогенны в структурно-семантическом отношении. Для их перевода на русский язык используются 4 способа: полные эквиваленты, частичные эквиваленты, подбор фразеологизмов-аналогов, описательный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. – 224 с.

2. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.

УДК 811.112.2'362

Д. И. Новик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ АГЕНТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются посессивные конструкции, выражающие отношение принадлежности по действию, а также конструкции, содержащие результаты действий, совершаемых посессором. Было установлено, что прототипическими средствами выражения атрибутивной посессивности являются притяжательное местоимение и родительный падеж.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *посессивность; атрибутивные посессивные конструкции; посессор; объект обладания; частотность.*

Категория посессивности является языковой универсалией, в семантику которой входит широкий круг отношений обладания, принадлежности, в том числе отношение принадлежности по действию. О семантической близости упомянутых отношений свидетельствует то, что в разных языках используются одни и те же формальные средства для обозначения и отношения собственности, и отношения агентивности. Кроме того, все частные отношения посессивности могут быть сведены к одному общему отношению: распространению одного объекта (посессора) на другой (обладаемое).

В ходе анализа художественных произведений немецкоязычной литературы, повести „Die verlorene Ehre der Katharina Blum“ и сборника рассказов „Wanderer, kommst du nach Spa ...“ Г. Белля, было зафиксировано 190 атрибутивных посессивных конструкций со значением агентивности, а в белорусскоязычном романе «Леаніды не вернуцца да Зямлі» В. С. Короткевича – 199 конструкций.

В корпусе примеров на немецком языке чаще было использовано притяжательное местоимение (47, 89 % конструкций), в то время как генитив был использован в 36, 84 % примерах, а в корпусе примеров на белорусском языке существенно преобладают генитивные конструкции (66, 83 %). На наш взгляд, на такое процентное соотношение используемых средств повлиял авторский стиль и некоторые особенности сюжета художественных произведений, а сами средства являются равнозначными в обоих языках и имеют схожие условия употребления.

В качестве подтверждения нашего предположения мы приводим примеры конструкций на двух языках, содержащие схожие лексемы, называющие действия, совершаемые посессором, а также результаты, продукты этих действий:

(1) *Verdammt, ich weiß nicht, ob deine Ironie oder deine Witze hier noch angebracht sind* [1, S. 98]. – *Непрыкметна ён проста прызвычайўся, што кожны тыдзень будзе бачыць яе, чуць яе голас, смяяцца з яе жартаў* [2, с. 63].

В приведенных примерах конструкциям с притяжательным местоимением предшествует упоминание посессора, либо посессор присутствует непосредственно в ситуации общения, что позволяет однозначно интерпретировать субъект, совершающий определенное действие.

В обоих языках нами также были выявлены пары конструкций, содержащих схожие лексемы, называющие действия, которые осуществляет посессор, а также результаты, продукты этих действий, в которых посессивные отношения выражены при помощи генитива:

(2) *Es war ganz still und ganz dunkel, und wieder nur dieses sinnlose Rascheln, wenn einer nicht schlafen kann, und das Rauschen des Regens, sehr milde* [1, S. 106]. – *Праз шум дажджу пачуўся шолах колаў на хліпкай зямлі* [2, с. 15].

(3) *In der Ferne hörte ich jetzt das regelmäßige, sehr eintönige Singen der Kompanie, die vom Dienst zurückkam* [2, S. 52]. – *Гэтая ўсмешка згасала на меры таго, як усё гусцей абступалі вуліцу цагляныя дамы, як усё мацней грукат трамваяў і ярасны снеў горада* [2, с. 107].

Стоит отметить, что в анализируемых конструкциях посессор может быть как одушевленным, так и неодушевленным, и данный фактор напрямую влияет на выбор средств выражения атрибутивной посессивности. Так, нами было установлено, что 66, 67 % конструкций с неодушевленным посессором в корпусе примеров на немецком языке содержат генитив (26 из 39 конструкций), а в корпусе примеров на белорусском языке генитивные конструкции составляют более 95 % от общего числа конструкций с неодушевленным посессором (80 примеров из 84). Притяжательное местоимение используется значительно реже, так как описание неодушевленного посессора ограничивается, как правило, одним-двумя предложениями, в то время как употребление притяжательного местоимения требует упоминания посессора непосредственно перед посессивной конструкцией. В приведенных ниже примерах данное условие соблюдено:

(4) *Dann erst klebte ich **die Kerze** auf den Rand meiner Bahre fest, so daß das Zentrum ihres Scheins auf des Toten Gesicht fiel* [1, S. 84].

(5) ***Зеляніна** палыну, быццам кранутая марозам, горка і сумна ліла свой пах у вокны белых палат* [2, с. 72].

Что же касается конструкций с одушевленным посессором, 56,29 % примеров на немецком языке содержат притяжательное местоимение и 29,14 % – генитив. В белорусском языке соотношение средств практически равное: 46,09 % составляют генитивные конструкции, 38,26 % – конструкции с притяжательным местоимением. Притяжательное местоимение используется довольно часто в текстах на обоих языках, так как в центре художественного произведения находится лирический герой, описание его действий, чувств и объектов материального обладания значительно распространено, что позволяет использовать притяжательное местоимение после упоминания посессора в контексте.

Для выражения посессивных отношений в обоих языках также используются предложные конструкции (*das Haus vom Vater, голас у Ганны*). Однако в конструкциях со значением агентивности предлог был зафиксирован в 20 примерах только на немецком языке. Специфика данной семантической группы также заключается в том, что в предложных конструкциях возможен только один предлог – *von*:

(6) *Die Stimme kündigte nur einen internationalen Zug von Rotterdam nach Basel an, und während ich Charlottes kleines, zartes Gesicht betrachtete, kam der Geruch von Seife und Kaffee mir in den Sinn, und ich fühlte mich scheußlich elend* [1, S. 65].

Согласно грамматике Duden, употребление предлога *von* означает некое отдаление посессора и обладаемого, подчеркивается их раздельность. В случае с действиями или результатами действий, между посессором

и объектами обладания нет такой тесной связи, как, например, с неотчуждаемыми объектами, а выбор в пользу предложной конструкции в большинстве примеров зачастую обусловлен необходимостью избежать повтора генитивной конструкции (*eines Besuchs von Tötges, Veränderung der Aussage von Frau Blum, Sätze von Katharinas Mutter*).

Нами также было отмечено, что в корпусе примеров на белорусском языке содержится вдвое больше конструкций с неодушевленным посессором. Данный факт можно объяснить тем, что В. С. Короткевич в своем произведении подробно описывает многие детали, звуки и запахи (*шум дажджу, пах кветак, мільгаценне зорак, шолах тралейбусаў*) для создания художественного образа.

Проведенный анализ позволяет заключить, что частотность употребления тех или иных средств выражения атрибутивной посессивности напрямую зависит от авторского стиля и специфики содержания художественного произведения. Сопоставление примеров, содержащих лексемы, называющие действия, совершаемые посессором, а также результаты, продукты этих действий, доказывает, что функционирование средств в обоих языках имеет схожие особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Böll, H. Wanderer, kommst du nach Spa... : Erzählungen / H. Böll. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985. – 161 S.
2. Караткевіч, У. С. Леаніды не вернуцца да зямлі / У. С. Караткевіч. – Мінск : Электрон. кнігарня, 2015. – 311 с.

УДК 811.112.2'25

П. С. Шиш

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА НА РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В данной статье анализируются русско- и немецкоязычные тексты международных договоров с целью определить их лингвокультурные особенности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: перевод; лингвокультурные особенности; международный договор; русский язык; немецкий язык.

Анализ текстов русско- и немецкоязычных международных договоров указывает на то, что в традициях делопроизводства в разных странах находит отражение в большей или меньшей степени лингвокультурологический ас-

пект, который обуславливает использование в обоих языках параллельных документов своих типичных конструкций.

Особой значимостью в тексте договора обладает преамбула. Она представляет собой вводную часть международного договора, в которой закрепляются официальные цели, принципы договора и мотивы его заключения, что организует прочтение и интерпретацию всего документа.

В синтаксическом отношении преамбула, как правило, выражена многочленным предложением с рядом речевых формул для обозначения мотивов заключения договоров. Каждая конструкция начинается с красной строки, а глагол, деепричастие или предложно-номинативное словосочетание графически выделяются курсивом. Содержащиеся в преамбуле дополнительные и сопутствующие условия, которые были учтены в процессе создания документа, способствуют пониманию статей договора.

Так, в Соглашении между Правительством Федеративной Республики Германии и Правительством Российской Федерации о культурном сотрудничестве употреблено четыре деепричастия (*стремясь к укреплению отношений, руководствуясь принципами и целями, принимая во внимание исторический вклад, желая расширить*) и одно страдательное причастие (*убежденные в том, что...*). В немецком варианте того же договора употребляются пять конструкций «предлог + существительное» (*in dem Bestreben, in der Überzeugung, eingedenk des historischen Beitrags, in dem Wunsch*) и одно причастие II (*geleitet von den Prinzipien und Zielen*).

В преамбуле Соглашения между Республикой Беларусь и Швейцарской Конфедерацией о регулярном воздушном сообщении на русском языке используется три разных деепричастия (*учитывая, являясь, желая*), в немецком тексте им соответствует два придаточных предложения причины с союзом «*da*» и инфинитивная конструкция с «*um...zu*».

Эти примеры подтверждают, что несмотря на смысловую эквивалентность текстов международных договоров на обоих языках для каждого языка используются свои типичные грамматические конструкции. Таким образом, для преамбулы русскоязычного текста договора характерны деепричастия и причастия, для немецкого языка – предложно-номинативные конструкции, причастия II, инфинитивные конструкции и придаточные предложения.

В основной части договора текст разбивается на статьи, в которых содержится соответствующее правовое положение. В случае необходимости статья может делиться на пункты, подпункты, абзацы. Статья является главным структурным элементом международного договора и представляет собой небольшое высказывание, подчиненное единой теме договора.

Каждая статья в международных договорах на обоих языках обозначается существительным «*Статья*» / «*Artikel*» и порядковым номером статьи. В некоторых документах можно наблюдать озаглавленные статьи. В таком случае заголовок, отражающий сущность последующего текста, будет присутствовать в каждой статье и в обоих языках. При этом в русскоязычных текстах международных договоров используется полное существительное

«Статья», в текстах на немецком языке помимо полного существительного с нулевым артиклем «*Artikel*» употребляется его сокращенная форма «*Art.*» (следует отметить, что в одном документе будет присутствовать только один способ обозначения): *Статья 6 – Artikel 6; Статья 3 Реализация прав – Art. 3 Ausübung der Rechte.*

Пункты статей в международных договорах обозначаются с помощью нумерованных списков: в документах на русском языке после числа следует точка, в немецкоязычном тексте такой способ тоже встречается, но наиболее частотным является вариант, где число заключено с двух сторон в круглые скобки. Данное различие обусловлено лингвокультурными особенностями русского и немецкого языков.

1. Стороны будут содействовать <...>.

2. Стороны будут поддерживать сотрудничество в деле подготовки и повышения квалификации специалистов и руководящих кадров экономики.

3. Стороны будут поощрять сотрудничество в области сохранения, реставрации и охраны культурных ценностей и исторических памятников.

(1) Die Vertragsparteien unterstützen <...>.

(2) Die Vertragsparteien unterstützen die Zusammenarbeit in der Aus- und Weiterbildung von Fach- und Führungskräften der Wirtschaft.

(3) Die Vertragsparteien ermutigen zur Zusammenarbeit auf den Gebieten der Pflege, der Restaurierung und des Schutzes von Kulturgütern und historischen Denkmälern.

В буквенных списках в текстах международных договоров на русском языке используются латиница или кириллица, на немецком языке – латинский алфавит. В целом, в текстах на обоих языках наблюдается использование одинаковых видов списков (нумерованные, нenumерованные, буквенные).

При переводе текстов международных договоров важно учитывать особенности документа на каждом языке. Так, при указании на точный пункт статьи в русскоязычной культуре принят порядок следования от самой малой структурной единицы, на которую отсылают в положении, к самому крупному элементу или наименованию всего документа, на который идет ссылка. В немецкоязычных деловых документах принято сначала указывать наиболее крупную структурную единицу, а далее приводить структурные элементы по убыванию. Например:

Количество специалистов, командированных в культурные учреждения, определяется с учетом положений пункта 1 Статьи 14 настоящего Соглашения и должно соответствовать характеру и объему задач, выполняемых каждым из этих учреждений. – Die Anzahl der in die kulturellen Einrichtungen entsandten Fachkräfte wird unter Berücksichtigung der Bestimmung des Artikels 14 Absatz 1 des Abkommens festgelegt und muß in Charakter und Umfang der Aufgabe entsprechen, deren Erfüllung die jeweilige Einrichtung dient.

В русскоязычном тексте международного договора встречается написание некоторых имен нарицательных с заглавной буквы с целью подчеркнуть их особое значение в контексте данного документа: *Стороны, Соглашение, Конвенция, Приложение, Статья* (однако *пункт* и *подпункт* начинаются со строчной буквы). Договор на немецком языке не имеет такую возможность, поскольку немецкая орфография предполагает написание с заглавной буквы всех имен существительных. При этом в немецкоязычном тексте документа наблюдается написание имен прилагательных с заглавной буквы при обозначении существенных наименований: *Gemischte Kommission, die Österreichische Seite, die Russische Seite*. Написание имен прилагательных с заглавной буквы используется также в тексте договора на русском языке: *Договаривающиеся Стороны, Австрийская Сторона, Российская Сторона*.

Таким образом, вышеперечисленные лингвокультурные особенности адаптируют текст международного договора для восприятия представителями иных культур, что необходимо учитывать в процессе перевода для корректного понимания текста документа.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

УДК 378.147:811.112.2

Н. А. Богданова

Н. С. Поплавская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ELEMENTE DES SELBSTENTDECKENDEN LERNENS IM ASPEKTBEZOGENEN DaF-UNTERRICHT FÜR ANFÄNGER

Im Artikel werden die Ergebnisse eines Experiments zu Elementen des selbstentdeckenden Lernens im aspektbezogenen DaF-Unterricht für Anfänger, und zwar dem der praktischen Grammatik, beschrieben. Es werden Phasen des Experiments und die Ergebnisse der Reflexion vorgestellt. Es werden auch die Analyse der Ergebnisse von der schriftlichen Hausarbeit, der Kontrollarbeit und der Reflexionsbögen der Studierenden vorgeführt. Die erhobenen Daten lassen die wesentlichen Tipps für die Umsetzung der Elemente des selbstentdeckenden Lernens im aspektbezogenen DaF-Unterricht für Anfänger formulieren.

Schlüsselwörter: selbstentdeckendes Lernen, bewusstes Lernen der Fremdsprachen, Lerneraktivierung, Reflexion.

Die Fragen des bewussten und selbstständigen Spracherwerbs sowie Reflexionswege und Autonomieförderung der Lernenden gehören zu den aktuellsten Themen der modernen Fremdsprachendidaktik und sind mit der neukonzipierten Rolle der Lehrkraft im Unterrichtsprozess aufs engste verbunden [1, 2, 3].

Die Tatsache, dass die Lernenden selten über den Lernprozess aus der Ich-Perspektive nachdenken und stark auf die Entscheidungen der Lehrkraft angewiesen sind, führt zu späteren Verlusten in der Lernqualität, zum Mangel an Selbstvertrauen und zu einer negativen Haltung des lebenslangen Lernens. In dieser Hinsicht ist es wichtig, die Lernenden aus der passiven „Komfortzone“ in eine aktive Spracherkundung zu bringen. Dafür müssen von der Lehrkraft entsprechende Lernumgebungen geschaffen werden, in denen die Lernenden bewusster vorgehen und mehr Verantwortung für ihr Lernen übernehmen können. Grundlegende Voraussetzungen dafür sind, dass die Lerner aktiv werden, dass sie Hinweise und Anregungen bekommen und beim Ausprobieren neuer Lernwege unterstützt werden.

Das Experiment zum Einsatz von Elementen des selbstentdeckenden Lernens wurde an der MSLU durchgeführt (Zielgruppe: A2.1, Deutsch als Hauptfach, heterogen, monokulturell; Dauer: 4 UE; Typ: offen; Forschungsaspekt: Grammatik). Das Experiment wurde in drei Phasen durchgeführt:

1. Vorbereitungsphase: Bestimmung von Hauptprinzipien des Unterrichts (Förderung der Lernerautonomie, Lerneraktivierung, Lernerorientierung), Vorbereitung der Arbeitsblätter für die Einführung und Einübung der grammatischen Erscheinung, Vorbereitung der Kontrollarbeit, Vorbereitung der Aufgabenblätter für die Hausarbeit, Vorbereitung der Reflexionsbögen.

2. Durchführungsphase: Erfüllung von Aufgaben, Hausaufgaben, Kontrollarbeit; Ausfüllen des Beobachtungsbogens während (von der Hospitation) des Unterrichts. Nach jeder Unterrichtseinheit erfolgten Nachbesprechungen, wo gelungene und misslungene Aspekte des Unterrichtes analysiert und der nächste Unterricht geplant wurde.

3. Reflexion: Ausfüllen von Reflexionsbögen gefolgt von der Datenanalyse.

Im Laufe des Experiments wurden folgende Beobachtungen gemacht:

- überwiegend positive Reaktion der Studierenden auf das Unterrichtsgeschehen;
- viele Klärungsfragen an die Lehrkraft;
- Muttersprache bei der entdeckenden Partnerarbeit;
- höherer Redeanteil jeder / jedes Studierenden bei der Einübung und Festigung des Lernstoffs;
- Unsicherheit bei der Ideenäußerung;
- lockere lernfördernde Atmosphäre im Unterricht.

Die Kontrollarbeit hat gezeigt, dass die meisten Studierenden den Lernstoff beherrschen, aber es gab ziemlich viele Rechtschreibfehler: das war das Ergebnis der vorwiegend mündlichen Arbeit im Unterricht.

Die Ergebnisse der schriftlichen Hausaufgabe mit differenzierten Aufgaben zeigten, dass die Studierenden ihre Schwierigkeiten ganz individuell analysiert und das, was für sie persönlich im Unterricht zu kurz kam, nochmals wiederholt hatten.

Im Laufe der Nachbesprechungen konnten folgende Tipps zum weiteren Einsatz von Elementen des selbstentdeckenden Lernens formuliert werden:

1. Kleinschrittiges Vorgehen bei der entdeckenden Arbeit ist effektiver als längere selbstständige Arbeitsphasen.

2. Die Studierenden müssen lieber am Anfang eine Lückenregel ausfüllen oder richtige Variante der Regel finden, als die ganze Regel von Anfang an selbst erfinden.

3. Die formulierte Regel muss aufgeschrieben und ständig wiederholt werden.

4. Optimal für entdeckende Arbeit sind Paare oder Kleingruppen (nicht mehr als drei Personen).

5. Die Studierenden brauchen psychologische Unterstützung bei der Arbeit, damit sie keine Angst haben, Ideen zu sammeln und zu äußern, auch wenn diese Ideen nicht ganz korrekt sind.

6. Es muss eine Balance zwischen den schriftlichen und mündlichen Aufgaben gehalten werden, sonst hat man die Gefahr, Rechtschreibfehler zuzulassen.

Diese Tipps betreffen vor allem die Förderung der Lernerautonomie auf dem Niveau A1.2–A2.1, wenn die Studierenden nur geringe Erfahrung sowohl mit der neuen Sprache, als auch mit der autonomen Arbeit haben.

Der Reflexionsbogen hat folgendes gezeigt:

1. 60 % der Studierenden hatten Schwierigkeiten mit der entdeckenden Arbeit, 20 % mangelte es an Hilfe der Lehrkraft.

2. 70 % waren einverstanden, dass sie durch solche Arbeit die Sprachstruktur besser verstehen konnten.

3. 60 % meinten, dass sie durch solche Arbeit den Sprachstoff besser behalten.

4. 90 % waren überzeugt, dass sie autonom verantwortlicher lernen.

5. Einige fühlten sich durch diese Arbeit zusätzlich motiviert und zur intellektuellen Arbeit gefördert.

6. Nachteilig fanden die Studierenden die Fehlergefahr. Wenn sie durch die Lehrkraft nicht verbessert wurden, sondern selbst die richtige Variante mit dem Muster verglichen, hatten einige Angst, eigene Fehler einfach übersehen zu haben.

Schlussfolgernd kann man sagen, dass der Einsatz von entdeckenden und differenzierenden Aufgaben die Sprachbewusstheit durch Anregungen zur heuristischen Analyse von Sprachphänomenen und dadurch zur intellektuellen Arbeit und durch gemeinsame Diskussionen über die sprachlichen Gesetzmäßigkeiten fördert.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dittrich, A.-K.* Pädagogisches Wissen im LehrerInnenberuf / A.-K. Dittrich. – 1. Aufl. – Verlag Julius Klinkhardt, Bad Heilbrunn, 2020. – 232 S.

2. *Schart, M.* Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung : DLL 1 / M. Schart, M. Legutke. – München : Klett-Langenscheidt, 2012. – 199 S.

3. *Wie lernt man die Fremdsprache Deutsch? : DLL 2 / S. Ballweg [u. a.].* – München : Klett-Langenscheidt, 2013. – 198 S.

УДК 378.147:811

В. В. Бондарева

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, РФ

ПРОГРАММЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ К ПРАКТИКЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Программы международной академической мобильности рассматриваются как эффективный инструмент практической реализации теории диалога культур в высшем педагогическом образовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: академическая мобильность; диалог культур; обучение иноязычному общению; межкультурная коммуникация; межкультурное разнообразие; взаимообогащение культур; студенты языковых факультетов вузов

Теория диалога культур была разработана в трудах М. М. Бахтина, согласно которой «различные культуры находятся в постоянном диалоге между собой, непрерывно взаимодействуют и взаимодополняют друг друга»

[1, с. 430]. При этом каждая из культур сохраняет свою целостность и получает возможность для взаимообогащения и более полного представления как о другой культуре, так и о культуре собственной [2].

Словарь терминов межкультурной коммуникации определяет диалог культур как «познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих» [3, с. 99].

В современной геополитической ситуации диалог культур приобретает особое значение, поскольку диалог – это «возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами» [4, с. 9]. Кроме того, диалог культур характеризуется «стремлением к пониманию во взаимоотношениях, изначальной позиции принятия различных взглядов, идей, явлений, многообразия социокультурных нарративов» [5, с. 108] и способствует формированию таких общекультурных ценностей, как толерантность, взаимопонимание, взаимоуважение. В процессе диалога происходит соприкосновение с иными культурами, проникновение, познание и принятие иных культур, результатом которого становится более глубокое понимание явлений и реалий собственной культуры, осознание себя частью этой культуры.

Инструментом практической реализации теории диалога культур в процессе обучения иноязычному общению студентов языковых факультетов вузов могут стать программы академической мобильности, поскольку, получив фундаментальную подготовку в процессе изучения дисциплин, направленных на формирование умения межкультурной коммуникации, студенты имеют возможность применить сформированные в ходе освоения основной профессиональной образовательной программы умения межкультурной коммуникации на практике.

Цель исследования – выявить образовательный и воспитательный потенциал программ академической мобильности в процессе обучения иноязычному общению студентов языковых факультетов педагогических вузов.

Материалом исследования послужили программы дисциплин основной профессиональной образовательной программы бакалавриата по направлению «Педагогическое образование» (профили подготовки «Иностранный язык» и «Иностранный язык»), нацеленных на формирование умений межкультурной коммуникации, отчеты и презентационные материалы, истории успеха, результаты анкетирования и опросов студентов СГСПУ и зарубежных вузов-партнеров, в разные годы участвовавших в программах академической мобильности. В качестве **основных методов исследования** использовался контент-анализ, опросы, анкетирование.

Основные результаты и выводы исследования. Согласно ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) [6] одной из компетенций, формируе-

мых в рамках ОПОП, является универсальная компетенция УК-5, относящаяся к категории «Межкультурное взаимодействие» и выражающаяся в способности выпускника воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах.

В рамках данной программы, реализуемой в Самарском государственном социально-педагогическом университете, указанная компетенция формируется посредством ряда дисциплин, в частности «Введение в теорию межкультурной коммуникации» и «Межкультурное взаимодействие и поликультурное образование», цель изучения которых – формирование и систематизация знаний, позволяющих расширить представления о сущности процессов и явлений межкультурной коммуникации в деятельности педагога; формирование у обучающихся уважительного отношения к культурному наследию, способности ориентироваться в актуальных социокультурных проблемах; толерантно воспринимать социокультурные различия и мультикультурность.

Участие в программах академической мобильности предоставляет студентам СГСПУ уникальную возможность проверить и пополнить полученные в аудитории знания на практике. Выезжая на семестровые и годовые стажировки в зарубежные вузы-партнеры, студенты не только знакомятся с зарубежными системами образования во время аудиторных занятий, они ежедневно погружаются в иноязычную культуру, взаимодействуя с преподавателями и со сверстниками из разных стран в формальной и неформальной обстановке, транслируя российские ценности и реалии российской культуры участникам учебного процесса, таким образом постоянно участвуя в межкультурной коммуникации. И здесь речь идет не только о так называемой “big-C Culture”, “sophisticated culture” или культуре цивилизаций (знакомство с историей, архитектурой, достопримечательностями), но и о “little-c culture”, т.е. повседневной культуре – стиле одежды, коммуникативном поведении, особенностях национальной кухни и кулинарных предпочтениях, обычаях, традициях, стереотипах, этикетных нормах и т.д., т.е. как о вербальных, так и о невербальных составляющих коммуникации. Важно отметить, что, участвуя в программах академической мобильности, студенты общаются не только с носителями культуры страны проживания, но и с представителями многочисленных культур, обучающимися в вузе-партнере. И что не менее важно, взаимодействие происходит как в академической среде, так и за рамками университетского кампуса, поэтому студенты приобретают практический опыт межкультурного общения в различных ситуациях с представителями разных социальных групп.

Погружение в иноязычную культуру, близкое знакомство с ее реалиями часто заставляет студентов задумываться об аналогичных явлениях родной культуры, воспринимавшихся ранее как данность, что приводит к ее более глубокому осознанию, поскольку диалог «формирует способность принятия другой культуры как своей, открытия своей собственной культуры через глубинные смыслы и знания культуры Другого» [5, с. 107]. При этом диалог культур становится плодотворным для обеих сторон, поскольку происходит их взаимообогащение.

В отчетах по результатам стажировок студенты отмечают, что «участие в программе академической мобильности сильно изменило мое мировоззрение, научило самостоятельности, ориентации в других странах и городах», «я поборола страх оказаться одной в незнакомой стране, вдали от дома, где рассчитывать нужно только на свои силы», «я стала более открытой к спонтанным идеям и новым людям», «самое главное, я познала себя и нашла свою цель в жизни», «я приехала воодушевленной творить и достигать новых высот».

Таким образом, результаты исследования выявили значительный образовательный и воспитательный потенциал программ академической мобильности. Получив практический опыт межкультурной коммуникации, студенты СГСПУ делятся им с одногруппниками, с обучающимися школ во время прохождения педагогической практики, а впоследствии и со своими учениками, из первых рук передавая полученные знания и опыт межкультурной коммуникации новому поколению.

Дальнейшие перспективы исследования мы видим в проведении сопоставительного качественного и количественного анализа результатов государственной итоговой аттестации участников программ академической мобильности с результатами ГИА выпускников, не участвовавших в программах мобильности, с целью определения уровня сформированности умения межкультурной коммуникации у каждой категории обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1986. – 445с.
2. *Бахтин, М. М.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М. : Русские словари : Языки славянских культур, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. – 957 с.
3. *Жукова, И. Н.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 632 с.
4. *Сайко, Э. В.* О природе и пространстве «действия» диалога / Э. В. Сайко // Социокультурное пространство диалога. – М., 1999. – С. 9–32.
5. *Севач, А В.* Диалог культур в контексте межкультурных коммуникаций / А. В. Севач // Вестник МГУКИ. – 2010. – № 4 (36). – С.106–109.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) – с изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г., 8 февраля 2021 г. – URL: <https://base.garant.ru/71897864/> (дата обращения: 22.08.2022).

Г. А. Гришенкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА ПРИ ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Представлен анализ современного образовательного контента при обучении будущих международных политологов. Рассматриваются проблемы медиатизации политики и приводится краткий анализ политического дискурса. В этом контексте обосновывается положение о том, что активное использование интерактивных коммуникативных технологий является залогом успешного обучения иноязычной коммуникации в политической сфере. Приводятся результаты личного практического опыта применения таких методических приемов как обучение выступлению с публичной речью и интерпретации политической карикатуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политический дискурс; профессионально ориентированное обучение; магистратура; интерактивные коммуникативные технологии; публичная речь; политическая карикатура.

Профессионально ориентированное обучение специалистов иностранному языку приобретает сегодня особый статус как «самая динамично развивающаяся область обучения иностранным языкам, что связано с развитием новых политических и экономических процессов» [1, с. 4].

Сегодня образовательный процесс осуществляется в новой медийной среде: существует огромное количество источников информации во всем многообразии их видов и форм. Современное киберпространство политизировано и становится средством манипуляции общественным мнением [2].

Каждая эпоха имеет свой политический язык, который отражает картину мира. Цифровизация оказывает огромное влияние на политику и общество. Реальная политическая жизнь перемещается в виртуальное пространство. Медиатизация политики – это реальности наших дней. Гибкость и динамичность концептуальной политической картины мира на современном этапе отражается в появлении новых концептов и понятий. В докладе приводятся примеры из зарубежных и отечественных источников, характеризующих политическую коммуникацию.

Специфика новой медийной среды заключается в том, что она формирует политическое настроение в обществе и может быть использована для достижения конкретных политических целей. В этой связи представляется важным понимание сути политического фрейминга, характерного для данного вида дискурса [3]. Автор акцентирует внимание на роли преподавателя в формировании мировоззрения магистрантов в процессе обучения иноязыч-

ной профессиональной коммуникации. Подбор преподавателем качественного учебного контента особенно важен в условиях информационного противостояния.

Развитие критического и аналитического мышления специалистов в области политики зависит от того, как конкретное политическое событие изучается на занятиях с магистрантами. Современный образовательный контент предполагает восприятие учебной информации, ее критическое осмысление и практическое применение в моделируемых ситуациях профессионального иноязычного общения.

Наибольшей эффективностью для достижения этой цели обладают интерактивные коммуникативные технологии. Автор приводит в докладе результаты личного практического опыта применения интерактивных коммуникативных технологий, подробно рассматривает такие методические приемы обучения как выступление с публичной речью и интерпретация политической карикатуры.

Существенным моментом является тот факт, что выступление с публичной речью, как профессиональная составляющая будущих международных и политологов, это не только объект обучения, но и **навык**, который можно и нужно формировать. В докладе приводятся примеры заданий для магистрантов, направленных на формирование навыка выступления с публичной речью и критерии их отбора.

Карикатура рассматривается как часть политического дискурса и как средство осмысления политических событий. Жанр политической карикатуры находится на стыке массмедийного и политического дискурсов. Интерес представляет содержание специального модуля по обучению магистрантов интерпретации политической карикатуры.

Актуальным становится умение быстро реагировать на ситуацию, критически оценивать информацию, а также отбор качественного образовательного контента, релевантного для будущей профессиональной деятельности.

Образовательный контент при обучении специалистов в области международных отношений характеризуется идеологизацией знаний, появлением новых концептов, свидетельствующих о гибкости и динамичности концептуальной политической картины мира на современном этапе. Востребованным навыком становится умение ориентироваться в киберпространстве, классифицировать, анализировать и верифицировать информацию. Образовательный контент служит иллюстрацией ситуаций профессиональной иноязычной коммуникации, учитывает специфику политического дискурса и направлен на формирование собственного научного мировоззрения студентов.

Формирования практических навыков иноязычной коммуникации магистрантов, будущих международных и политологов, происходит на базе активного использования современных интернет-технологий, в том числе с использованием таких методических приёмов, как обучение выступлению с публичной речью и интерпретация политической карикатуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харламова, Н. С. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам – современный вектор развития / Н. С. Харламова. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. – 110 с.
2. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции / Л. Н. Тимофеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 13–37.
3. Wehling, E. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet – und daraus Politik macht / E. Wehling. – Köln, 2016. – 224 S.

УДК 808.53

Е. Ю. Кирейчук

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПЛАГИАТА В КУРСЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Рассматривается плагиат как один из факторов, осложняющих преподавание риторики как практической языковой дисциплины в специализированном вузе. Даются рекомендации по предотвращению некорректного использования студентами источников информации при подготовке письменных работ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: практическая риторика; преподавание; письмо; плагиат; предотвращение.

Практическая риторика преподается студентам третьего года обучения ФАЯ МГЛУ как практическая иноязычная языковая дисциплина. Курс преследует задачи развития иноязычных компетенций и навыков убедительной речи, необходимых в профессиональной деятельности, а также навыков критического мышления, необходимых при изучении любой академической дисциплины. Основная задача при разработке курса заключается в том, чтобы развивать когнитивные навыки студентов в сочетании с коммуникативными навыками, как рецептивными, так и продуктивными, необходимыми для осуществления успешной коммуникации.

В курсе практической риторики, фокусирующемся на процессе генерирования как устного, так и письменного дискурса, актуально внимание к методам поиска и использования учащимися источников информации для поддержания собственной точки зрения. При современных возможностях доступа к информации проблема плагиата при написании студентами основных письменных работ, предусмотренных программой курса, стоит достаточно остро.

Плагиат как форма неправомерного академического поведения представляет собой повторное использование чужих слов или идей без указания источника и является интеллектуальным воровством. На университетской

скамье плагиат может принимать самые разные формы: от копирования больших объемов текста до игнорирования требований к оформлению цитат и ссылок на источники. Некоторым студентам могут быть неясны правила производства и атрибуции знаний и, учась работе с источниками, они часто допускают злоупотребление или нарушения, слишком близко перефразируя, неточно цитируя и т. д.

В процессе обучения и аттестации не следует игнорировать плагиат, однако необходимо руководствоваться здравым смыслом, чтобы определить, является ли каждый отдельный случай плагиата преднамеренным. Незначительные эпизоды, например, неверное пунктуационное оформление цитаты, можно разрешить путем критики и исправления. Однако серьезные случаи плагиата (заимствования отрывков текста без указания авторства или списывание всего задания целиком) не должны оставаться безнаказанными. Любое задание, показывающее признаки преднамеренного академического проступка, должно быть оценено как выполненное неудовлетворительно.

У преподавателей может быть различная политика в отношении совместной (групповой и парной) работы студентов и видение такого сотрудничества как академически допустимого. В случае, если курс включает групповые проекты или другие задания, требующие совместной работы, в описание курса должно быть включено четкое определение, что является допустимым сотрудничеством, а что нет.

Для предотвращения плагиата рекомендуется выделить занятие или его часть в начале курса, чтобы обсудить природу плагиата и ответить на вопросы студентов о том, «что считается» плагиатом, и затем периодически возвращаться к вопросу и напоминать требования к работе с источниками, когда наступают сроки выполнения заданий. Помимо включения в план курса раннего занятия, посвященного цитированию и использованию ресурсов, необходимо также:

- Указать требования к оформлению ссылок на источники использованной информации в описании курса.
- Формулировать задания и проблемные вопросы таким образом, чтобы они были наиболее тесно и предметно связаны с темами и задачами курса.
- Разбить задания на этапы и определить «точки контроля», так чтобы к моменту сдачи окончательного варианта письменной работы преподаватель был ознакомлен с ходом написания и совершенствования аргумента, а учащиеся имели достаточно возможностей для обратной связи и поддержки в правильном цитировании и атрибуции. Все письменные и опирающиеся на письменный текст студенческие работы (эссе, доклады и презентации) должны пройти 2 или 3 стадии черновика или доработки; таким образом, необходимо выделять достаточно времени для их написания и представления, а также для получения обратной связи. Обратная связь предлагается во время работы студента над черновиком задания и служит для того, чтобы помочь студенту в дальнейшем совершенствовать свою работу над заданием до того, как будет представлен его окончательный вариант.

- После представления заданий обязательно проводить их анализ в классе, во время которого студенты получают и / или предоставляют обратную связь (отзывы) по письменным аргументам и подготовленным устным выступлениям. Письменные ответы от преподавателя и от сверстников в форматах, известных как Peer review, Self-editing, Peer correction, необходимы как важнейший элемент повторения пройденного. Преподаватели разрабатывают форматы и опоры само- и взаимопроверки работ, помогая учащимся понять, как предлагать и включать конструктивную обратную связь.

По мере прохождения курса упражнения и задания с нарастающей сложностью помогают студентам совершенствовать имеющиеся навыки, добавлять новые навыки в свой репертуар или практиковать как новые, так и формируемые навыки во все более сложных комбинациях. Преподаватель предлагает частую обратную связь, информируя студентов об их достижениях и помогая им наиболее эффективно распорядиться своим временем и распределить усилия, чтобы улучшить свои навыки говорения, письма, критического чтения и мышления, а также эффективного и академически правильного использования источников информации для исследовательской работы.

УДК 378.147:811.111'373

М. Ю. Копыловская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматриваются основные проблемы терминологической системы лингводидактики как теории обучения иностранным языкам, в частности несовпадение культурных реалий английского языка как основного языка межкультурной коммуникации и системы русского высшего языкового образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лингводидактическая терминология; культурные реалии лингвистического образования; межкультурная коммуникация; английский язык.

Терминология составляет основу любой науки и призвана объединять специалистов данной научной области знаний, тем не менее зачастую происходит наоборот, так как в различных обществах существуют свои практики осуществления той или иной деятельности, свои культурные реалии. В полной мере данное утверждение относится к лингводидактике или теории обучения иностранным языкам.

Терминологические проблемы начинаются с взаимоотношения терминов *лингводидактика/методика обучения иностранным языкам* и особенно остро стоят в сфере, которая затрагивает вопросы организации учебного процесса, так как данная область всегда стояла на стыке административных и учебных видов деятельности преподавателя и студента. Эта сфера редко рассматривалась как актуальная для теории обучения иностранным языкам, вынуждая

преподавателей английского языка использовать *RunGLISH* вместо *English*, и искать в своем интеръязыке семантические аналоги таких привычных для русскоязычных студентов практик, как *контрольная работа* или *зачет*.

Особенно остро эта проблема встала в связи коммуникативной методикой обучения, требующей коммуникации на занятии на изучаемом иностранном языке, чаще всего на английском как основном языке межкультурной коммуникации. Таким образом, делая объявление о контрольной работе или зачете, преподаватель вынужден употреблять такие термины, как *test*, *credit* или *final assessment*. Эти употребления, разумеется, лишь частично соответствуют концептам *контрольная* и *зачет*, в первую очередь в связи с семантическим несоответствием, поскольку тест в понимании отечественных специалистов более алгоритмизирован нежели контрольная работа, которая носит порой более развернутый и менее структурированный характер. То же самое касается термина «зачет» по изучаемому иностранному языку, так как система ECTS (The European Credit Transfer and Accumulation System) предлагает определенное количество баллов за пройденный курс, в то время как в российской системе образования зачет как правило предполагает необходимость усвоения основных знаний по курсу. Зачет может быть дифференцированным, т.е. приближенным по характеру к экзамену, а в системе высшего образования преподаватель дисциплины зачастую сам устанавливает Требования к зачету, и любая форма вмешательства в эту область и попытки стандартизации приводят к снижению качества преподавания.

При подготовке будущих преподавателей иностранных языков в образовательном процессе для будущих преподавателей возникают и другие терминологические сферы, требующие уточнения схожих по значению лексических единиц, к которым можно отнести понятия *course/ program/syllabus* или *evaluation /assessment*.

При этом возникает также вопрос о том, каким термином обозначить такой профиль обучения как *дополнительное образование* или *курсы иностранных языков*. Насколько уместной будет транслитерация? Общепринятое *language courses* может быть понято неверно, также, как и *language school*, опять же в силу того, что существуют различия между отечественной системой образования и системой образования англоязычных стран.

Семантическая близость друг к другу понятий *program*, *syllabus*, а также *curriculum* также вызывает непонимание в интернациональных группах. Второе и третье разнесены по смыслу на *Рабочую программу учебной дисциплины (syllabus)* и *Компетентностно-ориентированный учебный план (curriculum)* с расширением *National Curriculum*, которое по смыслу соответствует Федеральному государственному стандарту в справочнике И. А. Колесниковой и О. А. Долгиной [1, с. 117].

Указывая на несоответствие терминов, следует обратить внимание на явления гиперонимии и гипонимии в терминологическом аппарате лингводидактики. Так, термин *ошибка*⁴ является терминологическим гиперонимом, так как соответствует как минимум трем терминам в английской теории обу-

---

⁴ Зд. подразумевается речевая ошибка в процессе изучения иностранного языка.

чения иностранным языкам, таким как *slip (of tongue)*, *mistake* и *error* [2], ориентированные на причину возникновения ошибки (в следствие ослабления психических функций (1); ошибка, которую обучаемый может исправить самостоятельно и ошибка (2), и ошибка, требующая педагогического вмешательства и медиации педагога- преподавателя иностранных языков (3). Термин *student*, т.е. выступающий как таковой в академическом дискурсе, наоборот, гипонимом, так как в отечественном образовании слово *студент*, относится только тем, кто обучается в системе высшего образования, а в англоязычном образовании обозначает в целом категорию людей, изучающих какой-либо предмет вне зависимости от уровня образования.

Решение проблемы лежит в междисциплинарной области и такой важной составляющей компетенции современного преподавателя иностранных языков как лингводидактическая медиация [3], суть которой составляет способность к пояснениям различий систем и заданий-инструкций к выполнению упражнений. В свете данной проблемы также возникает вопрос о языковых нормах глобального английского языка, английского языка как языка межкультурной коммуникации и, иногда, кажется, что калькированное употребление термина может быть в отдельных случаях нормативным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова, И. Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков : справочное пособие / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина. – М. : Дрофа, 2008. – 431 [1] с.
2. *Norrish, J. Language Learners and their Errors* / J. Norrish. – London : Macmillan press, 1983. – 135 p.
3. Копыловская, М. Ю. Лингводидактические аспекты медиации в межкультурной коммуникации / М. Ю. Копыловская // *Science SPbU – 2020* : сб. материалов междунар. конф. по естеств. и гуманитар. наукам, Санкт-Петербург, 25 дек. 2020 г. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2021. – С. 1418–1419.

УДК 378.147:[811:908]

М. Д. Кравцова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматривается методический потенциал лингвострановедческих материалов в контексте формирования межкультурной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: *межкультурная компетенция, лингвострановедческий компонент, методический потенциал, лингвострановедческие материалы, аутентичные тексты.*

According to the definition of A. P. Sadokhin, intercultural competence is a complex of knowledge and skills of a person used for the effectiveness of the process of intercultural interaction with simultaneous verification of the results of communication using feedback [7, S. 254]. A. P. Sadokhin identifies four main types of knowledge and skills necessary for the formation of knowledge, skills and abilities of intercultural competence: 1) socio-cultural knowledge; representing background knowledge about the world (including national cultural characteristics, customs, forms of greeting in a particular culture); 2) communication skills; representing ways of expressing thoughts, feelings, ideas in the process of communication; 3) language knowledge; 4) psychological skills; representing a reaction a communicant on the phenomena of another culture [7, S. 163].

The formation and development of intercultural competence of students is the main goal of intercultural teaching of foreign languages. The implementation of this goal involves solving such tasks as: 1) mastering the culture of their own people by students; 2) forming ideas about the diversity of cultures in their country and around the world; 3) fostering a positive attitude to the cultural differences of other nations and peoples; 4) creating prerequisites for the integration of students into a multicultural environment; 5) mastering foreign language functional literacy; developing productive skills interaction with speakers of other cultures; 6) education in the spirit of mutual respect, tolerant interethnic communication [6, S. 55].

The intercultural competence of students presupposes the possession of a foreign language as a means of foreign language communication. This component of the teaching content includes a system of regional knowledge, as well as linguistic and regional knowledge [5, S. 60].

The linguistic and cultural component assumes knowledge of equivalent and non-equivalent lexical concepts, as well as background and terminological vocabulary and phraseological units of national and cultural specificity. It is extremely important to be able to apply the above-mentioned lexical and phraseological units in various situations of intercultural foreign language communication. According to I. L. Bim, “the linguistic and cultural approach, on the one hand, creates a solid system of skills and abilities for the practical application of language as a means of interpersonal and intercultural communication, on the other hand, schoolchildren acquire extensive cultural knowledge” [1, S. 256].

The linguistic and cultural component occupies a special place in the selection of language material reflecting the peculiarities of the culture of the countries of the foreign language being studied. Such material is equivalent, background, connotative lexical units, customary forms of speech, as well as non-verbal sign languages, facial expressions and everyday (habitual) behavior [3, S. 246]. Linguistic and cultural materials are actively used today in order to form and develop intercultural competence in the lessons of German as a foreign language.

Authentic texts of a linguistic and country-specific nature are widely used in foreign language lessons in the process of teaching reading and listening. Their

application in the practice of teaching a foreign language in secondary school and university increases the cognitive interest and motivation of students. When selecting various texts for reading, it is necessary to take into account the principles of authenticity of information, that is, cognitive value, as well as the principles of accessibility, consistency and logic of presentation, connection with already studied and studied linguistic and grammatical material [4, S. 192].

Special attention should be paid to reading literary texts in a foreign language being studied, in particular, in German, since it is when reading literary texts that students learn to understand and evaluate the actions and feelings of literary heroes to a greater extent than their own [2, S. 41].

Reading authentic texts of a country-specific and linguo-regional nature forms and develops intercultural competence, while positively influencing the personal and emotional state of students, increasing positive motivation to learn a foreign language and thereby providing a further opportunity for successful foreign language communication.

In the context of the formation and further development of the intercultural competence of students, the methodological potential of various linguistic and cultural materials is of great importance. The linguistic and cultural component of intercultural competence implies the use of authentic linguistic and cultural materials in the process of teaching a foreign language in secondary school. The linguistic and cultural component of intercultural competence includes knowledge of equivalent and non-equivalent lexemes, knowledge of background and terminological vocabulary, knowledge of phraseological units with national and cultural specifics and the ability to use them in various situations of intercultural communication, and also involves reading authentic texts of a regional and linguistic nature, including literary texts.

REFERENCES

1. *Bim, I. L.* Teoriya i praktika obucheniya nemeckomu yazyku v srednej shkole / I. L. Bim. – M. : Prosveshchenie, 1988. – 256 S.
2. *Vasilyeva, M. M.* Usloviya formirovaniya motivacii pri izuchenii inostrannogo yazyka / M. M. Vasilyeva // Inostrannye yazyki v shkole. – 2011. – № 2. – S. 41–45.
3. *Vereshchagin, E. M.* Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. – 4-e izd. – M. : Russkij yazyk. – 1990. – 246. S.
4. *Galskova, N. D.* Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam : posobie dlya uchitelya / N. D. Galskova. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : ARKTI. – 2003. – 192 S.
5. *Gerasimova, I. G.* Struktura mezhkul'turnoj kompetencii / I. G. Gerasimova // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2008. – № 30. – S. 59–62.

6. *Makarova, E. V. Formirovanie inoyazychnoj mezhkul'turnoj kompetencii uchashchihsya na osnove ispol'zovaniya lingvostranovedcheskogo materiala / E. V. Makarova, A. D. Ahtarova // Molodoj uchenyj. – 2016. – № 7-5 (111). – S. 55–56.*

7. *Sadokhin, A. P. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii : uchebnoe posobie / A. P. Sadokhin. – 2-e izd., ster. – M. : KNORUS, 2019. – 254 S.*

УДК 378.147:811

А. Ю. Куркина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИСКУРСА ПРЕССЫ

На основе анализа механизмов интерпретации можно выделить умения, которые целесообразно формировать в процессе обучения чтению текстов современной прессы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интерпретация текстов; умения; дискурс прессы; обучение чтению.

Интерпретация дискурса прессы представляет собой форму деятельности, которая может реализоваться при условии, что студенты владеют определенным набором стратегий чтения и конкретным комплексом умений, важных для их осуществления. В некоторых исследованиях под интерпретацией понимается деятельность, которая включает внутреннюю обработку смыслового содержания текста и создание вторичного текста как продукта интерпретации первичного текста [1]. Интерпретация предполагает изучение и осмысление определенного коммуникативного события. Помимо этого, важность представляет критическая оценка полученной информации. Важно анализировать не только лингвистические особенности текста, но и дискурсивный компонент, предлагать критически осмысливать информацию и формировать собственное оценочное суждение: «умением извлекать и понимать текстовую информацию должен владеть каждый человек. Это базовое общеучебное умение, необходимое в профессиональной и общественной жизни. Адекватно понимать прочитанное помогают приёмы информационной переработки текста» [2, с. 85].

Эффективная интерпретация различных типов дискурса предполагает, что у учащихся сформированы представления о концептуальной картине мира, которая динамично меняется из-за различных социальных, экономических, политических, культурных факторов в жизни социума. «Интерпретация профессиональных текстов представляет собой сложную когнитивную дея-

тельность, связанную с извлечением информации из иноязычного речевого произведения, объяснением полученной информации и её применением в профессиональной деятельности. Рассматриваемый вид текстовой деятельности выступает в качестве эффективного средства формирования языковой, коммуникативной, социокультурной, дискурсивной и информационной компетенций» [3, с. 18].

Интерпретация дискурса прессы представляет собой выявление логики и позиции автора, его мировоззрения, которое находит отражение в стилистическом и графическом оформлении высказывания, его модальности, риторических средствах. Функционирование системы по формированию интерпретационных умений обеспечивается системой упражнений. Планируемым результатом является формирование у учащихся различных умений. В частности, глубокая интерпретация предполагает сформированные умения обработки информации с опорой на факты, анализ конкретной коммуникативной ситуации, использование фоновых знаний по нужной проблематике, умение понять замысел автора, сопоставляя факты с идеями автора, опираясь на свои фоновые знания, умение делить текст на части, выявлять смысловые звенья, слова-эквиваленты, находить социокультурную информацию о стране изучаемого языка, сопоставлять информацию из текста со своим мировоззрением, умение выявлять в тексте личностно-значимую информацию и критически оценивать сообщение.

Помимо учебных умений, важным представляется формирование стратегий чтения, а именно: постановку цели чтения, нахождение в тексте главных тем, концентрацию внимания на основном содержании, контроль своих действий с целью понимания полученных результатов, постановку вопросов к самому себе для проверки полученных результатов, применение корректирующих действий, если цель не достигнута, сосредоточение внимание на логическом построении текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Павлишак, Т. А.* Лингвокультурологическая интерпретация художественного произведения как компонент профессиональной подготовки преподавателя иностранного языка (французский язык) : автореф. ... дис. канд. пед. наук : 13.00.02 / Т. А. Павлишак ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2007. – 26 с.

2. *Артемьева, О. Н.* Обучение школьников приемам информационной переработки текста / О. Н. Артемьева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1 (55). – С. 85–88.

3. *Базарова, Т. И.* Методика обучения студентов-филологов интерпретации профессиональных текстов на занятиях по иностранному языку (немецкий язык как дополнительная специальность) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Т. И. Базарова. – Н. Новгород, 2008. – 228 л.

Л. В. Мякошина

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБУЧАЮЩИХ МОДУЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Анализируются результаты эксперимента по внедрению элементов дистанционных образовательных технологий в образовательный процесс в вузе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: система управления обучением; дистанционное обучение; самостоятельная работа; эксперимент.

С февраля по март 2021 г. на базе кафедры второго иностранного языка института иностранных языков им. М. Гореза и при технической и методической поддержке лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования проводился эксперимент по внедрению электронных обучающих модулей в рамках аспекта «Домашнее чтение» практического курса иностранного языка у продвинутых учебных групп (очная форма обучения).

Эксперимент проводился с целью подтвердить или опровергнуть предположение, что элементы дистанционных образовательных технологий положительно влияют на учебный процесс: упрощают проверку уровня заданий, повышают мотивацию, успеваемость и т. п. Кроме того, существовала необходимость разработать дополнительные инструменты оценивания самостоятельной работы студентов.

В течение семестра студентам в качестве самостоятельной работы предлагалось выполнить письменные задания в LMS Moodle, на что в среднем давалось 7-10 дней.

Учебным материалом служили адаптированные рассказы Агаты Кристи «Подвиги Геракла» [1] и методические указания по работе с ними А. А. Козловой [2].

В качестве теоретической базы исследования была привлечена теория обучающей виртуальной среды А. И. Горожанова [3].

Все электронные письменные задания носили творческий характер и представляли собой ответы на вопросы (100–150 слов) на темы, связанные с прочитанными текстами, комментарии высказываний (100–150 слов). Также было предложено написать свой рассказ (200–250 слов) с использованием изученных лексических единиц. Большинство заданий предполагалось писать в форме мини-эссе, чтобы не увеличивать значительно нагрузку студентов, но в то же время и иметь возможность контролировать и формально оценивать их самостоятельную работу.

Эксперимент продемонстрировал, что всплеск учебной активности в самостоятельной работе наблюдается в первом месяце семестра, далее следует фаза спада, и в самом конце семестра вновь отмечается рост активности, так как студентам было сделано напоминание о важности письменных работ для итоговой оценки.

По окончании эксперимента был проведен анонимный опрос, согласно которому большинству обучающихся оказалось удобно получать комментарии преподавателя через LMS Moodle: платформа предоставляет возможности эффективно давать обратную связь, например, с помощью выделения текста цветом, курсивом, полужирным или уменьшенным шрифтом. Система также позволяет сделать работу над ошибками или переписать ответ. Для этого преподаватель может открыть студенту новую попытку выполнения задания при сохранении прежних попыток. Большинство студентов предпочитает сдавать письменные домашние задания онлайн.

В целом эксперимент можно считать удачным и проделанную работу перспективной, так как большинство студентов сдали все задания и успешно завершили обучение по дисциплине. Девять из 18-ти сдававших работы студентов получили высший балл за письменные домашние работы, восемь человек получили оценку «хорошо». LMS Moodle, в отличие от других способов связи между преподавателем и студентом (электронная почта, мессенджеры), является организованной образовательной площадкой. Работы студентов и обратная связь от преподавателя находятся в одной локации, а не на разных веб-сайтах, в многочисленных приложениях и папках. При желании студенты могут сделать скриншоты своих работ с комментариями преподавателя и сохранить их. Такие работы не занимают места физического пространства ни у преподавателя, ни у студентов.

Стоит отметить, что временные затраты преподавателя возросли, так как на проверку этих работ уходит больше часов, чем выделяется в индивидуальной нагрузке. Если преподаватель имеет относительно небольшую нагрузку в семестре и, к примеру, всего одну группу с подобной формой работы, эффективность курса, а именно качество обратной связи, будет выше.

В ходе эксперимента не удалось установить прямой связи между выполнением заданий курса и повышением уровня успеваемости, так как здесь следует принимать в расчет очень много различных факторов, включая мотивацию студентов, их загруженность, имеющиеся знания и т. д.

В дальнейшем планируется исследовать, какие типы заданий эффективнее выносить в дистанционный формат, как избежать возрастания нагрузки преподавателя, а также выяснить, какие иные платформы могут использоваться для обозначенных целей и как создать собственный оригинальный программный инструмент с необходимыми функциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кристи, А.* Подвиги Геракла / А. Кристи ; сост., обраб. текста, коммент., словарь Н. И. Кролик. – 2-е изд., доп. – М. : Высш. шк., 1991. – 96 с. – (Библиотека для начального чтения).

2. *Козлова, А. А.* Методические указания и задания по домашнему чтению по книге А. Кристи «Подвиги Геракла» (для студентов 2 курса педагогических факультетов, изучающих английский язык как второй иностранный) / А. А. Козлова. – М. : Моск. гос. лингвист. ун-т, 2013. – 24 с.

3. *Горожанов, А. И.* Формирование обучающей виртуальной среды в контексте новых информационных технологий : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / А. И. Горожанов. – М., 2018. – 535 л.

УДК 811.111'33

О. И. Писарик

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

РЕЛЯЦИОННАЯ БАЗА ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ПОДЪЯЗЫКУ

Рассматривается модель реляционной базы данных образовательного назначения. Описываются компоненты модели указываются типы данных для каждой ячейки таблиц базы данных.

Ключевые слова: реляционная база данных; профессиональный подъязык; строительство; английский язык; модель.

В течении многих лет тесного взаимодействия различных отраслей отечественного и зарубежного строительства сформировалась потребность в владении как русским, так и английским терминологическим аппаратом профессионального подъязыка [1, с. 928]. В настоящее время перед выпускником строительного вуза стоит задача не только в овладении теми навыками, необходимыми для осуществления профессиональной деятельности, но и в ориентировании в терминологических понятиях родного языка, а также английского. Это необходимо для успешной работы синоязычными текстами проектной документации, а также актуализации терминологической базы в связи с постоянным развитием отрасли.

На наш взгляд, существует необходимость создания профессионального ресурса, сочетающим в себе англо-русский глоссарий и энциклопедию. Подобный ресурс может быть применен как в обучении будущих специалистов подъязыку строительства, так и в качестве справочной помощи практикующим строителям.

Целью настоящего исследования является создание модели базы данных профессионального строительного подъязыка. Задачами исследования являются:

- оценка уровня взаимодействия вербального и невербального контента в строительных документах;
- разработка модели базы данных для описываемого подъязыка.

Материалом исследования послужили пояснительные записки к строительным проектам на английском и русском языках.

Вербализация научного и технического знания, в том числе и строительной области, привело к формированию особой подсистемы «профессиональный подязык». Вопросом возникновения и развития подязыков и их терминологических аппаратов занимались Д. С. Лотте, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, В. М. Лейчик, Л. С. Бархударов, Б. Н. Головин, Д. Л. Бронникова, С. В. Гринев и др. Характерной чертой подязыка строительства выделяют высокую степень его креолизации, т.е. насыщенность как вербальными, так и невербальными языковыми средствами. Анализ текстов пояснительных записок к строительным проектам на английском и русском языках показал, что без графической иллюстрации (чертежа, графика, рисунка и пр.) значение вербального комментария трудно эксплицировать. И наоборот, сама по себе графическая иллюстрация не является достаточной без вербального комментария. Таким образом, создавая базу данных подязыка предметной области «строительство», особое внимание необходимо обратить на взаимосвязь иконических и вербальных средств.

В рамках настоящего исследования была выбрана реляционная база данных, которая применяется для решения задач как в области информатики, так и в области гуманитарных прикладных исследований. Фактически реляционная база данных представляет собой набор таблиц, которые связаны между собой отношениями («реляциями»). Каждая таблица состоит из записей (рядов), причем в одной записи (одном ряду) может находиться несколько ячеек. Ячейки одной вертикальной колонки могут содержать данные только одного типа (например, текст, целое число, дату и т. д.) [2]. В пределах одной записи (одного ряда) могут находиться как обязательные для заполнения, так и опциональные ячейки. Строго обязательной ячейкой является ячейка уникального идентификатора (англ. id) записи (ряда), которая заполняется автоматически целым числом в момент создания данной записи (данного ряда).

Для нашей базы данных выберем структуру, состоящую из трех таблиц. Каждая запись первой таблицы содержит следующие ячейки:

- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число);
  - графическая иллюстрация явления (тип данных: файл);
  - наименование явления на английском языке (тип данных: текст);
  - наименование явления на русском языке (тип данных: текст);
  - комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текст).
- Вторая таблица в каждой записи содержит следующие ячейки:
- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число);
  - связанную с первой таблицей ячейку графической иллюстрации (тип данных: файл);

- определение явления на русском языке (тип данных: текст);
  - русскоязычный контекстный пример употребления явления (тип данных: текст);
  - комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текст).
- Каждая запись третьей таблицы содержит следующие ячейки:
- уникальный идентификатор записи (тип данных: целое число);
  - связанную с первой таблицей ячейку графической иллюстрации (тип данных: файл);
  - определение явления на английском языке (тип данных: текст);
  - англоязычный контекстный пример употребления явления (тип данных: текст);
  - комментарий (опциональная ячейка, тип данных: текст) [3, с. 153–154].

Такая структура позволит пользователю комфортно работать с базой данных, а при необходимости дополнять или менять комментарии к записям.

Перспективой работы является создание программного интерфейса, т.е. системы управления базой данных (СУБД), опираясь на концепцию профессионально ориентированного программирования А. И. Горожанова [4, S. 20–46; 5]. И далее – наполнение базы данных и ее апробация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писарик, О. И. Доля английского профессионального подъязыка в текстах учебных материалов для студентов строительных специальностей / О. И. Писарик, А. И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 928–932. – DOI 10.30853/phil210082.
2. What is a Relational Database // Oracle Docs. – URL: <https://www.oracle.com/database/what-is-a-relational-database/> (дата обращения: 14.09.2022).
3. Писарик, О. И. Принципы разработки базы данных подъязыка предметной области “строительство” / О. И. Писарик // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 5 (847). – С. 150–160. – DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150.
4. Gorozhanov, A. I. Korpusanalyse der Konstituenten Grammatischer Kategorien im Literarischen Text mit Berücksichtigung der Linguoregionalen Komponente / A. I. Gorozhanov, I. A. Guseynova // Журнал Сибирского федерального университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2020. – Vol. 13, № 12. – С. 2035–2048. – DOI 10.17516/1997-1370-0702.
5. Горожанов, А. И. Дисциплина “профессионально ориентированное программирование” для лингвистов – потенциальных авторов электронных учебников / А. И. Горожанов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 25 (736). – С. 147–156.

М. В. Попова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ДЕСТАНДАРТИЗАЦИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ

В статье представлены основные причины процесса дестандартизации произносительных норм немецкого языка. Подчеркивается необходимость актуализации программ обучения по немецкому языку в рамках профильных языковых специальностей. Особая значимость придается фонетическому аспекту, отмечается его необходимость для полноценного формирования вторичной языковой личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: миграционная лингвистика; немецкий язык; языковая личность; фонетика; дестандартизация; DaF.

Как известно, «результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков - вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [1, с. 65]. Согласно работам И. И. Халеевой, автора концепции вторичной языковой личности, структура вторичной языковой личности включает в себя три уровня – вербально-семантический, тезаурусный и прагматический [2]. Вербально-семантический уровень формирует языковую и концептуальную картины мира. Одним своим названием вербально-семантический уровень определяет наиболее значимые языковые уровни. В связи с этим встает вопрос: насколько важен фонетический аспект при овладении иностранным языком в целом и при формировании вторичной языковой личности в частности?

Многие учебные пособия, в большинстве своем отечественные, но также и аутентичные, не содержат упражнений на формирование фонетической базы. Некоторые пособия предлагают изучение фонетического аспекта имплицитно, включая в тему несколько упражнений на различение схожих по звучанию фонем на слух и их имитацию. Однако, как показывает практика, этого недостаточно для формирования полноценной фонетико-фонологической компетенции.

Еще одной проблемой является набирающая значимость тенденция дестандартизации произносительных норм, которая особенно заметна на примере немецкого языка, являющегося диалектно-богатым, имеющего этнолекты, развивающегося на основании принципов базовых ценностей большинства его носителей в ЕС – толерантности и многообразия. Миграционный кризис, охвативший Европу в 2010-х, не прошел бесследно. И как результат стремительно растущего числа иммигрантов и граждан с миграционными корнями, число которых сейчас в Германии превышает 25% от общего

населения по данным на 2022 год [3], немецкий язык, а также его литературный вариант произношения (Hochdeutsch) начинает подвергаться изменениям под влиянием языков наиболее многочисленных иммигрантских групп [4]. Ярким примером таких изменений может выступать Кицдойч (Kiezdeutsch) – разновидность немецкого языка, на которой говорит в основном городская молодежь в районах, где большой процент населения имеет иммиграционное происхождение [5]. Немаловажную роль играет и влияние английского языка, и заимствованные из него неологизмы, которые подвергаются ассимиляции в языке лишь через какое-то время. Большую роль играют также инфлюэнсеры, речь которых далеко не всегда близка к литературной норме, однако, несмотря на это тысячи поклонников осознанно или неосознанно копируют ее, увлекаясь творчеством блогера. Все вышеперечисленные факторы, а также тенденция к упрощению в значительной степени влияют на произносительные стандарты, которые обновляются и кодифицируются значительно реже, чем лексические единицы ввиду сложности проведения исследований, а также формирования и анализа корпусов.

Таким образом, даже в тех случаях, когда произносительный аспект включен в программу обучения иностранному языку, обучающийся формирует в лучшем случае навык произношения в нейтральном фоностиле, используемом в основном в новостных сообщениях, выступлениях официальных лиц и учебных аудиоматериалах. В то время как в связи особенностями функционирования плюрикультурного общества язык не может не подвергаться значительным изменениям на всех уровнях, наиболее уязвимым из которых является фонетический [6]. Одна из наиболее значимых тенденций, по нашему мнению, – это смещение фоностилистических границ. В результате этого нейтральный стиль вытесняет собой высокий, а высокая степень разговорного стиля (по Г. Майнхольду) стремится к нейтральности, судя по увеличению количества коартикуляционных явлений, нарушающих произносительные нормы немецкого языка [6].

Кроме того, произносительные особенности имеют различный уровень социального престижа и могут восприниматься как нейтрально и даже благоприятно, так и резко негативно [7]. В данном случае значительную роль будут играть стереотипы, которые неминуемо активируются у реципиента при первичной коммуникации [8].

Думается, что для формирования фонетико-фонологической компетенции, являющейся неотъемлемой составляющей вторичной языковой личности, необходимо включение в программы обучения на профильных языковых специальностях в вузах аудио- и видеофрагментов актуальных популярных информационных ресурсов, представляющих разговорный фоностиль, а также включение в курс общего языкознания раздела «Миграционная лингвистика» с целью ознакомления обучающихся с процессами и тенденциями во многих языках, оказывающими дестандартизирующее влияние на их структуру и принципы функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальскова, Н. Д.* Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингвист. ун-тов и фак. иностр. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез – М. : Академия, 2004. – 336 с.
2. *Халеева, И. И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / И. И. Халеева // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова* / ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. – М. : ИРЯ РАН, 1995. – С. 277–285.
3. *Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2021* // Statistisches Bundesamt. – 2022. – S. 39. – URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publicationen/Downloads-Migrat-on/migrationshintergrund-2010220217004.-pdf?__blob=publicationFile#page=39 (дата обращения: 19.09.2022).
4. *Hinrichs, U.* Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert / U. Hinrichs. – München : C. H. Beck, 2013. – 294 S.
5. *Wiese, H.* Kiezdeutsch / H. Wiese. – München : Beck, 2012. – 279 S.
6. *Meinhold, G.* Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / G. Meinhold, E. Stock. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1980. – 256 S.
7. *Settinieri, J.* Soziale Akzeptanz unterschiedlicher Normabweichungen in der Zielsprache Deutsch / J. Settinieri // *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht Didaktik und Methodik im Bereich Deutsch als Fremdsprache.* – 2011. – № 2. – S. 67–80.
8. *Попова, М. В.* Зависимость социального портрета говорящего от стереотипов и иноязычного акцента как постоянного социального маркера / М. В. Попова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* – 2016. – № 3 (742). – С. 9–18.

УДК 378.147:811.112.2

В.А. Шевцова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

DEUTSCH FÜR WIRTSCHAFTSSTUDIERENDE: LEHREN UND LERNEN

Es werden einige Erfahrungen bei der Entwicklung des Lehrwerkes „Wirtschaftsdeutsch“ präsentiert. Es wird angeboten, solche Fertigkeiten wie Lesen, Hören, Sprechen und Schreiben zu üben. Besonderes Augenmerk wird auf die Grammatik der deutschen Sprache gelegt.

Schlüsselwörter: *Deutsch für Wirtschaftsstudierende; Sprechfertigkeit; Lesen, Hören, Sprechen, Schreiben; Grammatik.*

Fremdsprachenkenntnisse sind in Zeiten der Globalisierung und der damit verbundenen interkulturellen Kommunikation, in denen wirtschaftliches Handeln weltweit stattfindet, für Studierende mit Wirtschaftsprofil äußerst wichtig. Dabei wird der Erstellung von Lehrmitteln ein besonderer Platz eingeräumt. Die vorliegende Arbeit befasst sich mit der Entwicklung eines Lehrwerkskonzeptes für Wirtschaftsdeutsch als Fremdsprache, dabei stützt sie sich auf folgende Bereiche: Fachgrammatik, Fachsprache und Pragmatik. Das Hauptziel des Lehrwerkskonzeptes für Wirtschaftsdeutsch besteht darin, die Vermittlung des Sprach- und Fachwissens zu fördern. Das weitere Ziel ist es, die folgenden Kompetenzen zu entwickeln:

- Sprachkompetenz – Wortschatz, Grammatik;
- Fachkompetenz – fachliche Inhalte der Berufs- bzw. Fachsprache Wirtschaft;
- Pragmatische Kompetenz – Fähigkeit, Gedanken, Gefühle und Einstellungen von Kommunikationspartnern wahrzunehmen und sich den Zwecken angemessen, konstellationsbezogen zu verständigen.

Das Lehrwerk „Wirtschaftsdeutsch“ soll neben dem Fachwissen auch grammatische Kenntnisse vermitteln. Die Grammatik von Fachsprachen weist gegenüber der Alltagssprachlichen Grammatik wenig qualitative, vielmehr fast ausschließlich quantitative Unterschiede auf. Eine Möglichkeit der Einteilung der Fachgrammatik liefert Thorsten Roelke [1, S. 71 – 72], die bezüglich der flexions- und wortbildungsmorphologischen Besonderheiten der deutschen Fachsprachen gegenüber der deutschen Bildungs- und Standardsprache übersichtlich so dargestellt werden kann: Einerseits gibt es große Zahl an Komposita, abgeleiteten Wörtern, Genitivformen, Konversionen, Passiv- und Reflexivkonstruktionen sowie Dominanz des Präsens, andererseits ist Verringerung an Akkusativ- und Dativformen zu beobachten. Diese grammatischen Strukturen dienen aus funktionaler Sicht zur Ausdrucksökonomie und Erhöhung von Deutlichkeit der Fachsprache. Die folgenden Beispiele der Aufgaben zum Thema „Komposition, Derivation, Kurzwortbildung“ sollen einen kurzen Einblick in diese Möglichkeit gewähren: *Zerlegen Sie die folgenden Komposita in ihre Hauptkomponenten. Ergänzen Sie das Fugen-s bei Komposita, sofern notwendig.*

Die Syntax behandelt die Weise, in der Wörter angeordnet und hierarchisiert sind, um Bedeutungsbeziehungen zwischen den Ausdrücken zu etablieren. Die funktionale Syntax zeigt, in welcher Weise die Struktur von Äußerungen als Kombinatorik von Sprachmitteln ihren Beitrag zum Verständigungshandeln zwischen Autoren und Lesern bestimmt. Obwohl die Fachsprachen keine eigene Grammatik haben, kann man einige Besonderheiten für ihre Syntax in funktionaler Interpretation so vorstellen: Dominanz von Aussagesätzen, häufiger Gebrauch von Konditional- und Finalsätzen, große Zahl an Relativsätzen, Funktionsverbgefügen und Präpositionalkonstruktionen. Darüber hinaus werden bestimmte grammatische Komplexe ins Lehrwerk eingebettet und entsprechende grammatische Übungen entwickelt, z. B., zum Thema „Relativsatz“: *Formen Sie die Partizipialattribute in Relativsätze um. Setzen Sie die Relativpronomen ein.*

Strukturell besteht das Lehrwerk „Wirtschaftsdeutsch“ aus zehn Lektionen und umfasst wichtige Wirtschaftsbereiche. Jedes der zehn Themen umfasst das relevanteste Wirtschaftsvokabular, ein System von lexikalischen und grammatikalischen Übungen, Aufgaben zur Entwicklung der Fertigkeiten der mündlichen Kommunikation und des schriftlichen Ausdrucks. Wortschatzarbeit versetzt die Lernenden in die Lage, Fachgespräche zu führen und an allen wichtigen Stationen einer Fachdiskussion teilzunehmen. Dieses Ziel wird durch ständiges und vielfach variiertes Üben im Anwenden stereotyper Satzmuster erreicht, wobei für die Übungen der Fachwortschatz und anpassende Strukturen Verwendung finden, die in den Texten vorgegeben sind.

Die Kompetenz des Leseverstehens wird dadurch unterstützt, dass man an Training grammatischer Phänomene fachliche differenzierte Wortschatzarbeit anschließt. Das Leseverstehen gilt als zentrale Fertigkeit in der Fachsprache, somit auch im Wirtschaftsdeutsch. Solche Techniken wie orientierendes, kursorisches, selegierendes und totales Lesen werden systematisch an authentischen Beispielen aus verschiedenen Textsorten geübt: Dazu zählen Artikel aus den Wirtschaftszeitungen, Fachzeitschriften, Kurzmeldungen sowie Werbetexte und Informationstexte allgemeiner Art. Die Aufgabenstellungen beziehen dabei die Arbeit mit dem Wörterbuch ständig mit ein. Die Realien aus dem Wirtschaftsbereich: Fotos, Karikaturen, statistische Übersichten, Grafiken, Originalauszüge, Piktogramme, Abbildungen dienen nicht nur illustrativen Zwecken, sondern übernehmen vor allem themenvorbereitende, resümierende und/oder kreativitätsfördernde Funktionen. Beim Lesen wirtschaftswissenschaftlicher Texte erlernt und festigt der Studierende den Wortschatz vor allem entsprechend dem Profil des zukünftigen Fachgebietes. Die Aufgaben zum Leseverstehen können unterschiedlich aussehen, dabei gehen die Lernenden schrittweise vor: *1) Lesen Sie zunächst den ganzen Text durch und fassen Sie kurz auf der Grundlage einiger Notizen zusammen, worum es geht. 2) Markieren Sie die Wörter/Textstellen, die Ihnen Schwierigkeiten bereiten. 3) Versuchen Sie die schwierigen Wörter/Textstellen aus dem Kontext zu erschließen. Wenn es jetzt noch Probleme gibt, arbeiten Sie mit dem Wörterbuch.*

Das Lehrwerk bietet neben dem Lesen aktuelles Unterrichtsmaterial auch zu anderen Arten von Sprachaktivitäten: Hören, Sprechen und Schreiben. Berufsorientiertes Hörverstehen wird mittels QR-Coding-Technologie für Audio- und Videomaterial aus Internetquellen (im Google-Drive-Format) umgesetzt. Diese Arbeitsmethode vereinfacht technologisch den Lernprozess, vertieft das Fachwissen der Studierenden und erhöht ihre Bildungsmotivation. Die einleitende Übung dazu kann so formuliert werden: *Scannen Sie den QR-Code, schauen Sie sich das Video an und erfüllen Sie die nachstehenden Aufgaben.*

Beim Unterrichten der Sprechfähigkeit werden Situationen professioneller Kommunikation und Bedingungen für die Äußerung verschiedener Sprechintentionen (Zustimmung / Ablehnung, Einwand, Zweifel, Vertrauen, Argumentation des eigenen Standpunkts) geschaffen, die es ermöglichen, die mündliche Kommunikation zu entwickeln. Ausschlaggebend bei der Auswahl der Texte und Realien war die Forderung, den Lernenden einen starken Gesprächsimpuls zu

geben. Die Lerner sollen veranlasst werden, sich mit den angebotenen Sprachmaterialien auseinanderzusetzen und sich dabei mit ihrer Subjektivität, ihren Haltungen, Meinungen, (Vor)Urteilen und Erfahrungen einzubringen und sie kritisch vorzustellen. Der Sprachanlass soll nicht nur bewirken, dass sich der Lerner auf Deutsch über die deutsche Wirtschaft äußern kann, sondern auch, dass er die Unterschiede zu anderen Wirtschafts- und Sozialsystemen erkennen und in diesem Zusammenhang auch thematisieren kann. Zugleich werden auch interkulturelle Aspekte am Beispiel der Phraseologie angesprochen, z. B.: *Nehmen Sie zu den folgenden Redensarten Stellung: Geld macht frei; Wer Geld hat, hat auch Sorgen.*

Die Arbeit an der Weiterentwicklung und Verbesserung von Schreibfertigkeiten erfolgt im Prozess des Verfassens von Geschäftsbriefen, Aufsätzen und Berichten etc.

Jede thematische Lektion endet mit einer Testaufgabe, die es dem Lernenden ermöglicht, die Tiefe und Korrektheit der Beherrschung des gelernten lexikalischen und grammatikalischen Materials selbständig zu überprüfen. Zu einer weiteren erfolgreicheren Bewältigung des Lernstoffs sowie zum Selbststudium dienen das Glossar mit den Wirtschaftsbegriffen und ein umfangreiches Literaturverzeichnis.

Zusammenfassend kann man sagen, dass das Lehrwerk zeigt, wie die Grundkompetenzen im Fach Wirtschaftsdeutsch gezielt handlungs- und produktionsorientiert gefördert werden können, um die praktische Sprach- und Fachkompetenz der Studierenden zu steigern. Die Aufgaben für die Bereiche Wortschatz, Grammatik, Hören, Sprechen, Lesen und Schreiben sind jeweils strukturiert und bieten einen klaren und übersichtlichen Zugang.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Roelcke, T.* Fachsprachen / T. Roelcke. – Berlin : Erich Schmidt, 1999. – 250 S.

АННОТАЦИИ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Г. А. Баева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

e-mail: g.baeva@spbu.ru

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ПЕРВЫХ БИЛИНГВАЛЬНЫХ РАЗГОВОРНИКАХ

Рассматриваются особенности языковой репрезентации деловых и бытовых коммуникативных ситуаций, передающих как универсальные, так и национальные особенности языковой картины мира в «Нижненемецко-русском разговорнике» 1607 г. ганзейского купца Т. Фенне.

Ключевые слова: разговорник; коммуникативная практика; диалог; обращение; пословица; языковая картина мира.

А. И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Рассматривается проблема применения точных методов для интерпретации и перевода текстов художественных произведений. Приводится пример статистического анализа романа Ф. Кафки «Замок».

Ключевые слова: интерпретация художественного текста; художественный перевод; обработка естественного языка; русский язык; немецкий язык; роман Ф. Кафки «Замок».

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

e-mail: ginnar@mail.ru

КОМПОНЕНТ *РЕТРО* В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ДЕТЕКТИВАХ

Рассматриваются лингвистические особенности современного российского ретродетектива и немецкого криминального романа. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие сходства и различия в ходе объективации компонента ретро в российской и немецкой детективной литературе.

Ключевые слова: *ретро; ретродетектив; жанр; беллетризация; новелизация; поэтическое слово.*

М. С. Гутовская

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
e-mail: marina-gutovskaya@yandex.by

ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Рассматриваются теоретико-методологические установки исследования языковой картины мира. Демонстрируются различия русской и английской языковых картин мира на примере метаязыкового фрагмента, обсуждаются причины различий.

Ключевые слова: *языковая картина мира; метаязыковые номинативные единицы; этноспецифичность.*

Е. Г. Задворная

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: egz0201@gmail.com

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Определяются предпосылки использования метафоры в научном дискурсе. Рассматривается ряд метафор, способных реализовать эвристическую функцию в исследованиях национально-культурной специфики речевого поведения.

Ключевые слова: *метафора; научный дискурс; речевое поведение; национально-культурная специфика; прайминг; резистентность.*

И. В. Зыкова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия
e-mail: irina_zykova@iling-ran.ru

ЯЗЫКОВАЯ VS. ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА: О КРЕАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО

В статье затрагивается история формирования понятия «языковая картина мира» и поднимается вопрос о роли языка в построении полимодальной картины мира, отображаемой в современных полимодальных дискурсах. Особое внимание уделяется раскрытию способов креативного взаимодействия вербальных и невербальных средств в кинодискурсе, установленных посредством метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности.

Ключевые слова: языковая картина мира, полимодальная картина мира, лингвокреативность, дискурсивно-параметрический анализ, полимодальный троп, полимодальная новация.

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

e-mail: olga_kostrova@mail.ru

КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Концепт КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ рассматривается преимущественно в немецкой языковой картине мира на материале его репрезентации сложно-подчиненными предложениями условия в разных видах дискурса.

Ключевые слова: универсальность; специфичность; когнитивная деятельность; семантика; виды дискурса; когнитивно-прагматическая ситуация.

С. Т. Нефедов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

e-mail: s.nefedov@spbu.ru

КРИТИКОВАТЬ ИЛИ ХВАЛИТЬ: СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Представлен анализ языка оценок в научных статьях немецких и российских социологов. Через специфику употребления оценочных средств выявлены культурно-специфические стратегии научной коммуникации и соответствующие им формы профессиональной вежливости.

Ключевые слова: язык оценок; научный социологический дискурс; культуроведческая лингвистика; профессиональная вежливость; социокультурная специфика.

В. А. Пищальникова, д. филол. н.

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

e-mail: pishchalnikova@mail.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ «КАРТИНА МИРА» И ПРИЕМЫ ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Автор исследует способы моделирования картины мира, обосновывается возможность применения терминов «модель мира», «концептуальная система» для анализа лингвистических объектов.

Ключевые слова: картина мира; модель мира; концептуальная система; моделирование.

З. А. Харитончик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: zkharitonchik@mail.ru

ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

В работе на основании сравнения определений значений наименований времен года, предложенных носителями русского и английского языков, делается вывод о существовании универсальной когнитивной матрицы, детерминированной концептуальными структурами знаний у носителей языка, и ее социально-культурной специфике, вытекающей из природных и социальных отличий называемых периодов времени. Из всех темпоральных лексических циклов наиболее изменчивы событийные циклы.

Ключевые слова: темпоральные лексические циклы; времена года; событийный цикл; когнитивная матрица; концептуальная структура.

КАРТИНА МИРА В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

А. В. Анищенко, к. филол. н.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: allan031@yandex.ru

НОМИНАЦИИ ЭМОЦИЙ В АВСТРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

На материале лексикографических источников выделяются синонимические ряды номинантов базовых эмоций в австрийском варианте немецкого языка. На основе этимологического и семантического анализа делается вывод об их культурной маркированности.

Ключевые слова: австрийский национальный вариант; номинанты эмоций; лингвокультурная специфика; лингвокультурные маркеры.

Ю. В. Бекреева, к. филол. наук

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: bekreyeva@mail.ru

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Цель статьи – выявить в значении английских донативных глаголов семантические признаки, отражающие характеристики человека. Обнаружен-

ные признаки «сила», «воля», «намерение», «социальный статус», «моральные ценности» подтверждают антропоцентрический характер семантических ролей Дающего и Получателя.

Ключевые слова: донативный глагол, концептуальная модель ситуации, характеристика человека, структура значения, семантический признак.

Р. В. Белютин, д.филол.н.

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

e-mail: ryubelyutins@rambler.ru

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «WEIHNACHTEN» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКИХ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

В данной статье анализируются языковые репрезентации концепта «Weihnachten» в дискурсе немецких футбольных фанатов. Отмечаются классические и нестандартные (лингвокреативные) варианты интегрирования концепта в коммуникативные пространства данной субкультуры.

Ключевые слова: спортивный дискурс; дискурс футбольных фанатов; этноспецифический концепт; языковая картина мира; Рождество.

Ю. А. Белютина, к. филол. наук

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

e-mail: ryubelyutins@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на примере романа Э. Гилберт «Есть, молиться, любить»)

Рассматривается один из ключевых концептов языковой культуры «любовь» в англоязычной картине мира. В результате исследования были выделены фреймы «любовь – счастье», «любовь – несчастье», «любовь к Богу».

Ключевые слова: картина мира; языковая картина мира; авторская картина мира; концепт; фреймы.

М. П. Булгакова, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: mpbulgakova@yandex.ru

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕРИВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РАЗМЕРА

Рассматривается словообразовательный потенциал прилагательных размера немецкого и французского языков в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: *семантическая деривация; словообразование; фразеология; метафора; прилагательные размера.*

Т. А. Козлова, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: kazlovatatsianalex@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ И ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье отмечается, что значение нравственной характеристики человека, фиксируемое в языке наименованием морального качества, может быть результатом развития вторичного значения у обозначения природного объекта. Характеристики природы могут также выступать признаком мотивации наименований моральных качеств. При функционировании в художественном тексте наименований моральных качеств может происходить семантический сдвиг: рассматриваемые единицы используются для обозначения свойств живых и неживых природных объектов.

Ключевые слова: *наименования моральных качеств; семантика; лексическое значение; этимология; вторичная семантика.*

Т. В. Корбачёва

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: corbatan@rambler.ru

ОБЩЕЕ И ЛИНГВОСПЕЦИФИЧЕСКОЕ В СЕМАНТИКЕ КОНСТИТУЕНТОВ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Проводится сопоставительный анализ содержательных характеристик значений слов, реализующих семантику темпоральных циклов, в русском и испанском языках. Выявляется общее и лингвоспецифичное в наборах семантических признаков, актуализируемых в лексикографических дефинициях и в коммуникации.

Ключевые слова: *темпоральные лексические циклы, лексическое значение, концептуальная структура, семантические признаки.*

К. А. Котов, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: kirillkotov298857746@mail.ru

ГЛАЗА В ОПИСАНИИ ЧЕЛОВЕКА (на примере русского, английского и испанского языков)

На примере неблизкородственных языков рассматриваются эмпирические признаки глаз человека, актуализируемые говорящим за счет обращения к феноменам окружающего мира. Выявляются общие и национально-специфические особенности, а также факторы, обуславливающие национально-культурную специфику.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *глаза человека; эмпирические признаки; семантика; денотативные области; национально-культурная специфика.*

Н. В. Михалькова, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: nadezhdakr@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТЕРМИНАТИВОВ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Путем анализа сложных многокомпонентных знаков китайской письменности рассматривается семантический потенциал составляющих их детерминативов. На примере смыслового указателя 羽 'перья' выявляется ряд дифференциальных признаков, которые могут быть включены в семантику детерминатива иероглифического знака китайского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантика; детерминатив; иероглифический знак; китайский язык.*

А. А. Мяховский, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: myahovskij@mail.ru

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ «НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются основные типы перцептивных характеристик. Приводятся сведения о распределении выявленных типов характеристик по уровням гиперо-гипонимической иерархии «названия животных».

К л ю ч е в ы е с л о в а: *перцепция, поведение, признак, гиперо-гипонимическая иерархия, распределение информации.*

Т. М. Н. Нгуен, аспирант

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

e-mail: minhnguyetbel@yandex.com

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛИЦО» ПРИ ВЫРАЖЕНИИ НЕСОГЛАСИЯ (на материале вьетнамского политического дискурса)

Выявляются основные стратегии вербального выражения несогласия во вьетнамском политическом дискурсе. Проводится анализ реализации концепта лицо при применении каждой из выявленных стратегий.

Ключевые слова: лицо; ликоугрожающий речевой акт; теория вежливости; вьетнамская лингвокультура; несогласие.

Ю. В. Овсейчик, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: ovsei77@rambler.ru

О ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЕДИНИЦЫ *DONC* В ДИАХРОНИИ

Рассматривается совмещение темпоральности и каузальности в семантике единицы *donc*, сохраняющей полифункциональность в широкой диахронической перспективе.

Ключевые слова: сочинительный союз; частица; темпоральность; каузальность; корпусные данные; диахрония.

Ю. И. Петракова, к. филол. наук

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ДЕРИВАЦИОННАЯ САЛИЕНТНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ

(на материале наименований частей тела в немецком языке)

В исследовании устанавливается функциональная значимость пространственных признаков в словообразовании и семантической деривации; выявляется общность и специфика актуализации пространственных признаков в указанных номинативных процессах.

Ключевые слова: номинация; словообразование; семантическая деривация; производящая единица; семантический признак.

А. В. Сытько., к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: sytko.mglu@gmail.com

АЛЕТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ДЕОНТИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ (на материале немецкого и русского языков)

Рассматриваются семантические характеристики деонтического высказывания. Представлены семантические виды деонтических высказываний с позиции взаимодействия деонтики с алетической семантикой.

Ключевые слова: *деонтическое высказывание, алетическая семантика, презумптивный компонент, модальный/полимодальный/деонтический маркер.*

Тун Чао, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: tongchao19960520@gmail.com

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В КИТАЙСКОЙ КВАНТИТАТИВНОЙ МЕТАФОРЕ

Путем анализа метафорических конструкций китайского языка, функционирующих для обозначения дискретного и недискретного количества, определяются общезыковые свойства, а также национально обусловленные особенности порождения конструкций типа *一丝希望* 'луч надежды' в китайском языке, выявленные характеристики сопоставляются с близкими по семантике сочетаниями в русском языке.

Ключевые слова: *семантика; метафора; количество; китайский язык.*

А. И. Хлопова, к. филол. н., доцент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: chloпова_anna@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТИ *TREUE* 'ВЕРНОСТЬ' В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматривается содержание ценности *Treue* 'верность' в немецкой лингвокультуре. В качестве основного метода исследования используется свободный ассоциативный эксперимент.

Ключевые слова: *ценность, лингвокультура, свободный ассоциативный эксперимент, анализ дефиниций толковых словарей, динамика ценностей.*

И. Г. Цеханович, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: tsekhanovichirina82@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (лексикографический аспект)

В работе анализируется социальная и индивидуальная составляющая семантики наименований лиц, зафиксированная в дефинициях, извлеченных из краудсорсингового словаря Urban Dictionary. Обыденные толкования содержат более широкий спектр субъективной информации, которую «народные лексикографы» накапливают из своего индивидуального опыта, полученных знаний и т.д.

Ключевые слова: лексическое значение, краудсорсинговый словарь, обыденное толкование, семантическое ядро, индивидуальный опыт.

В. Н. Шапошников, д. филол. наук

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В СЕМАНТИКЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЕДИНИЦ

Рассматриваются семантика, лексико-семантические связи и отношения языковых единиц. Выявляются синонимия и синонимические связи слов и их типы. Отмечаются лексико-семантические изменения в современном русском языке.

Ключевые слова: семантика; лексико-семантические связи; отражение языковой картины мира.

А. В. Шуманская, преподаватель

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

e-mail: nakashumanskaya@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Представлены общие и специфические характеристики субстантивных номинативных единиц, именующих концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в английском и русском языках.

Ключевые слова: субстантивные номинативные единицы, семантика, концепт, языковая картина мира, национальное сознание.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

Е. В. Зуевская, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: sujewskaia@tut.by

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются средства выражения уступительных отношений в немецкоязычной художественной прозе и публицистике. Предпринята попытка установления взаимосвязи между выбором средств выражения категории уступительности и функциональным стилем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *категория; уступительность; грамматические средства; лексические средства; функциональный стиль.*

А. А. Клинцева, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: aprilryan.ru@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ПОСЕССИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСЛАНДСКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются безличные реализации модального подтипа ситуации обладания в исландском, белорусском и литовском языке. Выявлено, что участники ситуации получают определенное морфологическое кодирование в соответствии с одушевленностью либо неодушевленностью субъекта обладания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *семантический синтаксис, категория безличности, посессивность, каузативность.*

А. А. Колмак,

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: alina.kolmak@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ УСЛОВИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются средства выражения категории условия на синтаксическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях в немецком и русском языках.

Ключевые слова: *условие, немецкий язык, русский язык, придаточное предложение условия, союзы, предлоги.*

С. В. Кондракова, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: s_kondrakova@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Описывается функционирование субстантивированных причастий и инфинитивов в немецкоязычных научных текстах, раскрывается их прагмакоммуникативный потенциал.

Ключевые слова: *субстантивированные причастия; субстантивированные инфинитивы; валентность; прагматика; научный текст.*

Н. В. Куценко, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: nwkutsenko@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СЕМАНТИКИ КОСВЕННЫХ ПОБУЖДЕНИЙ С ЯЗЫКОВЫМИ ЕДИНИЦАМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются возможности выражения компонентов семантической структуры косвенных побуждений языковыми единицами в немецком языке.

Ключевые слова: *семантическая структура; компоненты значения; директивные высказывания; интерпретация.*

Т. В. Майсюк, преподаватель

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

e-mail: majsjuktanja@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМИ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Данное исследование посвящено изучению морфолого-синтаксических и функционально-семантических характеристик сложноподчиненных предложений с определительной связью, а также изучению синкретизма данных придаточных.

Ключевые слова: *сложноподчиненное предложение, определительная связь, определительное придаточное предложение, синкретизм, полифункциональный тип, атрибутивность.*

С. В. Паремская

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: swetaparevskaja@yandex.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА *AN*

Анализируются основные диахронические изменения в семантике предлога *an*; выявлен процесс сужения пространственного значения предлога.

Ключевые слова: *предлог; семантика; пространственные отношения; диахронические изменения.*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

А. А. Биюмена, к.филол.н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: a-mesyats@tut.by

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ В БЕЛОРУССКОЙ ПРЕССЕ

Рассматривается диалогичность как прагматическая категория печатного медиадискурса. Анализируется потенциал прецедентных феноменов как способа экспликации диалогичности в прессе Беларуси.

Ключевые слова: *медиадискурс, пресса, диалогичность, прецедентный феномен.*

Т. Г. Боричевская, к.филол.н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: tatsiana.syrayezhka@gmail.com

РОЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТА В ТВОРЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ П. ХАНДКЕ

Рассматривается индивидуальный подход знаменитого австрийского драматурга Петера Хандке к использованию экспериментальных художественных средств на примере ранней разговорной пьесы автора «Предсказание».

Ключевые слова: *эксперимент; традиция; театр; разработка; язык; метафора.*

И. В. Дмитриева, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: diva206@mail.ru

В. В. Павлова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: pavlova.veronika.2@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной работе показаны различия в способах вербализации информации о метеорологических процессах носителями английского и русского языка.

Ключевые слова: *метеорологический процесс; явление; глагол; безличность, синтаксис.*

Н. В. Копытко, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: natalia-koliadko@tut.by

РОЛЬ ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ГЕРОЯ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РАССКАЗЕ ДЖ. К. ОУТС «ОБЕЗДОЛЕННЫЕ»

Рассматриваются особенности эмотивного компонента в языковой картине мира персонажей художественной литературы. Представлена специфика англоязычной лексики, связанной с выражением эмоций в художественном дискурсе.

Ключевые слова: *эмотивный компонент, картина мира, герой-интеллектуал, эмоциональное состояние субъекта, эмоциональная картина мира, эмотивная лексика.*

В. А. Куликова, преподаватель

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: val.kulikova@hotmail.com

Е. А. Крамышева, 4 курс бакалавриат

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: ekaterinash.17@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТИФЛОКОММЕНТАРИИ К СЕРИАЛУ *KU'DAMM 56*

На материале немецкоязычного тифлокомментария к телесериалу *Ku'damm 56* (ZDF, 2016) в настоящей работе исследуются способы вербализации категории пространства как сюжетобразующего элемента.

Ключевые слова: *тифлокомментирование; аудиодескрипция; категория пространства; пространственная картина мира; вербализация пространства.*

Н. В. Лавринович

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск, Беларусь
e-mail: lanaria@tut.by

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЧНОГО ОТКАЗА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются средства реализации категоричного отказа на материале художественных текстов немецкого языка. Описываются способы интенсификации категоричности в ситуации отказа.

Ключевые слова: *отказ; категоричное высказывание; языковые средства; интенсификаторы; прагматика.*

А. А. Максимова, преподаватель

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e-mail: a.a.agafonova05@mail.ru

ПОНЯТИЕ ВИДЕОВЕРБАЛЬНОСТИ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-МЕМЕ

В современной лингвистике одним из масштабных и перспективных объектов исследования является гастрономическая культура. В нашем исследовании рассматриваются видеовербальные тексты, представляющие ряд новых вербальных типов общения, использование которых влияет на восприятие текста реципиентом.

Ключевые слова: *текст, видеовербальный текст, вербальные и визуальные составляющие, гастрономический интернет-мем.*

В. А. Медюлянова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: viktoriya.vi@mail.ru

О КАТЕГОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается такая категория в японском языке, как коммуникативная ответственность, под которой с лингвистической точки зрения в рамках настоящей работы понимается совокупность видов, способов и средств маркирования сферы ответственности говорящего за правдивость его сообщения.

Ключевые слова: коммуникативная ответственность; эпистемический; декларативная модальность; правдивость высказывания.

Л. Н. Неборская, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: neborskaja@gmail.com

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ‘ВЕДЬМ’» (XVII В.) КАК ВТОРИЧНЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Рассматриваются структурные особенности речевого жанра «протокол допроса», способы и средства передачи речи участников допроса, устанавливается зависимость этих характеристик от экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: протокол, судебный процесс, правовая система, речевой жанр, структура, речь.

О. Е. Рымкевич, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: rymkol@yandex.ru

МОДАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (на материале немецкого языка)

Исследуется семантический потенциал модальных маркеров неопределенности в дискурсе современных немецкоязычных СМИ. Модальность актуализирует информацию и модифицирует смыслы.

Ключевые слова: модальность; модальные маркеры; семантика неопределенности; дискурс СМИ; прагматическое воздействие.

Е. Ю. Садовская, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: sadovskaya@sbmt.by

ОБ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНКЕ В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются имплицитные оценочные суждения в межпоколенческом дискурсе. Основанием для вынесения оценочных суждений с разными аксиологическими знаками является обращение к социальному контексту.

Ключевые слова: оценка; межпоколенческий дискурс; социальный контекст; имплицитный.

М. Г. Симакова, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: mari.bryl@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается метафора в политическом дискурсе. Представлены особенности функционирования тематической метафоры в политической речи.

Ключевые слова: политический дискурс; метафора; эмоциональное воздействие; скрытое сравнение; тематическая метафора.

М. А. Соколюк, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: sokolyuk_mari@mail.ru

РАЗГОВОРНИКИ XIX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале русско-немецких «Разговоров»)

Рассматриваются особенности языковой картины мира в разговорниках XIX века. Анализируются представленные в разговорниках коммуникативные практики, стереотипы, формулы вежливости и пословицы.

Ключевые слова: языковая картина мира; разговорники; коммуникативные практики; стереотипы; формулы вежливости; коммуникативное поведение.

М. Н. Тришина, аспирант

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

e-mail: trim4ik@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ НЕМЕЦКОГО МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА (на примере концепта «Flüchtling»)

В статье рассматриваются метафорические репрезентации концепта «Flüchtling» в немецкой картине мира. Отмечается многообразие метафорических моделей, структурирующих данный концепт.

Ключевые слова: *когнитивная метафора; метафорические модели; лингвоэкология; миграционная лингвистика; оценочность.*

А. Н. Угринович, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: a.kunitskaya91@gmail.com

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ТОЖДЕСТВА И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Приводится анализ функционирования разноуровневых средств выражения отношений тождества и противоположности в разножанровых текстах немецкоязычных СМИ.

Ключевые слова: *тождество; противоположность; категория компаративности; комментарий; репортаж.*

А. В. Чигирь

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: anton.chyhir@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Рассматриваются основные средства выражения эвиденциальности в русском языке. Представлены особенности функционирования маркеров эвиденциальности в текстах российских и белорусских СМИ.

Ключевые слова: *эвиденциальность; семантика; русский язык; средства массовой информации.*

Т. С. Щербина, аспирант

Калужский Государственный Университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

e-mail: tatianashcherbina4@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СЕКСИЗМА В НЕМЕЦКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье анализируются языковые репрезентации явления «сексизм» в немецкой спортивной языковой картине мира. В работе представлены случаи проявления сексизма в высказываниях разных субъектов спортивной коммуникации.

Ключевые слова: *спортивный дискурс, спортивная языковая картина мира, гендерная оппозиция, сексизм, дискриминация.*

Л. М. Якубёнок, к филол. наук
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: ludakub@tut.by

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТСКИХ РЕЧЕЙ

Целью настоящего исследования является проследить особенности употребления устойчивых сочетаний различного вида в текстах адвокатских речей и выявить закономерности их использования в немецкоязычном судебном дискурсе.

Ключевые слова: *устойчивые сочетания; фразеологизмы; оценочность; интенция; судебный дискурс.*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В ПЕРЕВОДЕ

Е. Е. Вerezубова, к.филол.н.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: c_verezubova@mail.ru

О. А. Фрейдсон, к.филол.н.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: olga-freidson@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА И ЯЗЫКА ПЕРЕВОДА (на материале названий французских праздников)

Работа посвящена анализу специфики перевода названий французских праздников и связанных с ними атрибутов на русский язык. Эти лексемы несут в себе социокультурный компонент, который не всегда легко распознать.

Ключевые слова: *языковая картина мира; лингвокультурология; лингвокультурема; переводческие трансформации; геортонимы.*

Т. В. Внук, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: vnouktati@yandex.ru
Я. В. Савошинская, студентка

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: yanina80831808@gmail.com

«СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставляются фразеологические единицы с компонентами, относящимися к сердечно-сосудистой системе человека (сердце, вена, кровь), в немецком и русском языках.

Ключевые слова: фразеологизмы; семантика; сопоставительный анализ; соматизмы.

Т. Н. Иванова, к. филол. н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Университет Аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

email: tatiana-szelinger@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПЬЕС ДЖ.М. СИНГА, ИХ ПЕРЕВОД И СЦЕНИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РОССИИ

Рассматриваются особенности драматургии ирландского драматурга начала XX столетия Дж.М. Синга, прежде всего его пьесы «Ирландский герой», анализируется ее национальная специфика, а также драматургические идеи и приемы Дж.М. Синга, одного из ярких представителей эстетического и литературного движения Кельтского Возрождения. Сценическая история постановок данной пьесы в России представляет особый интерес. Автор приходит к выводу о том, что российские постановки на основе разных литературных переводов являются межсемиотическими переводами и заслуживают дальнейшего изучения в рамках диалога культур.

Ключевые слова: Дж.М. Синг, Кельтское Возрождение, язык пьес, межсемиотический перевод, национально-специфическое, диалог культур.

Н. В. Курбаленко, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: natalliakurbalenko2@gmail.com

К ПЕРЕВОДУ ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ (на материале немецкого и белорусского языков)

Рассматриваются сходства и различия между немецким и белорусским языками при выражении каузации эмоциональных состояний. Описаны некоторые особенности перевода немецкоязычных эмотивных каузативов на белорусский язык.

Ключевые слова: *каузативная конструкция, каузация эмоциональных состояний, эмотивный каузатив, лексический каузатив, синтаксический каузатив.*

И. А. Лапицкая, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: reisenbul@yandex.by

Т. Ю. Василькова, выпускник Минского государственного лингвистического университета, Минск, Беларусь

e-mail: nikon1261@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ОРУЖИЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассматриваются способы перевода немецких и английских фразеологических единиц с компонентом «оружие» на русский язык. Анализируются структурные особенности фразеологизмов с компонентом «оружие» в немецком и английском языках.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, немецкие фразеологизмы, английские фразеологизмы, русские соответствия, способ перевода.*

Д. И. Новик, преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: daria.novik.lc@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ АГЕНТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются посессивные конструкции, выражающие отношение принадлежности по действию, а также конструкции, содержащие результаты действий, совершаемых посессором. Было установлено, что прототипическими средствами выражения атрибутивной посессивности являются притяжательное местоимение и родительный падеж.

Ключевые слова: *посессивность; атрибутивные посессивные конструкции; посессор; объект обладания; частотность.*

П. С. Шиш, преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: polina8sh@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА НА РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В данной статье анализируются русско- и немецкоязычные тексты международных договоров с целью определить их лингвокультурные особенности.

Ключевые слова: перевод; лингвокультурные особенности; международный договор; русский язык; немецкий язык.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Н. А. Богданова, к. филол. н.

Н. С. Поплавская, преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: albertowna@mail.ru / poplawskajans@gmail.com

ЭЛЕМЕНТЫ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ НА АСПЕКТНО- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

В статье излагаются результаты эксперимента по внедрению элементов эвристического обучения на занятиях по практической грамматике немецкого языка. Авторами описываются фазы проведения эксперимента и результаты рефлексии о повышении эффективности развития автономного обучения на начальном этапе. Представлены анализы результатов письменного домашнего задания, контрольной работы и формуляра саморефлексии обучающихся. Полученные данные позволяют сформулировать основные рекомендации по внедрению элементов эвристического обучения грамматике на начальном этапе.

Ключевые слова: эвристическое обучение, сознательное изучение иностранного языка, активизация обучающихся, рефлексия.

В. В. Бондарева, к.п.н.

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, РФ

e-mail: bondareva@pgsga.ru

ПРОГРАММЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ОТ ТЕОРИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ К ПРАКТИКЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Программы международной академической мобильности рассматриваются как эффективный инструмент практической реализации теории диалога культур в высшем педагогическом образовании.

Ключевые слова: академическая мобильность; диалог культур; обучение иноязычному общению; межкультурная коммуникация; межкультурное разнообразие; взаимообогащение культур; студенты языковых факультетов вузов.

Г. А. Гришенкова, к. пед. н.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: grischenkowa@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА ПРИ ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Представлен анализ современного образовательного контента при обучении будущих международных политологов. Рассматриваются проблемы медиатизация политики и приводится краткий анализ политического дискурса. В этом контексте обосновывается положение о том, что активное использование интерактивных коммуникативных технологий является залогом успешного обучения иноязычной коммуникации в политической сфере. Приводятся результаты личного практического опыта применения таких методических приемов как обучение выступлению с публичной речью и интерпретации политической карикатуры.

Ключевые слова: политический дискурс; профессионально ориентированное обучение; магистратура; интерактивные коммуникативные технологии; публичная речь; политическая карикатура.

Е. Ю. Кирейчук, ст. преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: workmiracle@mail.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПЛАГИАТА В КУРСЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Рассматривается плагиат как один из факторов, осложняющих преподавание риторики как практической языковой дисциплины в специализированном вузе. Даются рекомендации по предотвращению некорректного использования студентами источников информации при подготовке письменных работ.

Ключевые слова: практическая риторика; преподавание; письмо; плагиат; предотвращение.

М. Ю. Копыловская, к. педагог. н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

e-mail: m.kopylovskaya@spbu.ru

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматриваются основные проблемы терминологической системы лингводидактики как теории обучения иностранным языкам, в частности несовпадение культурных реалий английского языка как основного языка межкультурной коммуникации и системы российского высшего языкового образования.

Ключевые слова: лингводидактическая терминология; культурные реалии лингвистического образования; межкультурная коммуникация; английский язык.

М. Д. Кравцова, преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: masha306mide@gmail.com

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматривается методический потенциал лингвострановедческих материалов в контексте формирования межкультурной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, лингвострановедческий компонент, методический потенциал, лингвострановедческие материалы, аутентичные тексты.

А. Ю. Куркина, к. пед. н.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: anastasia.q@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИСКУРСА ПРЕССЫ

На основе анализа механизмов интерпретации можно выделить умения, которые целесообразно формировать в процессе обучения чтению текстов современной прессы.

Ключевые слова: интерпретация текстов; умения; дискурс прессы; обучение чтению.

Л. В. Мякошина

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

e-mail: ladamiakoshina@yandex.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБУЧАЮЩИХ МОДУЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Анализируются результаты эксперимента по внедрению элементов дистанционных образовательных технологий в образовательный процесс в вузе.

Ключевые слова: система управления обучением; дистанционное обучение; самостоятельная работа; эксперимент.

О. И. Писарик, младший научный сотрудник

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

e-mail: ksyfrolova93@gmail.com

РЕЛЯЦИОННАЯ БАЗА ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ПОДЪЯЗЫКУ

Рассматривается модель реляционной базы данных образовательного назначения. Описываются компоненты модели указываются типы данных для каждой ячейки таблиц базы данных.

Ключевые слова: реляционная база данных; профессиональный подъязык; строительство; английский язык; модель.

М. В. Попова, к. филол. н.,

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия

e-mail: neunerin@gmail.com

ДЕСТАНДАРТИЗАЦИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ

В статье представлены основные причины процесса дестандартизации произносительных норм немецкого языка. Подчеркивается необходимость актуализации программ обучения по немецкому языку в рамках профильных языковых специальностей. Особая значимость придается фонетическому аспекту, отмечается его необходимость для полноценного формирования вторичной языковой личности.

Ключевые слова: миграционная лингвистика; немецкий язык; языковая личность; фонетика; дестандартизация; DaF.

В. А. Шевцова, к. филол. н.

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

e-mail: schewzowa_w@mail.ru

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ЭКОНОМИКУ: ОБУЧЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

Представлен опыт разработки учебного пособия для студентов экономического профиля. Предлагается одновременное обучение всем видам речевой деятельности: чтению, аудированию, говорению и письму. Особое внимание уделяется грамматике немецкого языка.

Ключевые слова: немецкий язык для экономистов; виды речевой деятельности; чтение, аудирование, говорение, письмо; грамматика.

ABSTRACTS

PLENARY SESSION

G. A. Baeva

St. Petersburg State University, Russia

e-mail: g.baeva@spbu.ru

UNIVERSAL AND NATIONAL IN THE FIRST BILINGUAL PHRASEBOOKS

The features of the linguistic representation of business and everyday communicative situations that convey both universal and national features of the language picture of the world in the “Low German-Russian Phrase Book” of 1607 by the Hanseatic merchant T. Fenne are considered.

Key words: phrasebook; communicative practice; dialog; appeal; proverb; language picture of the world.

A. I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: a.gorozhanov@linguanet.ru

INTERPRETATION AND TRANSLATION OF FICTION TEXT USING SOFTWARE TOOLS FOR NATURAL LANGUAGE PROCESSING

The problem of applying exact methods for interpreting and translating fiction texts is considered. An example of statistical analysis of F. Kafka’s novel ‘The Castle’ is given.

Key words: fiction text interpretation; fiction text translation; natural language processing; Russian language; German language; F. Kafka’s novel ‘The Castle’.

I. A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: ginnap@mail.ru

THE *RETRO* COMPONENT IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND GERMAN DETECTIVE PROSE

The article considers linguistic distinctions of contemporary Russian retro detective prose and German crime novels and provides examples that reveal similarities and differences in the ways the retro component is objectively represented in Russian and German detective fiction.

Key words: retro; retro detective prose; genre; belletrization; novelization; poetic word.

M. S. Gutovskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus

e-mail: marina-gutovskaya@yandex.by

REASONS FOR DIFFERENCES IN LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

The paper views the theoretical and methodological principles of the language picture of the world study. The differences between the Russian and English language pictures of the world are demonstrated on the example of the metalingual fragment, the reasons for the differences are discussed.

Key words: language picture of the world; metalingual nominative units; ethno specificity.

E. G. Zadvornaya

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: egz0201@gmail.com

HEURISTIC FUNCTION OF METAPHOR IN RESEARCH OF NATIONAL AND CULTURAL ASPECTS OF SPEECH BEHAVIOUR

The paper identifies prerequisites for the use of metaphor in scientific discourse. A number of metaphors that are able to realize the heuristic function in research of national-cultural specific character of speech behavior are considered.

Key words: metaphor; scientific discourse; speech behavior; national-cultural specific character; priming; resistance.

I. V. Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: irina_zykova@iling-ran.ru

LINGUISTIC VS. MULTIMODAL WORLDVIEW: THE CREATIVE INTERACTION OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS

The paper analyzes the history of the concept of “a linguistic picture of the world” and raises the question of the role of language in the construction of a multimodal picture of the world that takes shape in modern multimodal discourses. Our special focus is on the ways of creative interaction of verbal and nonverbal means in the cinematic discourse, which were explored by the method of discursive-parametric analysis of linguistic creativity.

Key words: linguistic worldview, multimodal worldview, linguistic creativity, discursive-parametric analysis, multimodal trope, multimodal coinage.

O. A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

e-mail: olga_kostrova@mail.ru

KONDITIONALITY IN LANGUAGE WORLD PICTURE

The concept of CONDITIONALITY in German world picture represented with complex conditional clauses in different discourse arts is reviewed.

Key words: universality; peculiarity; cognitive activity; semantics; discourse arts; cognitive and pragmatic situation.

S. T. Nefedov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: s.nefedov@spbu.ru

TO CRITICIZE OR PRAISE: STRATEGIES OF PROFESSIONAL POLITENESS IN SCIENTIFIC SOCIOLOGICAL GERMAN AND RUSSIAN COMMUNITIES

An analysis of the evaluative language in scientific articles by German and Russian sociologists is presented. Through the specifics of the use of evaluative means, cultural-specific strategies of scientific communication and the corresponding forms of professional politeness are revealed.

Key words: evaluative language; scientific sociological discourse; cultural linguistics; professional politeness; sociocultural specifics.

V. A. Pishchalnikova, Doctor of Sc. (Philology)

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: pishchalnikova@mail.ru

INTERDISCIPLINARY CONCEPT OF "WORLD VIEW" AND ITS MODELING TECHNIQUES

The author explores the ways of modeling the world picture; substantiates the possibility of using the terms “world model”, “conceptual system” for the analysis of linguistic objects.

Key words: world view; world model; conceptual system; modeling.

Z. A. Kharitonchik

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: zkharitonchik@mail.ru

TIME IN LANGUAGE AND LANGUAGE IN TIME

The comparative analysis of definitions of seasons-of-the-year designators offered by speakers of Russian and English leads to the conclusion that there exists a universal cognitive matrix determined by the conceptual structures in the minds of language speakers. Being influenced by natural and cultural properties of the seasons named in particular languages it is socially and culturally specific. Among lexical temporal cycles event ones are most changeable.

Key words: temporal lexical cycles, seasons; event cycle; cognitive matrix; conceptual structure.

THE PICTURE OF THE WORLD IN THE SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS

A. V. Anishchenko, Cand. Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: allan031@yandex.ru

NOMINATION OF EMOTIONS IN THE AUSTRIAN VARIETY OF THE GERMAN LANGUAGE AS A REFLECTION OF NATIONAL CULTURE

The synonymic chains of nominations of basic emotions in the Austrian variety of the German language are identified on the material of lexicographic resources. The conclusion about their cultural marking is reached based on etymological and semantic analyses.

Key words: Austrian German; nominations of emotions; linguacultural features; linguacultural marker.

Y. V. Bekreyeva, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: bekreyeva@mail.ru

CHARACTERIZING POTENTIAL OF DONATIVE VERBS

The purpose of the article is to identify semantic features in the meaning of English donative verbs that reflect the characteristics of a person. The revealed features “strength”, “will”, “intention”, “social status”, “moral values” confirm the anthropocentric nature of the semantic roles of the Giver and the Receiver.

Key words: donative verb, conceptual model of a situation, characteristics of a person, the structure of meaning, semantic feature.

R. V. Belyutin, Doctor of Sc. (Philology)
Smolensk State University, Smolensk, Russia
e-mail: ryubelyutins@rambler.ru

CULTURE-BOUND CONCEPT “WEIHNACHTEN” IN THE LINGUISTIC WORLD VIEW OF GERMAN FOOTBALL FANS

The article analyzes linguistic representation of the concept “Weihnachten” in German football fans’ discourse. The article outlines classical and non-standard (creative) cases of how the concept is integrated in the communicative space of this subculture.

Key words: sports discourse; football fans' discourse; culture-bound concept; linguistic view of the world; Christmas.

Yu. A. Belyutina, Cand. Sc. (Philology)
Smolensk State University, Smolensk, Russia
e-mail: ryubelyutins@mail.ru

LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPT 'LOVE'
IN THE ENGLISH VIEW OF THE WORLD
(by the example of E. Gilbert's novel 'Eat, pray, love')

The article deals with one of the key concepts in the language and culture 'love' in the English world view. Three frames are singled out: 'love is happiness', 'love is unhappiness', 'love to God'.

Key words: view of the world; linguistic view of the world; the author's view of the world; concept; frame.

M. P. Bulgakova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: mpbulgakova@yandex.ru

NOMINATIVE ASPECT OF THE DIMENSIONAL ADJECTIVES'
DERIVATIONAL DEVELOPMENT

In a comparative aspect the word-forming potential of dimensional adjectives in the German and French languages is considered.

Key words: semantic derivation; word formation; phraseology; metaphor; dimensional adjectives.

T. A. Kazlova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kazlovatatsianalex@gmail.com

SEMANTIC INTERACTION BETWEEN THE NAMES OF
MORAL QUALITIES AND THE NAMES OF NATURAL OBJECTS

The article reveals that the meaning of the moral characteristic of a person, fixed in the language by the name of a moral quality, may be the result of the development of a secondary meaning in the name of a natural object. The characteristics of nature can also act as motivation signs for the names of moral qualities. When the names of moral qualities function in a literary text, a semantic shift can occur: the lexemes under consideration are used to name the properties of animate and inanimate natural objects.

Key words: names of moral qualities; semantics; lexical meaning; etymology; secondary semantics.

K. A. Kotov, PhD student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kirillkotov298857746@mail.ru

EYES IN THE DESCRIPTION OF A PERSON
(illustrated on the material of the russian, english and spanish languages)

Sensory characteristics of human eyes actualized through the speaker's reference to the phenomena of the world around are considered. Common and national-specific features are revealed, as well as the factors that determine national-cultural specificity.

Key words: human eyes; sensory characteristics; semantics; denotative areas; national-cultural specificity.

T. V. Karbachova
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: corbatan@rambler.ru

**GENERAL AND LINGUOSPECIFIC INFORMATION
IN THE SEMANTICS OF CONSTITUENTS OF TEMPORAL LEXICAL
CYCLES IN THE RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES**

A comparative analysis of the content characteristics of words meanings in Russian and Spanish is carried out. The general and linguo-specific features are revealed in the sets of semantic features manifested in lexicographic definitions and in communication.

Key words: temporal lexical cycles, lexical meaning, conceptual structure, semantic features.

N. V. Mikhalkova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nadezhdakr@yandex.ru

**SEMANTIC POTENTIAL
OF THE CHINESE CHARACTERS DETERMINATIVES**

By analyzing the complex multicomponent signs of Chinese writing, the semantic potential of their constituent determinants is considered. Using the semantic indicator 羽 'feathers' as an example, a number of differential features are revealed that can be included in the semantics of the determinative of the Chinese character sign.

Key words: semantics; determinative; character sign; Chinese.

A. A. Miakhouski, PhD student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
myaxovskij@mail.ru

DISTRIBUTION OF PERCEPTUAL INFORMATION IN THE HYPER-HYPONYMIC HIERARCHY OF ANIMAL DESIGNATORS IN CONTEMPORARY ENGLISH

The main types of perceptual features are provided. After that how the features of the identified types are distributed across the levels of the hyper-hyponymic hierarchy of animal designators is reviewed.

Key words: perception, behaviour, feature, hyper-hyponymic hierarchy, information distribution.

T. M. N. Nguyen, PhD student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: minhnguyetbel@yandex.com

A STUDY OF THE CONCEPT OF FACE IN DISAGREEMENT EXPRESSION (based on the vietnamese political discourse)

The study aims to identify the main strategies of verbal expression of disagreement in the Vietnamese political discourse. An analysis of the concept of face is carried out for each of the identified strategies.

Key words: face; face threatening act; politeness theory; Vietnamese language culture; disagreement.

Yu. V. Auseichyk Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ovsei77@rambler.ru

ON THE TEMPORAL SEMANTICS OF THE FRENCH ITEM *DONC* IN DIACRONY

The combination of temporality and causality in the semantics of the item *donc*, which preserves polyfunctionality in a broad diachronic perspective, is considered.

Key words: coordination conjunction; particle; temporality; causality; corpus data; diachrony.

J. I. Petrakova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: julia0887@tut.by

DERIVATIONAL SALIENCE OF SPATIAL FEATURES (on the basis of body part names in german)

The research reveals functional salience of spatial features in word formation and semantic transfer; the common and specific instances of actualization of spatial features in these naming processes are identified.

Key words: *naming; word formation; semantic transfer; underlying base; semantic feature.*

A. W. Sytko, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: sytko.mglu@gmail.com

ALETIC SEMANTICS IN DEONTIC STATEMENT (based on the german and russian languages)

The semantic characteristics of a deontic statement are considered. The semantic types of deontic statements are presented from that standpoint how deontics interacts with alethic semantics.

Key words: *deontic utterance, aletic semantics, presumptive component, modal/polymodal/deontic marker.*

Tong Chao, PhD student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tongchao19960520@gmail.com

UNIVERSAL AND NATIONAL FEATURES OF THE QUANTITATIVE METAPHOR IN THE CHINESE LANGUAGE

By analyzing the metaphorical constructions of the Chinese language, which function to designate a discrete and non-discrete quantity, general language properties are determined, as well as nationally determined features of the generation of constructions such as 一丝希望 'ray of hope' in Chinese, the identified characteristics are compared with combinations that are similar in semantics in the Russian language.

Key words: *semantics; metaphor; amount; Chinese.*

A. I. Khlopova, Cand. Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: chlopova_anna@mail.ru

PSYCHOLOGICALLY RELEVANT CONTENT OF THE VALUE *TREUE* 'LOYALTY' IN THE GERMAN LINGUOCULTURE

The content of the value *Treue* 'loyalty' in the German linguistic culture is considered. Free associative experiment is used as the main research method.

Key words: *value, linguistic culture, free associative experiment, analysis of the definitions of explanatory dictionaries, dynamics of values.*

I. G. Tsekhanovich, PhD student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tsekhanovichirina82@mail.ru

SOCIAL AND INDIVIDUAL IN THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS (lexicographic aspect)

The paper analyzes the social and individual components of the semantics of kinship terms, recorded in definitions which are taken from the crowdsourced dictionary Urban Dictionary. Folk definitions contain a wider range of subjective information which “folk lexicographers” accumulate from their individual experience, acquired knowledge, etc.

Key words: lexical meaning, crowdsourced dictionary, folk definitions, semantic core, individual experience.

V. N. Shaposhnikov, Doctor of Sc. (Philology)

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia Language Picture of the World and Lexical-Semantic Connections of the Units

e-mail: vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN SEMANTICS AND LEXICO-SEMANTIC RELATIONS OF UNITS

The semantics and lexical-semantic connections of the language units are considered. The synonymy and synonymic links of the words and their types are revealed. The lexical-semantic changes in modern Russian are fixed.

Key words: semantics; lexical-semantic connections; reflection of the language picture of the word.

A. V. Shumanskaya, Lecturer

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

e-mail: nakashumanskaya@mail.ru

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF MAN AND WOMAN IN ENGLISH AND RUSSIAN

The general and specific characteristics of substantive nominative units naming the concepts MAN and WOMAN in English and Russian are presented.

Key words: substantive nominative units, semantics, concept, language picture of the world, national consciousness.

OBJECTIVATION OF THE CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD AT DIFFERENT LEVELS OF LANGUAGE

E. V. Zuevskaya, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: sujewskaja@tut.by

THE SPECIFICITY OF THE EXPRESSION OF THE CATEGORY OF CONCESSION IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The means of expressing concessive relations in German fiction and journalistic texts are considered. The relationship between the choice of means of expressing the category of concession and functional style is established.

Key words: category; concession; grammatical means; lexical means; functional style.

A. A. Klintsova, PhD student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: aprilryan.ru@mail.ru

THE PECULIARITIES OF IMPERSONAL SENTENCE PATTERNS, REPRESENTING POSSESSIVE RELATIONS IN ICELANDIC, BELARUSIAN AND LITHUANIAN

The article deals with impersonal realisations of modal subtype of the situation of possession in Icelandic, Belarusian and Lithuanian. It is revealed that the participants of the situation obtain a certain morphological form due to either animate or inanimate characteristics of the subject of possession.

Key words: semantic syntax, impersonality, predicative possession, causative construction.

A. A. Kolmak,
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: alina.kolmak@yandex.ru

THE SPECIFICS OF THE EXPRESSION OF THE CATEGORY OF CONDITIONS IN GERMAN AND RUSSIAN

The means of expressing the category of condition at syntactic, morphological, word-formation and lexical levels in German and Russian are considered.

Key words: condition, German, Russian, subordinate clause of the condition, conjunctions, prepositions.

S. V. Kondrakova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: s_kondrakova@mail.ru

THE FUNCTIONING OF SUBSTANTIVISED NON-FINITE VERB FORMS IN GERMAN SCIENTIFIC TEXTS

The functioning of substantivized participles and substantivized infinitives in German scientific texts is described, their pragma-communicative potential is revealed.

Key words: *substantivized participles; substantivized infinitives; valency; pragmatics; scientific text.*

N. V. Kutsenko, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nwkutsenko@gmail.com

THE MANIFESTATION OF THE RELATIONSHIP
OF THE SEMANTICS OF INDIRECT INSTRUCTIONS
WITH THE LANGUAGE UNITS IN THE GERMAN LANGUAGE

The article discusses the possibilities of expressing the components of the semantic structure of indirect urges by language units in the German language

Key words: *semantic structure; meaning components; directive statements; interpretation.*

T. V. Maysyuk, Lecturer
Belarus State Economic University, Minsk, Belarus
e-mail: majsjuktanja@gmail.com

THE FEATURES OF FUNCTIONING OF COMPLEX SENTENCES
WITH ATTRIBUTIVE SUBORDINATE CLAUSES
IN GERMAN RUSSIAN FICTION TEXTS

The study focuses on the study of morphological-syntactic and functional-semantic characteristics of complex sentences with an attributive relation and the study of the syncretism of these subordinate clauses.

Key words: *complex sentence, attributive relation, attributive subordinate clause, syncretism, multifunctional type, attribution.*

S. W. Paremskaya
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: swetaparevskaja@yandex.ru

DIACHRONIC CHANGES IN THE SPATIAL SEMANTICS
OF THE GERMAN PREPOSITION *AN*

The main diachronic changes in the semantics of the preposition *an* are analyzed; revealed process of narrowing the spatial semantics of the preposition.

Key words: *preposition; semantics; spatial relations; diachronic changes.*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

A. A. Biyumena, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
a-mesyats@tut.by

ON ONE WAY OF DIALOGUENESS EXPLICATION IN THE BELARUSIAN PRESS

Dialogueness is considered as a pragmatic category of printed media discourse. The potential of precedent phenomena as a way of explication of dialogueness in the Belarusian press is analyzed.

Key words: media discourse, press, dialogueness, precedent phenomenon.

T. G. Barycheuskaya, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tatsiana.syraezhka@gmail.com

THE ROLE OF THE EXPERIMENT IN CREATIVE DEVELOPMENT OF P. HANDKE

The individual approach of the famous Austrian playwright Peter Handke to the use of experimental artistic means is reviewed on the example of his early conversation piece "Prediction".

Key words: experiment; tradition; theatre; development; language; metaphor.

I. V. Dmitrieva, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: diva206@mail.ru

V. V. Pavlova
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: pavlova.veronika.2@mail.ru

REPRESENTATION OF METEOROLOGICAL SITUATIONS IN ENGLISH AND RUSSIAN

The paper deals with the differences between linguistic means of delivering information about meteorological processes by English and Russian speakers.

Key words: meteorological process; phenomenon; verb; impersonal it; syntax.

N. V. Kopytko, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: natalia-koliadko@tut.by

THE ROLE OF EMOTIVE COMPONENT IN THE WORLDVIEW
OF CHARACTERS WHO ARE INTELLECTUALS
IN J. C. OATES'S SHORT STORY «THE BEREAVED»

The abstract deals with the emotive component of the literary characters' worldview. The specific nature of English vocabulary used in the literary discourse to express emotions is represented.

Key words: *emotive component, worldview, intellectuals as characters, the emotional state of the subject, emotional worldview, emotive vocabulary.*

V. A. Kulikova, Lecturer

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: val.kulikova@hotmail.com

E. A. Kramysheva, Student

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: ekaterinash.17@mail.ru

SPACE VERBALISATION
IN THE AUDIODESCRIPTION TO *KU'DAMM 56*

The current work is devoted to the analysis of space construction through language in the audiodescription to the TV-series *Ku'damm 56* (ZDF, 2016) and its role in the general plot.

Key words: *tiflocommentirovanie; audiodescription; category of space; language picture of the world; verbalization of space.*

N. V. Lavrinovich

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

lanaria@tut.by

IMPLEMENTATION OF CATEGORAL REFUSAL
IN GERMAN LITERARY TEXT

The means of expressing a categorical refusal on the material of the German language are considered. Methods for intensifying categoricalness in a refusal situation are described.

Key words: *refusal; categorical utterance; language means; intensifiers; pragmatics.*

A. A. Maksimova, Lecturer

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: a.a.agafonova05@mail.ru

THE CONCEPT OF VIDEOVERBALITY IN A GASTRONOMIC GERMAN-LANGUAGE INTERNET MEME

In modern linguistics, one of the large-scale and promising objects of research is the gastronomic culture. In our study, videoverbal texts are considered, representing a number of new verbal types of communication, the use of which affects the perception of the text by the recipient.

Key words: the concept of "text", videoverbal text, verbal and visual components, gastronomic Internet meme.

V. A. Medziulianava

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: viktoriya.vi@mail.ru

ON THE CATEGORY OF COMMUNICATIVE RESPONSIBILITY IN THE JAPANESE LANGUAGE

The category of communicative responsibility in the Japanese language is reviewed, which from a linguistic point of view in this framework is understood as a set of types, methods and means of marking the area of the speaker's responsibility for the truthfulness of his message.

Key words: communicative responsibility; epistemic; declarative modality; truthfulness of a statement.

L. N. Neborskaya, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: neborskaja@gmail.com

"PROTOCOL OF WITCHES' INTERROGATION" (17 C.) AS A SECONDARY SPEECH GENRE

The structural features of the speech genre "interrogation protocol", the methods and means of transmitting the speech of interrogation participants are reviewed, the dependence of these characteristics on extralinguistic factors is established.

Key words: structural features of protocol, trial, legal system, speech genre, structure, speech.

O. E. Rymkevich, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: rymkol@yandex.ru

MODAL MARKERS OF SEMANTIC UNCERTAINTY
IN THE DISCOURSE OF MODERN MEDIA
(based on the material of the german language)

The semantic potential of modal markers of uncertainty in the discourse of modern German-language media is investigated. Modality actualizes information and modifies meanings.

Key words: modality; modal markers; semantics of uncertainty; media discourse; pragmatic impact.

Je. Y. Sadovskaya, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: sadovskaya@sbmt.by

ABOUT THE IMPLICIT EVALUATION JUDGMENT IN
INTERGENERATIONAL DISCOURSE

Implicit evaluation judgments in the intergenerational discourse are studied. Social context serves as the basis for the production of evaluation judgments of various axiological

Key words: evaluation judgment; intergenerational discourse; social context; implicit.

M. G. Simakova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: mari.bryl@yandex.ru

FEATURES OF THE METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE

Metaphor in political discourse is considered. The features of the thematic metaphor functioning in political speech are revealed.

Key words: political discourse; metaphor; emotional impact; hidden comparison; thematic metaphor.

M. A. Sokoljuk, PhD student
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e-mail: sokolyuk_mari@mail.ru

PHRASEBOOKS OF THE 19. CENTURY
AS A REFLECTION OF THE LANGUAGE WORLD PICTURE
(based on russian-german «Conversations»)

Distinctive features of the language world picture in the phrasebooks of the 19. century are analyzed: communicative practices, stereotypes, politeness formulas and proverbs, that are presented in phrasebooks.

Key words: language picture of the world, phrasebooks; communicative practices, stereotypes, politeness formulas, communicative behavior.

M. N. Trishina, PhD student
Smolensk State University, Smolensk, Russia
e-mail: trim4ik@mail.ru

METAPHORICAL PROJECTIONS OF THE GERMAN MIGRATION DISCOURSE

The article deals with the metaphorical representations of the concept “Flüchtling” in the German worldview. A variety of metaphorical models structuring this concept is noted.

Key words: cognitive metaphor, metaphorical models, linguoecology, migration linguistics, appraisal.

A. N. Ugrinovich, PhD student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: a.kunitskaya91@gmail.com

VERBAL SPECIFIC OF IDENTITY AND OPPOSITE RELATIONS IN THE GERMAN-LANGUAGE MEDIA

The analysis of the functioning of different-level means expressing the relations of identity and opposite in multi-genre texts of the German-language media is given.

Key words: identity; opposite; category of comparativity; comment; report.

A. V. Chyhir
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: anton.chyhir@gmail.com

FUNCTIONING OF THE MEANS OF EXPRESSION OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA

The main means of expressing evidentiality in the Russian language are considered. The features of the functioning of evidential markers in the texts of Russian and Belarusian mass media are presented.

Key words: evidentiality; semantics; Russian language; mass media.

T. S. Shcherbina, PhD student
Kaluga State Tsiolkovsky University, Kaluga, Russia
e-mail: tatianashcherbina4@gmail.com

TOWARDS THE PROBLEM OF LINGUISTIC SEXISM IN GERMAN SPORTS DISCOURSE

This article analyses the linguistic representation of the phenomenon of sexism in the German sports language picture of the world. The paper presents instances of sexism in the discourse of different actors in sports communication.

Key words: sports discourse, sports language picture of the world, gender opposition, sexism, discrimination.

L. M. Yakubenok, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ludakub@tut.by

SET PHRASES IN THE TEXTS OF GERMAN LAWYER'S SPEECHES

The article is devoted to the study of German set phrases in the speech of the defense counsel. The main aim of the study is to definite the peculiarities of different set phrases in the German lawyer's speech.

Key words: set phrases; phraseologies; evaluation; intention; court discourse.

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD IN TRANSLATION

E. E. Verezubova, Cand.Sc. (Philology)
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
e-mail: c_verezubova@mail.ru

O. A. Freidson, Cand.Sc (Philology)
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
e-mail: olga-freidson@mail.ru

THE SPECIFICITY OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE ORIGINAL LANGUAGE AND THE LANGUAGE OF TRANSLATION (by the material of the names of french holidays)

This work is devoted to the analysis of the specifics of the translation of the names of French holidays and related attributes into Russian. These lexemes carry a sociocultural component that is not always easy to recognize.

Key words: language picture of the world; linguoculturology; linguoculturema; translation transformations; geortonyms.

T. V. Vnuk, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: vnouktati@yandex.ru

Y. V. Savoshynskaya, student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: yanina80831808@gmail.com

‘CARDIOVASCULAR’ PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Phraseological units containing the components related to the human cardiovascular system (such as heart, vein, and blood) in the German and Russian languages are compared.

Key words: phraseological units; semantics; comparative analysis; somatisms.

T. N. Ivanova, Cand. Sc. (Philology)
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg University of
Aerospace Instrumentation. Saint Petersburg, Russia
email: tatiana-szelinger@yandex.ru

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF PLAYS BY JOHN M. SYNGE, THEIR TRANSLATION AND STAGE INTERPRETATION IN RUSSIA

The article deals with the ideas of plays by J.M.Synge and specifically with his play “The Playboy of the Western world”. The plot and language is analyzed through the lense of the culture specific style of the author, who was a bright member of the Celtic Revival, literary movement in Ireland at the edge of the XIX and XX century. The article also shows the stage history of the Synge’s play in Russia and comes to the conclusion that all Russian productions known since 1915 can be defined as intersemiotic translations and are to be further studied as part of cultural dialogue.

Key words: J.M. Synge, the Celtic Revival, the language of plays, intersemiotic translation, nation specific, cultural dialogue

N. V. Kourbalenko, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: natalliakurbalenko2@gmail.com

TO THE TRANSLATION OF EMOTIVE CAUSATIVES (on the material of german und belarusian)

The paper is devoted to examining similarities and differences between the German and Belarusian languages in the linguistic expression of causation of emotional states. Some peculiarities of the translation of emotive causatives from German into Belarusian are described.

Key words: causative construction, causation of emotional states, emotive causative, lexical causative, syntactic causative.

I. A. Lapitskaja, Cand. Sc. (Philology)

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: reisenbul@yandex.by

T. J. Vasilkova, Minsk State Linguistic University graduate, Minsk, Belarus

e-mail: nikon1261@gmail.com

FEATURES OF TRANSLATING ENGLISH AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT “WEAPONS” INTO RUSSIAN

The methods of translating German and English phraseological units with the component “weapons” into Russian are considered. The structural features of phraseological units with the component of “weapons” in German and English are analyzed.

Key words: phraseological unit, German phraseologisms, English phraseologisms, Russian equivalents, method of translating.

D. I. Novik, Lecturer

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: daria.novik.lc@mail.ru

MEANS OF EXPRESSING ATTRIBUTIVE POSSESSIVENESS IN THE RENDERING OF THE AGENCY RELATIONSHIP IN GERMAN AND BELARUSIAN

The article is focused on constructions of agency that express the relation of affiliation by action, as well as constructions that contain the results of actions performed by the possessor. It was found that the prototypical means of expressing the attributive possessiveness are the possessive pronoun and the genitive case.

Key words: possessiveness; attributive possessive constructions; possessor; object of possession; frequent means.

P. S. Shysh

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: polina8sh@gmail.com

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE TREATY TEXT IN RUSSIAN AND GERMAN IN THE TRANSLATION ASPECT

This article analyses the Russian- and German-language texts of treaties in order to identify their linguistic and cultural features.

Key words: translation; linguistic and cultural features; treaty; Russian; German.

DIALOGUE OF CULTURES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION

N. A. Bogdanova, Cand. Sc. (Philology)

N. S. Poplavskaya, Lecturer

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: albertowna@mail.ru / poplawskajans@gmail.com

THE ELEMENTS OF THE SELF-DETECTED LEARNING IN ASPECT-CORRELATED DaF-COURSE FOR BEGINNERS

The empirical data of the self-detected learning of the grammar structure, of the self-reflection, and the support of autonomic training are reviewed. The authors present stages of the experiment and notice made during the experiment. The analysis of the results of the homework in written, of a small test, and of the questionnaire are introduced. These results let formulate some recommendations for the promotion of the autonomic training of grammar structures on the elementary level.

Key words: self-detected learning, autonomic training, learner activation, learner orientation, reflection.

V. V. Bondareva, Cand. Sc. (Pedagogy)

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, RF

e-mail: bondareva@pgsga.ru

PROGRAMS OF ACADEMIC MOBILITY: FROM THE THEORY OF DIALOGUE OF CULTURES IN TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION TO UNIVERSITY STUDENTS OF FOREIGN LANGUAGES TO THE PRACTICE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

International academic mobility programs are being considered as an effective means for implementing the concept of dialogue of cultures in higher pedagogical education.

Key words: academic mobility; dialogue of cultures; teaching intercultural communication; intercultural communication; intercultural diversity; mutual enrichment of cultures; university students of foreign languages departments.

G. A. Grishenkova, Cand. Sc. (Pedagogy)

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: grischenkowa@mail.ru

THE SPECIFICS OF EDUCATIONAL POLITICAL CONTENT IN THE PROCESS OF TEACHING SPECIALISTS IN THE FIELD OF INTERNATIONAL RELATIONS

The report presents an analysis of modern educational content in the educational process of future international affairs specialists and political scientists. The problems of mediatization of politics are considered and a brief analysis of political discourse is given. In this context, the opinion that the active use of interactive communication technologies is a key to successful teaching of foreign language communication in the political sphere is substantiated. The results of personal practical experience in the application of such methodological techniques as teaching public speaking and interpreting political cartoons are given.

Key words: *political discourse; professionally oriented training; Master's programme; interactive communication technologies; public speech; political cartoon.*

E. Y. Kireichuk, Senior Lecturer
Minsk State Linguistics University, Minsk, Belarus
e-mail: workmiracle@mail.ru

PREVENTION OF PLAGIARISM IN THE COURSE OF PRACTICAL RHETORIC

Plagiarism is considered as one of the factors complicating teaching of rhetoric as a practical language discipline at a specialized university. Recommendations are given to prevent incorrect use of information sources by students in the preparation of written work.

Key words: *practical rhetoric; teaching; letter; plagiarism; prevention.*

M. Y. Kopylovskaya, Cand. Sc. (Pedagogy)
Saint Petersburg State University, Russia
e-mail: m.kopylovskaya@spbu.ru

LINGUODIDACTIC TERMINOLOGY: ISSUES AND CHALLENGES OF MODERNITY

The main approaches to the terminology system in the theory of teaching foreign languages, in particular mismatching cultural concepts of English as the main language intercultural communication and the system of the system of higher linguistic education.

Key words: *linguodidactic terminology; cultural realis of linguistic education; intercultural communication; the English language.*

M. D. Krautsova, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: masha306mide@gmail.com

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF LINGUISTIC AND CULTURAL MATERIALS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE

The article examines the methodological potential of linguistic and cultural materials in the context of the formation of intercultural competence of students.

Key words: *intercultural competence, linguistic and cultural component, methodological potential, linguistic and cultural materials, authentic texts.*

A. Yu. Kurkina, Cand. Sc. (Pedagogy)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: anastasia.q@yandex.ru

BUILDING DISCOURSE INTERPRETATION SKILLS BY THE EXAMPLE OF MASS MEDIA TEXTS

Based on interpretation mechanisms analysis several skills can be introduced that are advisable to form while reading modern mass-media texts.

Key words: *text interpretation; skills; mass-media discourse; teaching reading.*

L. V. Miakoshina
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: ladamiakoshina@yandex.ru

EXPERIMENTAL INTRODUCTION OF E-LEARNING MODULES IN EDUCATIONAL PROCESS

The results of the experiment on the introduction of elements of distance learning technologies into the educational process at the university are analyzed.

Key words: *learning management system; E-learning; self-study; experiment.*

O. I. Pisarik, research assistant
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia
e-mail: ksyfrolova93@gmail.com

RELATIONAL DATABASE AS A TOOL FOR TEACHING PROFESSIONAL ENGLISH SUB-LANGUAGE

A relational database model for educational purposes is considered. Model components are described, data types are specified for each cell of the database tables.

Key words: relational database; professional sublanguage; construction; English language; model.

M. V. Popova, Cand. Sc. (Philology),
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: neunerin@gmail.com

DESTANDARDIZATION OF THE STANDARD GERMAN PRONUNCIATION IN THE CONTEXT OF LEARNING

The article presents the main reasons for the destandardization process of the standard German pronunciation. The necessity of updating the German language training programs within the framework of language specialties is emphasized. Particular importance is attached to the phonetic aspect and its necessity for the full formation of a secondary language identity.

Key words: migration linguistics; German; language identity; phonetics; destandardization; DaF.

V. A. Shevcova, Cand. Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: schewzowa_w@mail.ru

GERMAN FOR STUDENTS STUDYING ECONOMY: TEACHING AND STUDYING

The experience of developing a textbook for students of economic profile is presented. Simultaneous training in all types of speech activity is offered: reading, listening, speaking and writing. Particular attention is paid to the grammar of the German language.

Key words: German for economists; types of speech activity; reading, listening, speaking, writing; grammar.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Баева Г. А.</i> Универсальное и национальное в первых билингвальных разговорниках	3
<i>Горожанов А. И.</i> Интерпретация и перевод художественного текста с помощью программных инструментов обработки естественного языка	6
<i>Гусейнова И. А.</i> Компонент <i>ретро</i> в современных российских и немецких детективах.....	8
<i>Гутовская М. С.</i> Причины различий языковых картин мира.....	11
<i>Задворная Е. Г.</i> Эвристическая функция метафоры в исследованиях национально-культурных аспектов речевого поведения.....	15
<i>Зыкова И. В.</i> Языковая vs. полимодальная картины мира: о креативном взаимодействии вербального и невербального	17
<i>Кострова О. А.</i> Кондициональность в языковой картине мира.....	20
<i>Нефедов С. Т.</i> Критиковать или хвалить: стратегии профессиональной вежливости в научных социологических сообществах Германии и России	23
<i>Пищальникова В. А.</i> Междисциплинарное понятие «картина мира» и приемы ее моделирования.....	25
<i>Харитончик З. А.</i> Время в языке и язык во времени	27

КАРТИНА МИРА В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Анищенко А. В.</i> Номинации эмоций в австрийском варианте немецкого языка как отражение национальной культуры.....	29
<i>Бекреева Ю. В.</i> Характерологический потенциал донативных глаголов.....	31
<i>Белютин Р. В.</i> Этноспецифический концепт «Weihnachten» в языковой картине мира немецких футбольных фанатов	34
<i>Белютина Ю. А.</i> Лингвокультурный концепт «любовь» в англоязычной картине мира (на примере романа Э. Гилберт «Есть, молиться, любить»)	37
<i>Булгакова М. П.</i> Номинативный аспект деривационного развития прилагательных размера	40
<i>Козлова Т. А.</i> Семантическое взаимодействие наименований моральных качеств и обозначений природных объектов	42
<i>Корбачёва Т. В.</i> Общее и лингвоспецифическое в семантике конститuentов темпоральных лексических циклов в русском и испанском языках	45
<i>Котов К. А.</i> Глаза в описании человека (на примере русского, английского и испанского языков).....	48

<i>Михалькова Н. В.</i> Семантический потенциал детерминативов иероглифических знаков китайского языка	51
<i>Мяховский А. А.</i> Распределение перцептивной информации в гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в современном английском языке	53
<i>Нгуен Т. М. Н.</i> Реализация концепта «лицо» при выражении несогласия (на материале вьетнамского политического дискурса).....	57
<i>Овсейчик Ю. В.</i> О темпоральной семантике французской единицы <i>допс</i> в диахронии.....	60
<i>Петракова Ю. И.</i> Деривационная салиентность пространственных признаков (на материале наименований частей тела в немецком языке).....	63
<i>Сытько А. В.</i> Алетическая семантика в деонтическом высказывании (на материале немецкого и русского языков)	66
<i>Тун Чао</i> Универсальное и национальное в китайской квантитативной метафоре	68
<i>Хлопова А. И.</i> Психологически актуальное содержание ценности <i>Треие</i> 'верность' в немецкой лингвокультуре	70
<i>Цеханович И. Г.</i> Социальное и индивидуальное в семантике лексических единиц (лексикографический аспект)	73
<i>Шапошников В. Н.</i> Языковая картина мира в семантике и лексико-семантических связях единиц	75
<i>Шуманская А. В.</i> Языковая реализация концептов «мужчина» и «женщина» в английском и русском языках	78

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

<i>Зуевская Е. В.</i> Специфика реализации категории уступительности в современном немецком языке.....	81
<i>Клинцова А. А.</i> Особенности безличных моделей, репрезентирующих посессивные отношения в исландском, белорусском и литовском языках	83
<i>Колмак А. А.</i> Специфика выражения категории условия в немецком и русском языках	85
<i>Кондракова С. В.</i> Функционирование субстантивированных нефинитных форм глагола в немецкоязычных научных текстах	88
<i>Куценко Н. В.</i> Проявление взаимосвязи семантики косвенных побуждений с языковыми единицами в немецком языке	90
<i>Майсюк Т. В.</i> Особенности функционирования сложноподчиненных предложений с придаточными определительными в немецко- и русскоязычных художественных текстах	93

Паремская С. В. Диахронические изменения пространственной семантики немецкого предлога *an*..... 96

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>Биюмена А. А.</i> Об одном способе экспликации диалогичности в белорусской прессе	98
<i>Боричевская Т. Г.</i> Роль эксперимента в творческом становлении П. Хандке.....	100
<i>Дмитриева И. В. Павлова В. В.</i> Репрезентация метеорологических ситуаций в английском и русском языках	103
<i>Копытко Н. В.</i> Роль эмотивного компонента в языковой картине мира героя-интеллектуала в рассказе Дж. К. Оутс «Обездоленные»	106
<i>Куликова В. А. Крамышева Е. А.</i> Вербализация пространства в тифлокомментарии к сериалу <i>Ki'damm 56</i>	109
<i>Лавринович Н. В.</i> Реализация категоричного отказа в немецкоязычном художественном тексте	111
<i>Максимова А. А.</i> Понятие видеовербальности в гастрономическом немецкоязычном интернет-меме	113
<i>Медюлянова В. А.</i> О категории коммуникативной ответственности в японском языке	116
<i>Неборская Л. Н.</i> «Протокол допроса 'ведьм'» (XVII в.) как вторичный речевой жанр	118
<i>Рымкевич О. Е.</i> Модальные маркеры семантической неопределенности в дискурсе современных СМИ (на материале немецкого языка).....	121
<i>Садовская Е. Ю.</i> Об имплицитной оценке в межпоколенческом дискурсе	124
<i>Симакова М. Г.</i> Особенности метафоры в политическом дискурсе	127
<i>Соколюк М. А.</i> Разговорники XIX века как отражение языковой картины мира (на материале русско-немецких «разговоров»).....	130
<i>Тришина М. Н.</i> Метафорические проекции немецкого миграционного дискурса (на примере концепта « <i>Flüchtling</i> »)....	133
<i>Угринович А. Н.</i> Специфика вербализации отношений тождества и противоположности в немецкоязычных СМИ.....	136
<i>Чигирь А. В.</i> Функционирование средств выражения эвиденциальности в русскоязычных СМИ.....	138
<i>Щербина Т. С.</i> К проблеме языкового сексизма в немецком спортивном дискурсе	141
<i>Якубёнок Л. М.</i> Устойчивые сочетания в текстах немецкоязычных адвокатских речей	143

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В ПЕРЕВОДЕ

<i>Верезубова Е. Е. Фрейдсон О. А.</i> Специфика языковой картины мира языка оригинала и языка перевода (на материале названий французских праздников)	147
<i>Внук Т. В. Савошинская Я. В.</i> «Сердечно-сосудистые» фразеологизмы в немецком и русском языках	149
<i>Иванова Т. Н.</i> Национально-культурная специфика пьес Дж. М. Синга, их перевод и сценическая интерпретация в России	152
<i>Курбаленко Н. В.</i> К переводу эмотивных каузативов (на материале немецкого и белорусского языков).....	157
<i>Лапицкая И. А. Василькова Т. Ю.</i> Особенности перевода английских и немецких фразеологизмов с компонентом «оружие» на русский язык	160
<i>Новик Д. И.</i> Средства выражения атрибутивной посессивности при реализации отношений агентивности в немецком и белорусском языках	162
<i>Шин П. С.</i> Лингвокультурные особенности текста международного договора на русском и немецком языках в аспекте перевода.....	165

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

<i>Богданова Н. А., Поплавская Н. С.</i> Элементы эвристического обучения на аспектно-ориентированных занятиях по немецкому языку для начинающих.....	169
<i>Бондарева В. В.</i> Программы академической мобильности: от теории диалога культур в обучении иноязычному общению студентов языковых факультетов вузов к практике межкультурной коммуникации	171
<i>Грищенко Г. А.</i> Специфика образовательного политического контента при обучении специалистов в области международных отношений	175
<i>Кирейчук Е. Ю.</i> Предотвращение плагиата в курсе практической риторики...	177
<i>Копыловская М. Ю.</i> Лингводидактическая терминология: проблемы и вызовы современности	179
<i>Кравцова М. Д.</i> Методический потенциал лингвострановедческих материалов в контексте формирования межкультурной компетенции	181
<i>Куркина А. Ю.</i> Формирование умений интерпретации дискурса прессы	184
<i>Мякошина Л. В.</i> Экспериментальное внедрение электронных обучающих модулей в образовательный процесс	186

<i>Писарик О. И.</i> Реляционная база данных как инструмент обучения профессиональному английскому подъязыку	188
<i>Попова М. В.</i> Дестандартизация произносительной нормы немецкого языка в контексте обучения	191
<i>Шевцова В. А.</i> Немецкий язык для студентов, изучающих экономику: обучение и изучение	193
АННОТАЦИИ.....	197
ABSTRACTS	223

CONTENTS

PLENARY SESSION

<i>Baeva G. A.</i> UNIVERSAL AND NATIONAL IN THE FIRST BILINGUAL PHRASEBOOKS	3
<i>Gorozhanov A. I.</i> INTERPRETATION AND TRANSLATION OF FICTION TEXT USING SOFTWARE TOOLS FOR NATURAL LANGUAGE PROCESSING	6
<i>Guseynova I. A.</i> THE <i>RETRO</i> COMPONENT IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND GERMAN DETECTIVE PROSE.....	8
<i>Gutovskaya M. S.</i> REASONS FOR DIFFERENCES IN LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD	11
<i>Zadvornaya E. G.</i> HEURISTIC FUNCTION OF METAPHOR IN RESEARCH OF NATIONAL AND CULTURAL ASPECTS OF SPEECH BEHAVIOUR	15
<i>Zykova I. V.</i> LINGUISTIC VS. MULTIMODAL WORLDVIEW: THE CREATIVE INTERACTION OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS.....	17
<i>Kostrova O. A.</i> KONDITIONALITY IN LANGUAGE WORLD PICTURE	20
<i>Nefedov S. T.</i> TO CRITICIZE OR PRAISE: STRATEGIES OF PROFESSIONAL POLITENESS IN SCIENTIFIC SOCIOLOGICAL GERMAN AND RUSSIAN COMMUNITIES ...	23
<i>Pishchalnikova V. A.</i> INTERDISCIPLINARY CONCEPT OF “WORLD VIEW” AND ITS MODELING TECHNIQUES.....	25
<i>Kharitonchik Z. A.</i> TIME IN LANGUAGE AND LANGUAGE IN TIME.....	27

THE PICTURE OF THE WORLD IN THE SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS

<i>Anishchenko A. V.</i> NOMINATION OF EMOTIONS IN THE AUSTRIAN VARIETY OF THE GERMAN LANGUAGE AS A REFLECTION OF NATIONAL CULTURE	29
<i>Bekreyeva Y. V.</i> CHARACTERIZING POTENTIAL OF DONATIVE VERBS ..	31
<i>Belyutin R. V.</i> CULTURE-BOUND CONCEPT “WEIHNACHTEN” IN THE LINGUISTIC WORLD VIEW OF GERMAN FOOTBALL FANS	34
<i>Belyutina Yu. A.</i> LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPT ‘LOVE’ IN THE ENGLISH VIEW OF THE WORLD (BY THE EXAMPLE OF E. GILBERT’S NOVEL ‘EAT, PRAY, LOVE’)	37
<i>Bulgakova M. P.</i> NOMINATIVE ASPECT OF THE DIMENSIONAL ADJECTIVES’ DERIVATIONAL DEVELOPMENT....	40
<i>Kazlova T. A.</i> SEMANTIC INTERACTION BETWEEN THE NAMES OF MORAL QUALITIES AND THE NAMES OF NATURAL OBJECTS	42
<i>Kotov K. A.</i> EYES IN THE DESCRIPTION OF A PERSON (ILLUSTRATED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES)	45

<i>Karbachova T. V.</i> GENERAL AND LINGUOSPECIFIC INFORMATION IN THE SEMANTICS OF CONSTITUENTS OF TEMPORAL LEXICAL CYCLES IN THE RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES	48
<i>Mikhalkova N. V.</i> SEMANTIC POTENTIAL OF THE CHINESE CHARACTERS DETERMINATIVES	51
<i>Nguyen T. M. N.</i> A STUDY OF THE CONCEPT OF FACE IN DISAGREEMENT EXPRESSION (BASED ON THE VIETNAMESE POLITICAL DISCOURSE).....	57
<i>Auseichyk Yu. V.</i> ON THE TEMPORAL SEMANTICS OF THE FRENCH ITEM <i>DONC</i> IN DIACRONY	60
<i>Petrakova J. I.</i> DERIVATIONAL SALIENCE OF SPATIAL FEATURES (ON THE BASIS OF BODY PART NAMES IN GERMAN).....	63
<i>Sytko A. W.</i> ALETIC SEMANTICS IN DEONTIC STATEMENT (BASED ON THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES).....	66
<i>Tong Chao</i> UNIVERSAL AND NATIONAL FEATURES OF THE QUANTITATIVE METAPHOR IN THE CHINESE LANGUAGE.....	68
<i>Khlopova A. I.</i> PSYCHOLOGICALLY RELEVANT CONTENT OF THE VALUE <i>TREUE</i> 'LOYALTY' IN THE GERMAN LINGUOCULTURE.....	70
<i>Tsekhanovich I. G.</i> SOCIAL AND INDIVIDUAL IN THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS (LEXICOGRAPHIC ASPECT)	73
<i>Shaposhnikov V. N.</i> LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN SEMANTICS AND LEXICO-SEMANTIC RELATIONS OF UNITS	75
<i>Shumanskaya A. V.</i> LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF MAN AND WOMAN IN ENGLISH AND RUSSIAN	78

OBJECTIVATION OF THE CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD AT DIFFERENT LEVELS OF LANGUAGE

<i>Zuevskaya E. V.</i> THE SPECIFICITY OF THE EXPRESSION OF THE CATEGORY OF CONCESSION IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE.....	81
<i>Klintsova A. A.</i> THE PECULIARITIES OF IMPERSONAL SENTENCE PATTERNS, REPRESENTING POSSESSIVE RELATIONS IN ICELANDIC, BELARUSIAN AND LITHUANIAN	83
<i>Kolmak A. A.</i> THE SPECIFICS OF THE EXPRESSION OF THE CATEGORY OF CONDITIONS IN GERMAN AND RUSSIAN	85
<i>Kondrakova S. V.</i> THE FUNCTIONING OF SUBSTANTIVISED NON-FINITE VERB FORMS IN GERMAN SCIENTIFIC TEXTS	88
<i>Kutsenko N. V.</i> THE MANIFESTATION OF THE RELATIONSHIP OF THE SEMANTICS OF INDIRECT INSTRUCTIONS WITH THE LANGUAGE UNITS IN THE GERMAN LANGUAGE	90

<i>Maysyuk T. V.</i> THE FEATURES OF FUNCTIONING OF COMPLEX SENTENCES WITH ATTRIBUTIVE SUBORDINATE CLAUSES IN GERMAN RUSSIAN FICTION TEXTS.....	93
<i>Paremskaya S. W.</i> DIACHRONIC CHANGES IN THE SPATIAL SEMANTICS OF THE GERMAN PREPOSITION AN	96

**OBJECTIVATION OF THE CONCEPTUAL PICTURE
OF THE WORLD AT DIFFERENT LEVELS OF LANGUAGE**

<i>Biyumena A. A.</i> ON ONE WAY OF DIALOGUENESS EXPLICATION IN THE BELARUSIAN PRESS.....	98
<i>Barycheuskaya T. G.</i> THE ROLE OF THE EXPERIMENT IN CREATIVE DEVELOPMENT OF P. HANDKE.....	100
<i>Dmitrieva I. V., Pavlova V. V.</i> REPRESENTATION OF METEOROLOGICAL SITUATIONS IN ENGLISH AND RUSSIAN.....	103
<i>Kopytko N. V.</i> THE ROLE OF EMOTIVE COMPONENT IN THE WORLDVIEW OF CHARACTERS WHO ARE INTELLECTUALS IN J. C. OATES'S SHORT STORY «THE BEREAVED»	106
<i>Kulikova V. A., Kramysheva E. A.</i> SPACE VERBALISATION IN THE AUDIODESCRIPTION TO <i>KU'DAMM 56</i>	109
<i>Lavrinovich N. V.</i> IMPLEMENTATION OF CATEGORAL REFUSAL IN GERMAN LITERARY TEXT	111
<i>Maksimova A. A.</i> THE CONCEPT OF VIDEOVERBALITY IN A GASTRONOMIC GERMAN-LANGUAGE INTERNET MEME.....	113
<i>Medziulianava V. A.</i> ON THE CATEGORY OF COMMUNICATIVE RESPONSIBILITY IN THE JAPANESE LANGUAGE.....	116
<i>Neborskaya L. N.</i> "PROTOCOL OF WITCHES' INTERROGATION" (17 C.) AS A SECONDARY SPEECH GENRE	118
<i>Rymkevich O. E.</i> MODAL MARKERS OF SEMANTIC UNCERTAINTY IN THE DISCOURSE OF MODERN MEDIA (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)	121
<i>Sadovskaya Je. Y.</i> ABOUT THE IMPLICIT EVALUATION JUDGMENT IN INTERGENERATIONAL DISCOURSE	124
<i>Simakova M. G.</i> FEATURES OF THE METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE.....	127
<i>Sokoljuk M. A.</i> PHRASEBOOKS OF THE 19. CENTURY AS A REFLECTION OF THE LANGUAGE WORLD PICTURE (BASED ON RUSSIAN-GERMAN «CONVERSATIONS»).....	130
<i>Trishina M. N.</i> METAPHORICAL PROJECTIONS OF THE GERMAN MIGRATION DISCOURSE	133
<i>Ugrinovich A. N.</i> VERBAL SPECIFIC OF IDENTITY AND OPPOSITE RELATIONS IN THE GERMAN-LANGUAGE MEDIA.....	136
<i>Chyhir A. V.</i> FUNCTIONING OF THE MEANS OF EXPRESSION OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA	138

<i>Shcherbina T. S.</i> TOWARDS THE PROBLEM OF LINGUISTIC SEXISM IN GERMAN SPORTS DISCOURSE	141
<i>Yakubenok L. M.</i> SET PHRASES IN THE TEXTS OF GERMAN LAWYER'S SPEECHES	143

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD IN TRANSLATION

<i>Verezubova E. E., Freidson O. A.</i> THE SPECIFICITY OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE ORIGINAL LANGUAGE AND THE LANGUAGE OF TRANSLATION (BY THE MATERIAL OF THE NAMES OF FRENCH HOLIDAYS).....	147
<i>Vnuk T. V., Savoshynskaya Y. V.</i> 'CARDIOVASCULAR' PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES	149
<i>Ivanova T. N.</i> NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF PLAYS BY JOHN M. SYNGE, THEIR TRANSLATION AND STAGE INTERPRETATION IN RUSSIA	152
<i>Kourbalenko N. V.</i> TO THE TRANSLATION OF EMOTIVE CAUSATIVES (ON THE MATERIAL OF GERMAN UND BELARUSIAN)	157
<i>Lapitskaja I. A., Vasilkova T. J.</i> FEATURES OF TRANSLATING ENGLISH AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT "WEAPONS" INTO RUSSIAN.....	160
<i>Novik D. I.</i> MEANS OF EXPRESSING ATTRIBUTIVE POSSESSIVENESS IN THE RENDERING OF THE AGENCY RELATIONSHIP IN GERMAN AND BELARUSIAN	162
<i>Shysh P. S.</i> LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE TREATY TEXT IN RUSSIAN AND GERMAN IN THE TRANSLATION ASPECT	165

DIALOGUE OF CULTURES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION

<i>Bogdanova N. A., Poplavskaya N. S.</i> THE ELEMENTS OF THE SELF-DETECTED LEARNING IN ASPECT-CORRELATED DaF-COURSE FOR BEGINNERS.....	169
<i>Bondareva V. V.</i> PROGRAMS OF ACADEMIC MOBILITY:FROM THE THEORY OF DIALOGUE OF CULTURES IN TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION TO UNIVERSITY STUDENTS OF FOREIGN LANGUAGES TO THE PRACTICE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION	171
<i>Grishenkova G. A.</i> THE SPECIFICS OF EDUCATIONAL POLITICAL CONTENT IN THE PROCESS OF TEACHING SPECIALISTS IN THE FIELD OF INTERNATIONAL RELATIONS.....	175

<i>Kireichuk E. Y.</i> PREVENTION OF PLAGIARISM IN THE COURSE OF PRACTICAL RHETORIC.....	177
<i>Kopylovskaya M. Y.</i> LINGUODIDACTIC TERMINOLOGY: ISSUES AND CHALLENGES OF MODERNITY	179
<i>Krautsova M. D.</i> METHODOLOGICAL POTENTIAL OF LINGUISTIC AND CULTURAL MATERIALS IN THE CONTEXT OF THE	181
<i>Kurkina A. Yu.</i> BUILDING DISCOURSE INTERPRETATION SKILLS BY THE EXAMPLE OF MASS MEDIA TEXTS.....	184
<i>Miakoshina L. V.</i> EXPERIMENTAL INTRODUCTION OF E-LEARNING MODULES IN EDUCATIONAL PROCESS.....	186
<i>Pisarik O. I.</i> RELATIONAL DATABASE AS A TOOL FOR TEACHING PROFESSIONAL ENGLISH SUB-LANGUAGE	188
<i>Popova M. V.</i> DESTANDARDIZATION OF THE STANDARD GERMAN PRONUNCIATION IN THE CONTEXT OF LEARNING	191
<i>Shevcova V. A.</i> GERMAN FOR STUDENTS STUDYING ECONOMY: TEACHING AND STUDYING	193
ABSTRACTS	223

Научное издание

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Материалы V международной научной конференции

Минск, 21–23 октября 2022 г.

Ответственный за выпуск *Л. Н. Неборская*
Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*

Подписано в печать 20.10.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 14,93. Тираж 100 экз. Заказ 44.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.